

Луннова
Министерство просвещения Российской Федерации
Федеральное государственное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский педагогический государственный университет»
Покровский филиал
Институт русского языка
Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы
Мозырский государственный педагогический университет
имени И.П. Шамякина (Беларусь)
Южно-Казахстанский государственный педагогический университет
(Казахстан)

ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Материалы XXIII-й Международной
научной конференции, посвящённой
200-летию со дня рождения основоположника научной педагогики
в нашей стране Константина Дмитриевича Ушинского
и празднованию Года педагога и наставника
в Российской Федерации

г. Покров, 20–21 сентября 2023 г.

Под общей редакцией профессора А. В. Пузырёва

Электронное издание сетевого распространения

МПУ
Москва • 2023

УДК 81'2
ББК 81.003я431
Я411

DOI: 10.31862/9785426312807

Редколлегия:

Пузырёв А. В. – доктор филологических наук, кандидат психологических наук, профессор (*отв. редактор*) (г. Покров);

Бойченко Л. В. – кандидат филологических наук, доцент (г. Покров);

Куриленко В.Б. – доктор педагогических наук, профессор (г. Москва);

Дмитрюк Н. В. – доктор филологических наук, профессор (г. Шымкент, Казахстан);

Кураш С. Б. – кандидат филологических наук, доцент (г. Мозырь, Беларусь)

Рецензенты:

Александрова Л. Ю. – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (Владимир)

Чвякин В.А. – доктор философских наук, профессор, профессор Московского регионального социально-экономического института (Москва)

*Печатается по решению оргкомитета
XXIII-й Международной научной конференции
«Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты»*

Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты : материалы XXIII-й Международной научной конференции, посвящённой 200-летию со дня рождения основоположника научной педагогики в нашей стране Константина Дмитриевича Ушинского и празднованию Года педагога и наставника в Российской Федерации, г. Покров, 20–21 сентября 2023 г. / под общ. ред. А. В. Пузырева. [Электронное издание сетевого распространения]. – Москва : МПГУ, 2023. – 186 с. : ил.

ISBN 978-5-4263-1280-7

В сборнике представлены результаты обсуждения вечной проблемы психологии и лингвистики – «Язык и мышление» – в рамках проведённой научной конференции. Особое внимание уделено рассмотрению проблем фоносемантики.

Предназначено лингвистам, психологам, студентам, специалистам смежных областей знания

УДК 81'2
ББК 81.003я431

ISBN 978-5-4263-1280-7
DOI: 10.31862/9785426312807

© МПГУ, 2023
© Коллектив авторов, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ	3
-------------------------	---

В продолжение темы «Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты» (От редколлегии)	6
---	---

К 200-летию со дня рождения основоположника научной педагогике в нашей стране Константина Дмитриевича Ушинского и к празднованию Года педагога и наставника в Российской Федерации	9
---	---

Канд. филол. наук Л.В. Бойченко (Покров)

ВЕРНОСТЬ ТРАДИЦИЯМ – ОТКРЫТОСТЬ ИННОВАЦИЯМ: О ПОКРОВСКОМ ФИЛИАЛЕ МПГУ В ГОД ПЕДАГОГА И НАСТАВНИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	9
---	---

*Доктор пед. наук Л.П. Мухаммад (Москва), магистрант К. Сельвян
(Абхазия, Сухум), В.Р.Потёмкина (Москва)*

ПУТЬ В СТО ЛЕТ: ОТ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ К.Д.УШИНСКОГО – К АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИНГВОДИДАКТИКЕ А.А. ЛЕОНТЬЕВА	24
--	----

Логико-структурные и функциональные аспекты проблемы язык и мышление	34
---	----

*Канд. филол. наук Л.Р. Башкова (Пенза)
студент И.В. Дёмин (Пенза)*

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ В РЕКОМЕНДАЦИЯХ ПИСЬМОВНИКОВ (НА ПРИМЕРЕ «ЗАПИСОК КНЯГИНИ ДАШКОВОЙ»)	34
--	----

Доктор пед. наук П.А. Гагаев (Пенза)

О ФЕНОМЕНЕ МАКРОРЕЧИ В ЕЕ ОТНОШЕНИИ К ПОЗНАНИЮ ЧЕЛОВЕКОМ САМОГО СЕБЯ	40
---	----

<i>Канд. филол. наук Е.А. Зацепина (Москва)</i>	
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ КАЛЬКИ-АНГЛИЦИЗМЫ КАК ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЯЗЫКА МАСС-МЕДИА	45
<i>Доктор филол.наук Н.В. Дмитрюк, канд. филол. наук М.Ю. Шингарева (Казахстан, Шымкент)</i>	
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ СОМАТИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ (СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ)	53
<i>Канд. ист. наук Т.А. Мищенко (Черняховск) А.А. Белас (Новозыбков)</i>	
ЕВАНГЕЛИЕ УЧИТЕЛЬНОЕ В ИСТОРИИ СЛАВЯНСКОЙ СТАРОПЕЧАТНОЙ КНИЖНОСТИ: НАХОДКА НА РОССИЙСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ	60
<i>Канд. филол. наук Е.С. Никитина (Москва)</i>	
ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ СПОСОБНОСТЕЙ.....	70
<i>Канд. пед. наук Е.Р. Переслегина, студ. А.С. Платонова (Нижний Новгород)</i>	
КОНЦЕПТ УЛЫБКА В КОЛЛЕКТИВНОМ СОЗНАНИИ РУССКОГО НАРОДА: РЕЗУЛЬТАТЫ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА	83
<i>Доктор филол. наук, канд. психол. наук А.В.Пузырев (Покров)</i>	
РИТОРИКА НА УРОВНЯХ МЫШЛЕНИЯ, ЯЗЫКА, ПСИХОФИЗИОЛОГИИ, РЕЧИ И КОММУНИКАЦИИ.....	90
<i>Доктор филол. наук В.В. Шмелькова (Пенза) канд. филол.н. Суси М. (Бандунг, Индонезия)</i>	
ИЗМЕНЕНИЯ В СОСТАВЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ (НА ПРИМЕРЕ ЛСГ «ТРАНСПОРТ»).....	101
Педагогические аспекты исследования	
языка и мышления	106
<i>Канд. филол. наук Л.В. Ипполитова (Москва)</i>	
«МЫШЛЕНИЕ ПИСЬМОМ» VS ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ ПОКОЛЕНИЯ Z.....	106
Фоносемантические аспекты исследования	
языка и мышления	113
<i>Канд. филол. наук Е.И. Беседина (Санкт-Петербург) М.В. Ворошнина (Санкт-Петербург)</i>	
К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА ЗВУКОСИМВОЛИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ (НА ПРИМЕРЕ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ В РАССКАЗАХ Л. ОУЭН)	113

<i>Магистр лингвистики Д.Ю. Репина (г. Санкт Петербург)</i>	
<i>канд. филол. наук И. В. Кузьмич (г. Санкт-Петербург)</i>	
ФОНОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АННОТАЦИИ К АНГЛОЯЗЫЧНЫМ БЕСТСЕЛЛЕРАМ	120
<i>Бакалавр Ч. Бэ, канд. филол. наук Ю.Г. Седёлкина (Санкт-Петербург)</i>	
ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ СИНЕСТЕМИИ В ЯЗЫКОВОЙ ПАРЕ «АНГЛИЙСКИЙ-КОРЕЙСКИЙ»	125
Исследование языка и мышления поэта и писателя в художественной речи	132
<i>Канд. филол. наук С.Б. Кураш (Мозырь)</i>	
О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ И МЕТАЯЗЫКОВОЙ ФУНКЦИЙ ЯЗЫКА В МЕТАФОРИЧЕСКОМ КОНТИНУУМЕ РУССКИХ И БЕЛОРУССКИХ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ	132
<i>Канд. филол. наук М. Г. Луннова (Пенза)</i>	
ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КОНТРАСТНОСТИ В ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. А. БЛОКА.....	139
<i>Канд. филол. наук О.Г. Мукина (Ульяновск)</i>	
СИНЕСТЕЗИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ИДИОСТИЛЯ (НА ПРИМЕРЕ ЛИРИКИ В.А. ЖУКОВСКОГО)	145
<i>Доктор филол. наук, канд. психол. наук А.В.Пузырев (Покров)</i>	
КТО СТАЛ РЕЖИССЁРОМ СМЕРТИ А.С. ПУШКИНА?	1522
<i>Доктор филол. наук Г.Г. Хисамова (Уфа)</i>	
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ЛИРИКЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА.....	1677
<i>Канд. филол. наук В. Шетэля (Москва)</i>	
СИМВОЛИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ ГИЙОМА АПОЛЛИНЕРА НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДОВ СТИХОТВОРЕНИЯ «СОБОР В КЁЛЬНЕ»....	1743
Сведения об авторах.....	1822

В ПРОДОЛЖЕНИЕ ТЕМЫ «ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ» (ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ)

XXIII Международная научная конференция «Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты» посвящена 200-летию со дня рождения основоположника научной педагогики в нашей стране Константина Дмитриевича Ушинского и празднованию Года педагога и наставника в Российской Федерации.

В материалах конференции отражены проблематика и результаты исследований в области одной из «вечных» для науки тем – «Язык и мышление», причём в конференции оказались задействованными специалистами смежных областей – философами, психологами, лингвистами, педагогами и др.

Объединение усилий учёных-смежников под одной обложкой вызвано несколькими причинами. Самой важной из них является стремление ответить запросу времени преодолеть концептуальную разобщённость ученых различных научных специальностей, их практическое игнорирование друг друга. Думается, что материалы настоящей конференции являются своего рода одной из попыток синтеза различных подходов по отношению к одной и той же проблеме – проблеме взаимосвязей между мышлением человека и его языком (пусть даже попыткой весьма неполной и несовершенной).

При формировании сборника материалов конференции, при распределении поступивших докладов и сообщений по секциям редколлегия по-прежнему исходила из первого правила Рене Декарта «для руководства ума»: «Все науки настолько связаны между собою, что легче изучать их все сразу, нежели какую-либо одну из них в отдельности от всех прочих» [Декарт, 1936, с. 49]. Именно поэтому материалы конференции группировались не по принципу рода занятий участников конференции, но по принципу восхождения от абстрактного к конкретному.

Методологической базой для распределения докладов конференции по конкретным аспектам является методология, предложенная в середине 80-х гг. 20-го столетия философом (доктором философских наук, профессором) А.А. Гагаевым.

Первая группа статей представлена материалами, посвящёнными 200-летию со дня рождения основоположника научной педагогики в нашей стране Константина Дмитриевича Ушинского и празднованию Года педагога и наставника в Российской Федерации.

Это, во-первых, статья директора Покровского филиала МПГУ – кандидата филологических наук, доцента Людмилы Васильевны Бойченко, расска-

зывающая об особенностях развития Покровского филиала университета. Вторая статья – Доктор пед. наук Людмилы Петровны Мухаммад (Москва), магистранта К. Сельвян (Абхазия, Сухум) и преподавателя В.Р.Потёмкиной (Москва) – повествует об эволюции педагогической мысли в России – от педагогической антропологии К.Д.Ушинского к антропологической лингводидактике А.А.Леонтьева.

Вторая группа статей посвящена логико-структурным и функциональным аспектам проблемы *язык и мышление*. Здесь обсуждаются: стилистические особенности письменной речи в рекомендациях писемовников (на примере «Записок княгини Дашковой») (совместная публикация *канд. филол. наук Л.Р. Башковой со студентом И.В. Дёминым; Пенза*), феномен макроречи в её отношении к познанию человеком самого себя (*доктор пед. наук П.А. Гагаев; Пенза*), словообразовательные кальки-англицизмы как динамический аспект языка масс-медиа (*канд. филол. наук Е.А. Зацепина; Москва*), лингвокультурологический аспект изучения соматической фразеологии (*доктор филол. наук Н.В. Дмитрюк и канд. филол. наук М.Ю. Шингарева; Казахстан, Шымкент*), находка на российском пограничье такого редкого памятника славянской старопечатной книжности, как Евангелие учительное (*канд. ист. наук Т.А. Мищенко и А.А. Белас; Черняховск и Новозыбков*), формирование языковых способностей (*канд. филол. наук Е.С. Никитина; Москва*), результаты ассоциативного эксперимента относительно концепта УЛЫБКА в коллективном сознании русского народа (*канд. пед. наук Е.Р. Переслегина и студ. А.С. Платонова; Нижний Новгород*), проблемы риторики при системном подходе к этой области знания (*доктор филол. наук, канд. психол. наук А.В. Пузырев; Покров*), изменения в составе лексико-семантической группы – на примере ЛСГ «Транспорт» (*доктор филол. наук В.В. Шмелькова и канд. филол.н. Суси М.; Пенза, Россия и Бандунг, Индонезия*).

В год педагога и наставника в Российской Федерации нельзя было не выделить в отдельную группу статьи, посвящённые педагогическим аспектам изучения проблемы языка и мышления. По иронии судьбы, это оказалась наименее представленная группа. Она оказалась представлена всего лишь одной статьёй – «Мышление письмом» vs искусственный интеллект в обучении студентов поколения Z (*канд. филол. наук Л.В. Ипполитова; Москва*). Год на год не приходится – в прошлом году педагогические аспекты проблемы языка и мышления привлекли внимание значительно большего количества исследователей.

В материалах конференции традиционно выделены в отдельную секцию-группу фоносемантические аспекты исследования языка и мышления. В

ее рамках рассмотрены: проблемы перевода звукосимволической лексики – на примере глаголов движения (*канд. филол. наук Е.И. Беседина и М.В. Ворошнина; Санкт-Петербург*), фоностилистические характеристики аннотации к англоязычным бестселлерам (*магистр лингвистики Д.Ю. Репина и канд. филол. И.В. Кузьмич; С.-Петербург*), проблема передачи синестемии в языковой паре «английский-корейский» (*бакалавр Чжунсун Бэ и канд. филол. наук Ю.Г. Седёлкина; Санкт-Петербург*).

В отдельную группу выделены материалы, посвящённые исследованию языка и мышления поэта и писателя в художественной речи. Обращено внимание на взаимодействие эстетической и метаязыковой функций языка в метафорическом континууме русских и белорусских поэтических текстов (*канд. филол. наук С.Б. Кураш; Мозырь, Беларусь*), грамматические средства выражения контрастности в поэтических произведениях А. А. Блока (*канд. филол. наук М. Г. Луннова; Пенза*), на синестезию как элемент идиостиля В.А. Жуковского (*канд. филол. наук О.Г. Мукина; Ульяновск*), фигуру режиссёра смерти А.С.Пушкина (*доктор филол. наук, канд. психол. наук А.В.Пузырёв; Покров*), функционирование вопросительных предложений в лирике М.Ю. Лермонтова (*доктор филол. наук Г.Г. Хисамова; Уфа*), символизм в творчестве Гийома Аполлинера (*канд. филол. наук В. Шетэля; Москва*).

Завершается сборник материалов XXIII-й Международной научной конференции, посвящённой 200-летию со дня рождения основоположника научной педагогики в нашей стране Константина Дмитриевича Ушинского и празднованию Года педагога и наставника в Российской Федерации (Покров, 20–21 сентября 2023 г.), краткими сведениями об авторах-докладчиках.

Как это уже традиционно в истории проведения конференций «Язык и мышление: психологический и лингвистический аспекты», материалы конференции опубликованы к началу ее проведения.

Редколлегия считает своим долгом оговориться, что при подготовке к опубликованию доклады и сообщения подвергались минимальной правке, они публикуются в авторской редакции, и ответственность за уровень преподнесения, как это и принято в научном мире, полностью ложится на плечи авторов.

А.В. Пузырёв

**К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ОСНОВОПОЛОЖНИКА
НАУЧНОЙ ПЕДАГОГИКИ В НАШЕЙ СТРАНЕ
КОНСТАНТИНА ДМИТРИЕВИЧА УШИНСКОГО
И К ПРАЗДНОВАНИЮ ГОДА ПЕДАГОГА И НАСТАВНИКА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Канд. филол. наук Л.В. Бойченко (Покров)

f_pokrov@mpgu.su

SPIN-код: 5402-0111

**ВЕРНОСТЬ ТРАДИЦИЯМ – ОТКРЫТОСТЬ ИННОВАЦИЯМ:
О ПОКРОВСКОМ ФИЛИАЛЕ МПГУ В ГОД ПЕДАГОГА
И НАСТАВНИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация. В статье говорится о Покровском филиале МПГУ, следующем девизу «Верность традициям – открытость инновациям». Рассказывается о традициях, сложившихся в вузе, о перспективах развития Покровского филиала Московского педагогического государственного университета. Покровский филиал МПГУ много лет является образовательным, культурным, просветительским, духовно-нравственным центром межрегионального значения. За годы существования он внес значительный вклад в формирование интеллектуального потенциала региона. Развитая материальная база, наличие бюджетных мест, доступная стоимость обучения, высококвалифицированный профессорско-преподавательский состав – все это делает филиал привлекательным для перспективной молодежи.

Ключевые слова: Покровский филиал МПГУ, традиции и перспективы деятельности, образовательная деятельность, научно-исследовательская деятельность, учебно-воспитательный процесс, духовно-нравственное воспитание, педагогическое образование.

Candidate of Philological Sciences L.V. Boychenko (Pokrov)

f_pokrov@mpgu.su

**TRUE TO TRADITION – OPEN TO INNOVATION : ABOUT THE
POKROVSKY BRANCH OF MPSU IN THE YEAR OF TEACHER AND
MENTOR IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Abstract. The article talks about the Pokrovsky branch of the MPSU, following the motto «True to tradition – open to innovation». It tells about the traditions

that have developed at the university, about the prospects for the development of the Pokrovsky branch of the Moscow Pedagogical State University. The Pokrovsky branch of the Moscow State University has been an educational, cultural, educational, spiritual and moral center of interregional significance for many years. Over the years of its existence, it has made a significant contribution to the formation of the intellectual potential of the region. The developed material base, availability of budget places, affordable tuition fees, highly qualified teaching staff – all this makes the branch attractive for promising young people.

Key words: Pokrovsky branch of MPSU, traditions and prospects of activity, educational activity, research activity, educational process, spiritual and moral education, pedagogical education

Как известно, текущий, 2023 год Указом Президента РФ от 27.06.2022 (№ 401) был объявлен Годом педагога и наставника. В этих условиях воспользуемся возможностью рассказать о единственном педагогическом вузе Петушинского района Владимирской области – о Покровском филиале Московского педагогического государственного университета (см. также: [Л.В. Бойченко, 2022]).

История началась в далеком 1997 году, когда представительство Московского государственного открытого педагогического университета занимало всего лишь несколько аудиторий в Покровском педагогическом училище. За короткое время – всего лишь за четыре года – усилиями основателя и первого директора Василия Федоровича Козлова возник научный городок, очень удобный для учебы. И в 2001 году – на базе указанного представительства – был создан Покровский филиал Московского государственного открытого педагогического университета имени М.А. Шолохова. Затем случилась череда переименований и реорганизаций, в результате которых и возник существующий ныне Покровский филиал ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет».

Покровский филиал МПГУ расположен в г. Покров Петушинского района Владимирской области и является единственным представителем педагогического вуза в регионе.

В чем притягательность нашего филиала для российских студентов и студентов из зарубежных стран?

Во-первых, и это, вероятно, самое важное – по окончании обучения выпускник получит диплом государственного образца известнейшего в нашей стране вуза – Московского педагогического государственного университета!

Во-вторых, при поступлении можно выбирать из очень широкого списка специальностей и программ обучения в бакалавриате: «Психология», «Госу-

дарственное и муниципальное управление», «Специальное (дефектологическое) образование», «Юриспруденция», «Прикладная информатика», «Педагогическое образование» (профили: иностранный язык, изобразительное и декоративно-прикладное искусство, экономика, информатика, начальное образование, дошкольное образование), «Педагогическое образование с двумя профилями подготовки» (профили: экономика и право, дошкольное и начальное образование, русский язык и иностранный язык, история и иностранный язык).

В-третьих, Покров находится относительно недалеко от столицы – всего два часа езды на электричке, а они ходят чуть ли не каждый час»!

И стоимость обучения в Покровском филиале Московского педагогического государственного университета значительно ниже, нежели в столичных вузах!

Украшением Покровского филиала МПГУ является квалифицированный профессорско-преподавательский состав. Образовательную деятельность осуществляют кафедра гуманитарных и психолого-педагогических дисциплин, кафедра управления, экономики и права, а доля научно-педагогических работников, имеющих ученые степени и ученые звания, составляет 82%.

Преподаватели, студенты, учебно-методический состав, технические работники составляют главное богатство Покровского филиала. Объединенными усилиями создана атмосфера, в которой хочется трудиться, учиться, и это дает повод с оптимизмом смотреть в будущее.

Наш филиал имеет развитую материально-техническую базу. На земельном участке 7704 кв.м. расположены 7 корпусов общей площадью 3042,5 кв.м., находящихся в оперативном управлении, из них: 4 учебных корпуса, гостиница для преподавателей, музей С.И. Фуделя (писатель-земляк, философ, богослов), храм-часовня имени Сергия Радонежского.

В учебных корпусах расположены: библиотека, столовая, актовый зал, психолого-педагогическая лаборатория, криминалистическая лаборатория, зал судебных заседаний, оборудованы три компьютерные аудитории, выставочный зал художественных работ и декоративно-прикладного искусства, мастерские для студентов-художников, оборудованные керамическими печами, гончарным кругом, станками по обработке дерева. Все аудитории оснащены мультимедийным оборудованием.

К сожалению, филиал пока не располагает благоустроенным общежитием, но руководство видит эту проблему, и она, думаю, со временем будет решена.

Филиал много лет является образовательным центром не только городского, но и межрегионального значения. За годы своего существования он внес значительный вклад в формирование интеллектуального потенциала региона. Выпускники Покровского филиала университета успешно работают в организациях и на предприятиях нашей страны и за рубежом.

За это же время филиал подготовил более 7000 специалистов разных направлений подготовки: педагогическое образование, специальное (дефектологическое) образование, психология, русский язык и английский язык, дизайн, прикладная информатика, юриспруденция, государственное и муниципальное управление.

Эффективно развивается дополнительное образование. Обучение проводится по программам профессиональной переподготовки и повышения квалификации.

В филиале успешно обучаются иностранные студенты из Азербайджана, Беларуси, Германии, Казахстана, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, Украины.

Работает Локальный центр тестирования иностранных граждан с правом выдачи сертификатов на знание русского языка как иностранного.

Научно-исследовательская деятельность ведется по пяти направлениям: «Психолого-педагогические аспекты самоорганизации личностного потенциала», «Социокультурные основания инновационных технологий в области образования», «Современные программы управления процессами самоорганизации факторов гражданского сообщества в области образовательной деятельности», «Управление развитием муниципального образования и внедрение современных кадровых технологий», «Актуальные проблемы и тенденции развития современных гуманитарных наук и правоприменительной практики».

Научная деятельность в филиале включает научно-исследовательскую, научно-методическую работу, подготовку монографий, сборников научных статей и подготовку научных кадров.

Большая роль в организации научной деятельности духовно-нравственной направленности принадлежит созданным на базе филиала Лингвофилософскому клубу «Покровский диалог» и Научно-образовательному центру духовно-нравственного воспитания.

По инициативе Научно-образовательного центра духовно-нравственного воспитания на территории филиала 7 марта 2018 года открыт музей С.И. Фуделя, православного богослова, философа, духовного писателя, литературоведа. Ежегодно 7 марта, в день памяти С.И. Фуделя, Покров-

ский филиал МПГУ проводит межрегиональные научно-практические конференции, посвященные его творчеству.

С 2019 года Покровский филиал МПГУ принимает участие в международном научно-образовательном проекте «Языковые и межкультурные коммуникации в глобальном мире». В рамках проекта ежегодно проводятся научные конференции «Европа и современная Россия: интегративная функция науки в едином образовательном пространстве» совместно с Мальтийским филиалом Швейцарского института туризма и языков, а также ICTQ Centre for English excellence (Республика Мальта) на основании заключенных договоров о сотрудничестве.

Социально значимым и важным направлением филиала является организация воспитательного процесса. Основными направлениями являются: патриотическое, духовно-нравственное, физическое, нравственно-эстетическое воспитание студенчества, формирование культуры здорового образа жизни и др.

Эффективно работает студенческое самоуправление, представленное Студенческим советом и Студенческим научным обществом. На базе Покровского филиала МПГУ организована Студенческая Волонтерская организация (СВО). Студенты филиала принимают активное участие в городских, районных и областных мероприятиях.

Ежегодно сборная команда филиала участвует в «Сретенском турнире», организованном Александровской и Юрьев-Польской епархией. Турнир включает в себя спортивные и интеллектуальные состязания. В филиале проводится работа, направленная на оздоровление и вовлечение студенческой молодежи в регулярные занятия по физической культуре и спорту. Проводятся спортивные соревнования среди студентов по волейболу и мини-футболу. Также элементы физической активности присутствуют при встрече праздника Масленицы, где зрители имеют возможность быть не только в роли наблюдателей, но и активно участвовать в молодецких забавах, представляющих собой комплекс традиционных народных игр.

По инициативе Студенческого совета Покровского филиала МПГУ в марте 2021 года был открыт Клуб настольных игр Покровского филиала МПГУ «GameFox». Клуб является одной из форм студенческого досуга и создан в целях развития интеллектуальных способностей студентов, навыков командной работы и лидерских качеств, развитии их социальной активности и нестандартного мышления.

Значительный вклад в духовно-нравственное воспитание студенчества осуществляют представители Александровской и Юрьев-Польской епархии Русской Православной Церкви.

В период нахождения в составе МПГУ у филиала появились новые яркие возможности по развитию и популяризации педагогического образования во Владимирской области: в школах района реализуется программа «Педагогический класс», созданы интересные проекты, расширены деловые связи, открыты перспективные направления подготовки бакалавриата в рамках существующей лицензии. Проводятся различные виды практик с учетом эффективного сочетания традиционных и цифровых форм образования, реализуется воспитательный компонент, направленный на формирование гармонично развитой и социально ответственной личности.

В библиотечную систему внедрено новое программное обеспечение, значительно увеличился библиотечный фонд, созданы электронный каталог и электронная библиотека, полностью обеспечивающая учебно-воспитательный процесс и научно-исследовательскую деятельность филиала в условиях модернизации образования.

Важно то, что у Покровского филиала имеется и принята к реализации на ближайшие пять лет (2023–2027 гг.) утвержденная на Ученом совете программа развития.

В качестве стратегической цели на 2023–2027 годы принято формирование высокопрофессионального специалиста, патриота и гражданина, принимающего судьбу Отечества как свою личную, осознающего ответственность за настоящее и будущее России, стремящегося к непрерывному образованию и совершенствованию в течение всей жизни, ориентированного на духовно-нравственные ценности, сложившиеся в ходе культурного развития России.

В этой связи филиалу предстоит решить следующие задачи:

В области учебной и учебно-методической работы:

- лицензирование новых образовательных программ;
- развитие дополнительного образования;
- обновление содержания и методик преподавания учебных дисциплин в соответствии с концепциями подготовки педагогических кадров и ядра высшего педагогического образования, а также запросами работодателей;
- внедрение в образовательный процесс инновационных форм педагогического взаимодействия, увеличение доли проектно-исследовательского компонента в обучении, создание условий для индивидуализации образовательных траекторий студентов (в том числе с использованием цифровых образовательных технологий, элементов смешанного и дистанционного обучения), оптимизация системы контроля учебных достижений обучающихся;
- активизация включения преподавателей и студентов в деятельность профессиональных и экспертных сообществ, взаимодействия с представите-

лями работодателей, формирования цифрового профессионального сообщества;

– усиление взаимодействия с профильными организациями по реализации программ целевого обучения, позволяющим молодым специалистам закрепиться в регионе.

В области научной деятельности:

– расширение связей с научными организациями и наукоориентированными компаниями;

– реализация научно-исследовательских проектов и участие в проектно-заявочной грантовой деятельности преподавателей в области фундаментальных и прикладных научных исследований, в том числе, связанных с реализацией положений Указа Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

В области воспитательной деятельности:

– формирование нравственной личности, патриота и гражданина, осознающего ответственность за настоящее и будущее нашей страны и общества;

– формирование российской идентичности на основе историко-культурных традиций народов России, на основе укрепления межкультурного и межконфессионального диалога, профилактики и противодействия идеологии экстремизма;

– вовлечение студенческой молодежи в профессиональную, научно-исследовательскую, просветительскую, волонтерскую деятельность для формирования профессиональных компетенций, социокультурного опыта, лидерских качеств и креативных возможностей;

– расширение сотрудничества с факультетами и институтами МПГУ.

В области профориентационной работы:

– увеличение количества договоров с общеобразовательными организациями в рамках проекта «Профильный психолого-педагогический класс»;

– обновление форм профориентационной работы с абитуриентами путем увеличения количества договоров с образовательными организациями;

– разработка методических материалов предметных олимпиад для учащихся школ и колледжей.

В области просветительской деятельности:

– реализация филиалом «третьей миссии» Университета, проявляющейся в развитии разнообразных форм просветительской и культурной деятельности, популяризации науки и образования, создание возможностей для со-

циализации и развития разных категорий населения, осуществление значимых для города и региона социальных функций и вызовов;

- наращивание темпов просветительской работы и расширение участия в социально-ориентированных проектах;

- проведение с Александровской Епархией Русской Православной Церкви просветительских мероприятий, направленных на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Такими площадками являются ежегодный конкурс «Молодёжь и православная традиция», ежегодная конференция «Рождественские чтения», организуемые филиалом.

В области развития кадрового потенциала:

- омоложение кадрового состава (привлечение преподавателей с ученой степенью до 39 лет).

В области материально-технического обеспечения:

- модернизация материально-технической базы филиала в соответствии с современными требованиями.

В качестве механизмов решения поставленных задач выступают:

В области учебной и учебно-методической работы:

- обновление содержания учебных дисциплин с учетом концепции Ядра высшего педагогического образования, на основе современных достижений науки и техники;

- расширение спектра учебных дисциплин по выбору, реализуемых кафедрами филиала, с целью обеспечения возможности получения студентами нескольких квалификаций;

- совершенствование системы индивидуальных занятий и консультаций для повышения академической успеваемости студентов;

- разработка системы учебного наставничества среди студентов;

- внедрение в практику преподавания учебных дисциплин интерактивных образовательных технологий (в том числе проектно-исследовательских), моделирующих будущую профессиональную деятельность обучающихся, привлечение лучших выпускников к проведению мастер-классов, демонстрация современных педагогических практик;

- совершенствование модели организации непрерывной педагогической практики, ее вариативности и индивидуализации;

- активное развитие академической мобильности студентов, сетевого взаимодействия, в том числе с зарубежными организациями;

– проведение мероприятий по устранению выявленного дефицита знаний обучающихся в результате «Входного тестирования», проводимого на образовательной платформе «Юрайт».

В области дополнительного образования:

– расширение перечня программ дополнительного образования и оптимизация его для удовлетворения запросов современного общества;

– проведение event-мероприятий в качестве рекламных акций;

– активизация работы по продвижению программ дополнительного образования с помощью ATL-каналов рекламирования: в сети Интернет (работа в социальных сетях), фирменная раздаточная продукция (флаеры, листовки);

– расширение связей непосредственно с работодателями для заключения прямых договоров.

В области научной деятельности:

– реализация научно-исследовательских проектов и грантов в области государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей;

– материальное поощрение профессорско-преподавательского состава в проектно-заявочной деятельности на получение грантов по результатам выполнения вышеуказанной работы;

– осуществление научных исследований и разработок в приоритетных областях науки, техники и технологий, включая вопросы исследования духовно-нравственного развития и воспитания молодежи, проблем модернизации институтов развития России и прикладных задач в области управления, экономики и права;

– актуализация и увеличение тем ВКР по заказу образовательных, социальных учреждений, государственных муниципальных структур, правоохранительных, правоприменительных органов, предприятий и организаций в сфере IT-технологий;

– поддержка различных форм студенческой научной и научно-просветительской инициативы, вовлечение молодых ученых из числа студентов в исследования по перспективным научным темам;

– увеличение количества научно-исследовательских региональных и межрегиональных проектов;

– стимулирование публикационной активности ППС, студентов и увеличение числа публикаций в рейтинговых изданиях;

– поддержание и развитие сети научных конкурсов для раскрытия творческого потенциала преподавателей и студентов, сопровождение студентов в процессе участия в научных конкурсах за пределами филиала;

– организация на базе филиала региональных, всероссийских и международных научных и научно-практических конференций для укрепления научных контактов, формирования единого научного пространства и содействия популяризации в научной среде достижений профессорско-преподавательского состава и студентов;

– ориентация деятельности научного общества студентов на использование полученных научных знаний в дальнейшей профессиональной деятельности выпускника;

– повышение роли межвузовского студенческого взаимодействия при апробации результатов научных исследований;

– интеграция научно-исследовательской деятельности путём продолжения работы по проведению Международной научной конференции «Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты», молодежной научной междисциплинарной конференции «Историко-социологические аспекты современной культуры», межвузовской региональной научно-практической конференции на тему: «Актуальные вопросы теории и практики правотворчества и правоприменения»;

– всероссийской научно-практической конференции «Проблемы и перспективы развития социально-экономических и гуманитарных наук: педагогика, психология, экономика, юриспруденция», совместно с Александровской Епархией ежегодной конференции «Рождественские чтения», всероссийской научно-практической конференции ко Дню российской науки.

В области воспитательной деятельности:

– увеличение числа обучающихся, участвующих в реализации просветительских и социально значимых проектах, таких как: Всероссийский конкурс «Педагогический дебют», участие в мероприятиях Владимирской региональной общественной просветительской организации «Знание» и волонтерском движении, других мероприятий, направленных на развитие у студентов способностей в научно-исследовательской, творческой и физкультурно-спортивной сферах;

– приобщение студентов к педагогической культуре через педагогические практики и тематические мероприятия;

– развитие студенческого самоуправления и студенческих объединений;

– привлечение студентов к участию во Всероссийском конкурсе «Моя страна – моя Россия».

В области международной деятельности:

– заключение договора о сотрудничестве с Мозырским государственным педагогическим университетом имени И.П. Шамякина (Республика Беларусь);

– интернационализация учебно-научной деятельности через участие в международных проектах и программах.

В области профориентационной работы:

– расширение спектра мероприятий и совершенствование методики взаимодействия с целевой аудиторией в рамках проектов, организация олимпиад, конкурсов, научных конференций с участием школьников и студентов;

– привлечение студентов и молодых преподавателей к осуществлению проектно-исследовательских работ учащихся образовательных учреждений;

– развитие программы ранней профориентации и работы с абитуриентами через расширение сети договоров с общеобразовательными организациями, прежде всего, участвующими в проекте «Профильный психолого-педагогический класс»;

– расширение представительства научных, образовательных и просветительских организаций и профессионального сообщества в просветительских проектах;

– расширение участия ППС в профориентационной работе;

– проведение студентами филиала мастер-классов для школьников в рамках проекта «Точка роста» в Московской и Владимирской областях;

В области работы со студенческим сообществом:

– организация просветительских мероприятий в образовательных организациях региона;

– расширение партнерства с учреждениями науки, культуры, общественными организациями;

– привлечение студентов к участию во Всероссийском студенческом конкурсе «Твой Ход», Всероссийского конкурсе «ТопБЛОГ» президентской платформы «Россия – страна возможностей», в мероприятиях Владимирской региональной общественной просветительской организации «Знание».

В области развития кадрового потенциала:

– создание условий для личностного и профессионального роста профессорско-преподавательского состава, в т. ч. совершенствования профессиональных компетенций, развития научной деятельности и творческого потенциала;

– организация методических семинаров и мастер-классов по использованию современных образовательных технологий, проведение открытых занятий, публичных лекций, круглых столов по обмену педагогическим и исследовательским опытом и др.;

– развитие корпоративной культуры, основанной на ценностях и традициях российской высшей школы;

- создание условий для подготовки научно-педагогических кадров к защите кандидатских и докторских диссертаций,
- осуществление системного контроля за реализацией дорожной карты подготовки молодых ученых;
- формирование кадрового резерва из числа молодых специалистов и специалистов-практиков, перспективных выпускников, выпускников прошлых лет, имеющих способности к научной работе;
- организация повышения квалификации ППС с учетом актуальных направлений развития науки и образования;

В области материально-технического обеспечения:

- переоснащение и укрепление научной и учебно-лабораторной базы филиала;
- обновление компьютерной базы;
- оформление тематических кабинетов;
- закупка учебной литературы, содержащей актуальные инновационные технологии.

В области формирования эффективной управленческой модели филиала:

- цифровизация процесса управления для решения оперативных задач;
- включение Студенческого совета в работу по принятию управленческих решений;
- создание Попечительского совета филиала.

В качестве **интеграции деятельности Покровского филиала МПГУ** в процессы регионализации образования и взаимодействия с образовательными учреждениями дошкольного, общего, среднего профессионального образования, высшего образования Владимирской и Московской областей предусматривается использование следующих механизмов:

- координация методического обеспечения образовательного процесса, подготовку научно-обоснованных и практико-ориентированных рекомендаций;
- вовлечение студентов Покровского филиала МПГУ в региональную и общероссийскую студенческую жизнь;
- совместная научно-исследовательская деятельность субъектов образовательного процесса в рамках приоритетных направлений развития науки;
- работа по укреплению и расширению связей с Управлением образования Владимирской области, Департаментом образования и молодежной политики Владимирской области;

- сотрудничество с учреждениями культуры по реализации культурно-воспитательной работы со студентами;
- сотрудничество с предприятиями и коммерческими организациями в части организации прохождения практик;
- сотрудничество с «родственными» кафедрами других вузов, организация и участие в совместных студенческих конференциях.

Развитие интеграционной деятельности филиала с МПГУ реализуется в рамках Концепции подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 года. Запланировано расширение количества психолого-педагогических классов в региональных школах. К 2027 году планируется к имеющимся 5 психолого-педагогическим классам открытие еще 2 в МОУ СОШ № 11 и № 18 имени Н.В. Менчинского г. о. Павловский Посад Московской области.

Открытие подобных классов направлено на проведение педагогической профориентации, создание условий для раннего погружения в психолого-педагогическую сферу деятельности, профессиональное самоопределение, что обеспечивает необходимые условия для непрерывного образования.

В рамках реализации проекта «Базовые школы МПГУ» заключен договор МБОУ «Гимназия № 17» г. Петушки Владимирской области.

Покровский филиал в процессе интеграционной деятельности взаимодействует с филиалами МПГУ, Институтом филологии МПГУ, Институтом истории и политики МПГУ, Институтом детства МПГУ в реализации совместных научных и просветительских мероприятий. В 2020 году к 75-летию в Великой Отечественной войне совместно с Институтом детства МПГУ был подготовлен и проведен фестиваль в г. Покров «Письма Победы». Совместно с кафедрой логопедии Института детства в 2020 году подготовили и провели семинар на тему «Современные направления обучения и воспитания детей с ограниченными возможностями здоровья». В 2021 году совместно с Институтом филологии была проведена научно-практическая конференция по творчеству православного писателя С.И. Фуделя. В декабре 2022 года преподаватели и студенты приняли участие в VII Всероссийской межвузовской студенческой научно-практической конференции «Законность и правопорядок: история, современность, актуальные проблемы», где работа студента Покровского филиала МПГУ была удостоена Грамоты победителя в номинации «Научный дебют». Преподаватели и студенты Института истории и политики МПГУ являются активными участниками научно-практической конференции по творчеству православного писателя С.И. Фуделя и прини-

мали участие в просветительском мероприятии «Урок местного самоуправления».

В процессе такого взаимодействия происходит обогащение опытом педагогического мастерства, внедрения новых форм и методов обучения, проведения научных исследований, воспитательной работы.

Перспективным направлением интеграции в сфере научной, исследовательской, инновационной, воспитательной деятельности и других направлений в образовательном процессе, помимо интеграции с учебными подразделениями МПГУ, является интеграция деятельности Покровского филиала МПГУ с другими федеральными образовательными учреждениями, такими как:

Российской академия образования, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (Педагогический институт),

Государственный гуманитарно-технологический университет,

Владимирский филиал РАНХИГС при Президенте РФ,

Владимирский филиал Финансового университета при Правительстве РФ,

Пензенский государственный университет,

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет,

Московский государственный лингвистический университет.

С данными организациями планируется проведение научных исследований, региональных и межрегиональных конференций, подготовка совместных научных работ, заключение договоров о сотрудничестве.

Филиал активно взаимодействует с колледжами Владимирской и Московской областей. Заключены договоры о сотрудничестве с Петушинским промышленно-гуманитарным колледжем, Социально-гуманитарным колледжем г. Покров.

Задача интеграционной деятельности филиала также реализуется путём проведения ежегодных Фуделевских чтений, посвящённых духовному, научному, литературному наследию православного философа, богослова, литературоведа Сергея Иосифовича Фуделя. Данное мероприятие объединяет учёных теологов, философов, лингвистов, журналистов, священнослужителей из многих регионов России, а также из-за рубежа.

Значимым элементом интеграции является традиционное участие преподавателей филиала в ежегодной международной научно-практической конференции «Шамовские педагогические чтения» научной школы управления образовательными системами (г. Москва).

Эффективным является сотрудничество Лингвофилософского клуба «Покровский диалог» с философами, филологами, лингвистами Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, представителями Московской Международной Академии и других образовательных и научных организаций. Лингвофилософский клуб был создан в 2008 году по инициативе ведущих ученых из области гуманитарного знания высших учебных заведений Владимирского региона. Лингвофилософское исследование интересно культурологам, психологам, акмеологам, журналистам, преподавателям русского языка, а также всем интересующимся состоянием и развитием современного русского языка, рассматриваемого в широком мировоззренческом контексте.

Ключевым направлением в сфере интеграционной деятельности является проведение с Александровской Епархией Русской Православной Церкви нравственно-просветительских мероприятий, направленных на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Такими площадками являются ежегодный конкурс «Молодежь и православная традиция», ежегодная конференция «Рождественские чтения», организуемые на базе филиала.

В рамках научно-исследовательской деятельности кафедр филиала намечено продолжение работы по проведению Международной научной конференции «Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты», молодежной научной междисциплинарной конференции «Историко-социологические аспекты современной культуры», межвузовской региональной научно-практической конференции «Актуальные вопросы теории и практики правотворчества и правоприменения», всероссийской научно-практической конференции «Проблемы и перспективы развития социально-экономических и гуманитарных наук: педагогика, психология, экономика, юриспруденция», «Рождественские чтения» совместно с Александровской епархией, всероссийской научно-практической конференции ко Дню российской науки.

Литература

Бойченко Л.В. От истоков до наших дней // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: тезисы и материалы XXII-й Международной научной конференции, посвященной 150-летию Московского педагогического государственного университета и 70-летию со дня рождения профессора А.А.Гагаева, г. Покров, 14–16 сентября 2022 г. / Под общ. ред. А.В. Пузырёва. – М.: МПГУ, 2022. С. 10–15.

Покровского филиала МПГУ: сайт. URL: <http://mpgu.su/ob-mpgu/struktura/filialyi/pokrovskiy-filial/> (дата обращения: 12.05.2022).

References

Boychenko L.V. From the origins to the present day // Language and thinking: psychological and linguistic aspects: theses and materials of the XXII-th International Scientific Conference dedicated to the 150th anniversary of Moscow Pedagogical State University and the 70th anniversary of the birth of Professor A.A. Gagaev, Pokrov, September 14–16, 2022 / Under the general editorship of A.V. Puzyrev. – Moscow: MPSU, 2022. Pp. 10–15.

The website page of the Pokrovsky branch of MPSU. URL: <http://mpgu.su/ob-mpgu/struktura/filialyi/pokrovskiy-filial/> (date of application: 12.05.2022).

*Доктор пед. наук Л.П. Мухаммад (Москва),
магистрант К. Сельвян (Абхазия, Сухум),
В.Р. Потёмкина (Москва)*

SPIN-код: 8717-2663

ludmilamuh@mail.ru

ПУТЬ В СТО ЛЕТ: ОТ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ К.Д.УШИНСКОГО – К АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИНГВОДИДАКТИКЕ А.А. ЛЕОНТЬЕВА

Аннотация. Статья посвящена антропологической лингводидактике А.А.Леонтьева как наследнице педагогической антропологии К.Д.Ушинского, его сторонников и учеников. В статье прослеживается путь развития лингводидактики, а именно, методики преподавания русского языка как иностранного, в основу которой был заложен интегрирующий антропологический принцип философии и педагогической антропологии. Новизна исследования связана с определением антропологического принципа в качестве системообразующего при теоретическом конструировании и практической реализации методики обучения русскому языку иностранных учащихся в условиях советских/российских вузов.

Ключевые слова: педагогическая антропология, антропологическая лингводидактика, методика преподавания русского языка как иностранного, личностно-деятельностный подход к обучению, антропологический, коммуникативный и когнитивный принципы

*Doctor ped. science L.P. Muhammad (Moscow),
Magistrant Selvia K. (Abhazia, Suhum),
Assistant V.R. Potiomkina (Moscow)*

A HUNDRED YEAR JOURNEY: FROM THE PEDAGOGICAL ANTHROPOLOGY OF K.D. USHINSKY TO THE ANTHROPOLOGICAL LINGUODIDACTICS OF A.A. LEONTIEV

Abstract. This study is focused on the A.A. Leontiev anthropological linguodidactics as the successor to the pedagogical anthropology of K.D. Ushinsky and his followers. The article traces the path of development of linguodidactics, namely, the methodology of teaching Russian as a foreign language, which has been based on the integrating anthropological principle of philosophy and pedagogical anthropology. The novelty of the research is related to the definition of the anthropological principle as a system-forming one in theoretical construction and practical implementation of the methodology for teaching the Russian language to international students at Soviet/Russian universities.

Keywords: pedagogical anthropology, anthropological linguodidactics, methods of teaching Russian as a foreign language, personality- and activity-based approach to learning, anthropological, communicative and cognitive principles of the educational process.

Данная статья посвящена антропологической лингводидактике А.А. Леонтьева как наследнице педагогической антропологии К.Д. Ушинского, его сторонников и учеников. **Предмет** ее исследования – инвариантная основа педагогической антропологии К.Д. Ушинского и вариативная модель антропологической лингводидактики, в частности, методики преподавания русского языка как иностранного (далее: РКИ).

Актуальность данной работы связана с необходимостью осмысления ресурса педагогической антропологии, педагогического наследия К.Д. Ушинского и его последователей (отечественных психологов и педагогов) при обучении учащихся иностранным языкам (ИЯ), русскому языку как иностранному (РКИ).

Цель исследования – определить инвариантную основу педагогической антропологии К.Д. Ушинского и его последователей, на которой стало возможным выстраивать различные гуманистически ориентированные варианты обучения, в нашем случае – варианты обучения иностранцев РЯ, постулируемые антропологической лингводидактикой.

Новизна исследования – в определении антропологического принципа философии как интегрирующего системообразующего фактора двух гуманитарно ориентированных наук: педагогической антропологии К.Д. Ушинского и антропологической лингводидактики А.А. Леонтьева.

Рассматривая современную отечественную антропологическую лингводидактику в контексте прошлого, можно сказать, что эта педагогическая наука, с одной стороны, традиционная, уходящая своими корнями в события «столетней» давности, с другой – современная: относительно молодая, инновационная.

Прошлое антропологической лингводидактики самым непосредственным образом связано с появлением в конце XIX века такой гуманистически ориентированной науки, как педагогическая антропология К.Д. Ушинского, настоящее – с разработкой лично ориентированной лингводидактической системы: в центре данной системы находится личность учащегося, желающего и способного осуществлять акты межкультурного общения, межкультурной коммуникации (МКК) на изучаемом ИЯ/РКИ

Поскольку в современной науке нет однозначного понимания базовых для нас терминов *лингводидактика* и *антропологическая лингводидактика*, начнём наше исследование с уточнения значений именно этих терминов. Так, в «Словаре методических терминов» Э.Г. Азимова и А.Н. Щукина дается следующее определение лингводидактики как науки: Лингводидактика – «Общая теория обучения языку. Ее главная задача – разработка методологии обучения иностранному языку» [Азимов, Щукин, 1999, с. 137]. Ссылаясь на Н.М. Шанского, авторы словаря разводят термины *лингводидактика* и *методика обучения иностранным языкам*, поясняя: «Методика обучения иностранным языкам, будучи частной дидактикой, занимается поиском эффективных путей обучения конкретному языку в определённых учебных условиях» [Азимов, Щукин, 1999, с. 137]. В то же время, отмечают авторы словаря, часть учёных допускают синонимичное употребление терминов *лингводидактика* и *методика преподавания ИЯ*.

В своей работе мы придерживаемся представленного выше толкования с некоторым уточнением: мы понимаем феномен *лингводидактика* как родовой в отношении различных видов методик преподавания неродных языков, в том числе и РКИ.

Под термином *антропологическая лингводидактика* понимается гуманистически ориентированная лингводидактика, вырабатывающая методологическую базу для множества методик обучения ИЯ/РКИ; ее основу определяет лично-деятельностный подход к обучению, реализующийся в соответствии с тремя взаимосвязанными между собой принципами: *антрополо-*

гическим, коммуникативным, когнитивным [Ашчи, Мухаммад, Татарина, 2018, Альбрехт, Гусейнова, Ипполитова и др., 2022]. Причем ведущим, системообразующим (в отношении двух других принципов) является принцип антропологический, что обязывает в центре обучающей системы рассматривать личность учащегося как субъекта своих учебных и внеучебных действий и взаимодействий [там же]. Более подробную характеристику методологии, предлагаемой антропологической лингводидактикой, мы дадим ниже, после рассмотрения истории вопроса, связанной, с одной стороны, с педагогической антропологией К.Д. Ушинского, с другой – с антропологической лингводидактикой А.А. Леонтьева, его единомышленников и последователей.

Как отмечают ученые, психологи и педагоги [Альбрехт, Гусейнова, Ипполитова и др., 2022], в основу педагогической антропологии К.Д.Ушинского был заложен весьма актуальный на тот день (и на сегодняшний день, безусловно, тоже) *антропологический принцип* философии. Сущность данного принципа в ясных и непротиворечивых формулировках почти в одно и то же время был обоснован такими великими философами, писателям, общественными деятелями, психологами и педагогами, как Л.Фейербах, И.Кант, А.И. Герцен, К.Маркс, Ф.Энгельс, Н.Ф. Бунаков, П.Ф. Каптерев, Л.Н. Толстой, К.Д. Ушинский [Антология..., 1990, Альбрехт, Гусейнова, Ипполитова и др., 2022].

Наиболее ярко, на наш взгляд, данный принцип представил еще в XIX веке А.И. Герцен: «именно личность является основной ценностью... вне личности, без её участия в обществе невозможно никакое движение» [Герцен, 1954, с.177].

Теоретические положения, касающиеся обоснования антропологического принципа философии применительно к образованию, в конце XIX и начале XX веков наиболее последовательно и глубоко разрабатывались в антропологической дидактике И. Канта [Кант, 1966, Антология..., 1990] и педагогической антропологии К.Д.Ушинского [Ушинский, 1950, Антология..., 1990], а также их последователей.

О педагогической антропологии К.Д.Ушинского в педагогической литературе написано многое [Антология..., 1990]. Мы же намерены подойти к выяснению сути этого гениального труда исходя из его названия, в котором мы разграничиваем две составляющие:

1) *базовая составляющая* заключена в имени существительном *антропология*: с одной стороны, человек – как он есть, прежде всего его природная сторона (отсюда такое пристальное внимание к темпераменту учащегося, к тому фундаменту, который определяет характер и развитие данного учаще-

гося; с другой – социальная сторона развития человека: животворящая суть культуры (включая и язык), благодаря которой происходит становление личности;

2) *дополнительная, формирующая, составляющая* заложена в имени прилагательном *педагогическая*: состоит в следующей педагогической стратегии: готовь подрастающего человека, личность, ко взрослой жизни, однако – «не навреди», отнесись бережно. Отсюда вывод: смоделировать такой образовательный процесс, который: а) обеспечил бы личности учащегося будущее безболезненное (насколько это возможно) интегрирование во взрослое общество; б) в максимальной степени опирался бы на особенности личности самого учащегося, в том числе и его психолого-когнитивные характеристики.

Отсюда, в дальнейшем, и такой актуальнейший запрос на психологию (в том числе и когнитологию), всплеск которой приходится на эпоху Л.С. Выготского, его единомышленников и последователей [Выготский, 1999, Антология, 1990 и другие работы].

Основные, инвариантные, характеристики реализации антропологического принципа философии и педагогической антропологии сводились к следующему:

1. В центре обучающей системы находится личность учащегося.

2. Игра (в детском возрасте) и деятельность (в дальнейшем) – два весьма важных естественных способа проявления и дальнейшего становления личности.

3. Становление личности происходит не просто в игре/в деятельности, а *в общении*, в целом – во взаимодействии личности подрастающего человека с окружающим миром, с ориентировкой в этом мире, особенностями реагировать, занимать активную позицию, ставить цели, планировать и т.д.

4. Направленные на удовлетворение экзистенциальных потребностей учащихся игра, общение формируют такое качество учебного действия/взаимодействия, как эвристичность, гибкость, открытость и готовность к реализации разнообразных вариантов развёртывания коммуникации [Антология..., 1990; Леонтьев, 2001а, 2001б].

5. Незаменимым инструментом развития и совершенствования личности, её сознания (необходимой структурированной «картины мира») признается культура, язык, Слово, речевое действие в системах актов коммуникативно-когнитивной деятельности [Ушинский, 1950, Выготский, 1999, Леонтьев, 2001а, Ашчи, Мухаммад, Татарина, 2018].

В лингводидактику, в методику преподавания ИЯ/РКИ психолого-педагогические идеи, обогащённые и развитые на основе антропологическо-

го принципа философии и педагогической антропологии внёс, в наибольшей мере, такой талантливый психолог, психолингвист и лингводидакт, как А.А. Леонтьев, впоследствии называвший себя «научным внуком» Л.С. Выготского [Леонтьев, 2001а]. На антропологичность лингводидактической системы, разработанной А.А. Леонтьевым, указывают следующие факты:

1. Именно А.А. Леонтьев впервые многосторонне и глубоко обосновал лингводидактическую модель, базирующуюся на *личностно-деятельностном подходе к обучению*. Именно этот ученый подвел под нашу отечественную методику преподавания РКИ – теорию речевой деятельности (РД) как психолингвистическую основу, в которой в центре обучения рассматривалась личность учащегося как субъект своих учебных действий и взаимодействий. По сути, созданная им методика преподавания ИЯ/РКИ, его психолого-педагогическое обоснование инвариантной модели учебной деятельности на сегодняшний день отвечает *антропологическому принципу* философии, педагогической антропологии и иных гуманитарных наук.

2. Разрабатывая отечественный вариант методики преподавания ИЯ/РКИ, А.А. Леонтьев постоянно подчеркивал, что мы учим не столько языку, сколько *общению* на данном языке. Таким образом, в его коммуникативную по целям обучения личностно-деятельностную модель обучения был не просто заложен *коммуникативный принцип* (на что в последнюю треть XX века уже были ориентированы как коммуникативно-поведенческие, так и коммуникативно-деятельностные методики преподавания ИЯ/РКИ), но прежде всего этот гениальный учёный свёл воедино, с одной стороны, главные постулаты теории деятельности, с другой – теории общения, коммуникации, межкультурной коммуникации (МКК) [Ашчи, Мухаммад, Татарина, 2018]. Так, относительно учебного процесса деятельность облигаторно рассматривалась как *деятельность общения*. В реальном учебном процессе это предполагало осуществление видов РД как интеракции адресанта и адресата: а) в устной речи – реализацию коммуникантами таких видов РД, как *говорение/аудирование*; в письменной речи – *письмо/чтение*, а также необходимые для целей обучения комбинации данных видов.

3. Реализация *когнитивного принципа* в лингводидактических моделях А.А. Леонтьева носила сложный характер, поскольку на первое место ученый ставил личность и ее действия, составляющие деятельность (или включённые в данную деятельность). В связи с этим когнитивный компонент в его модели функционирует не сам по себе, не в связи с так называемым «когнитивным подходом» (как это часто трактуется в некоторых современных методиках преподавания ИЯ/РКИ), а будучи включенным в речевое действие, в РД [Методика, 1988, Леонтьев, 2001а, 2001б].

Таким образом, в результате анализа методологии, разработанной А.А. Леонтьевым (личностно-деятельностный подход и его базовые принципы), мы можем сделать следующие выводы: системность лингводидактической модели А.А. Леонтьева, выстроенная в соответствии с антропологическим, коммуникативным и когнитивным принципами в их комплексе, и *соответствует инвариантной основе, заложенной великим педагогом К.Д. Ушинским, его единомышленниками и последователями.*

С позиции сегодняшнего дня нам видится, что развитие такой науки, как методика преподавания ИЯ/РКИ на ее методологическом уровне в конце XX века достигло своего апогея, а в XXI веке (особенно с кончиной создателей ее коммуникативно-деятельностного/личностно-деятельностного направления) зашло в некоторого рода тупиковую ситуацию. Такой вывод мы сделали на основе, как минимум, трех фактов:

1. И в современных диссертациях, и в иной научной публикационной деятельности можно наблюдать самую настоящую «чехарду» с подходами: авторы, представляя свою, якобы авторскую, методологию, в рамках каждого из исследований перечисляют самые различные подходы, которые они реализовали, выполняя свою работу. Такое положение дел, по сути, противоречит самому понятию научного подхода (подход, по определению, в рамках одного исследования выбирается один).

2. Наличие большого количества принципов в методике преподавания, например, РКИ. Так, в «Методике...» одного из ведущих специалистов – А.Н. Щукина – их насчитывается 27). Методистам следует согласиться с тем, что при планировании реального урока/занятия реализовать все эти 27 принципов практически невозможно (а ведь принципы – на то они и принципы, что их необходимо соблюдать).

3. В центре при планировании учебного процесса должна находиться личность учащегося с его не только коммуникативными потребностями (к чему призывают современные методики преподавания ИЯ/РКИ [Щукин, 2019], но прежде всего с его экзистенциальными (жизненно насущными) потребностями, учет которых в методических системах может существенно повысить мотивацию учащихся изучать ИЯ/РКИ.

Думается, решить все эти, обозначенные выше (и не обозначенные), задачи в состоянии современная, инновационная, антропологическая лингводидактика, базирующаяся на антропологическом принципе философии и педагогической антропологии. Данная наука в целях решения поставленных проблем предлагает следующий инвариант различных вариативных обучающих моделей:

1. В силу разработанности и верифицированности – личностно-деятельностный подход к обучению, что в центр обучения ставит личность учащегося, осуществляющего учебную и внеучебную коммуникативную деятельность и, таким образом, формирует образовательную парадигму на всех участках своей реализации (парадигму, соответствующую антропологическому принципу философии и педагогической антропологии).

2. Ориентировка на ограниченное количество базовых принципов, представляющих собой единую целостную систему: 1) *антропологический* – центральный, ведущий, системообразующий в отношении иных принципов; 2) *коммуникативный*, направленный на решение коммуникативных задач в процессе учебного и внеучебного общения, а также на формирование коммуникативной компетенции в данном общении (прежде всего в субъект-субъектном коммуникативном взаимодействии); применительно к обучению ИЯ/РКИ существенную роль играет направленность на МКК и на выявление этнокультурного компонента личности учащегося, позволяющего осуществлять межкультурное общение; 3) *когнитивный* – предполагающий учет, с одной стороны, когнитивных характеристик личности как субъекта деятельности, с другой – дискурсивно-когнитивных характеристик учебных единиц, усвоение которых позволяет достижению поставленных целей в общении на изучаемом языке.

3. Необходимость осуществления именно *антропологического принципа* позволяет уже на уровне моделирования учебного процесса заложить в модель удовлетворение в учебном процессе прежде всего экзистенциальных потребностей личности, включающих, в том числе, и коммуникативные потребности, особенно в аспекте будущей профессии.

Итак, выше с позиции сегодняшнего дня мы, в целом, описали путь, который прошла советская/российская образовательная система в части формирования методологии наук, связанных с преподаванием ИЯ/РКИ: от педагогической антропологии К.Д.Ушинского, его единомышленников и последователей до антропологической лингводидактики А.А. Леонтьева; также в данной работе мы наметили некоторые способы дальнейшей реализации принципов антропологической лингводидактики в области преподавания ИЯ/РКИ.

Перспектива исследования состоит в определении интегративной основы преподавания ИЯ/РКИ, формируемой, с одной стороны, в соответствии с базовыми принципами антропологической лингводидактики, с другой – с учётом встроенных в эту, инновационную, систему методических принципов конкретных методик по обучению ИЯ/РКИ.

Литература

Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). – СПб.: Златоуст, 1999. 472 с.

Антология педагогической мысли России второй половины XIX – начала XX в. / Сост. П.А. Лебедев. – М.: Педагогика, 1990. 608 с.

Ашчи Мурат, Мухаммад Л.П., Татарина Н.В. Межкультурная коммуникация как компонент антропологической лингводидактики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2018. Т. 16. № 2. С. 145–156.

Выготский Л.С. Мышление и речь. 5-е изд., испр. – М.: Лабиринт, 1999. 352 с.

Герцен А.И. Собр. соч. – М., 1954. Т. 3. С. 77–246; Т. 20. С. 439–441.

Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 6. Антропологическая дидактика. – М., 1966. С. 349 – 588.

Леонтьев А.А. Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность). – М.: Смысл, 2001а. 392 с.

Леонтьев А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии. – М.-Воронеж, 2001б. 448 с.

Личностно-формирующий потенциал инокультурного образовательного пространства / Ф.Б. Альбрехт, И.А. Гусейнова, Д.В. Ипполитова и др. – М.: Директ-Медиа, 2022. 144 с.

Методика. Заочный курс повышения квалификации филологов-русистов / Под ред. А.А. Леонтьева. – М.: Русский язык, 1988. 280 с.

Ушинский К.Д. Собр. сочинений: в 8 т. Человек как предмет воспитания (опыт педагогической антропологии). – М.; Л.: АПН РСФСР, 1950. Т. 1. С. 11–682.

Щукин А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: учебное пособие. – М.: ФЛИНТА, 2019. 508 с.

References

Azimov E.G., Shchukin A.N. Slovar' metodicheskikh terminov (teoriya i praktika prepodavaniya yazykov). – SPb: «Zlatoust», 1999. 472 s.

Antologiya pedagogicheskoy mysli Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX v./Sost. P.A. Lebedev. – M.: Pedagogika, 1990. 608 s.

Al'brekht F.B., Gusejnova I.A., Ippolitova L.V., Muhammad L.P., Starodubova O.YU., Stoletova E.K., Shubarova O.E. Lichnostnoformiruyushchij po-

tencial inokul'turnogo obrazovatel'nogo prostranstva. – M.: Direkt-Media, 2022. 144 s.

Ashchi Murat, Muhammad L.P., Tatarinova N.V. Mezhkul'turnaya kommunikaciya kak komponent antropologicheskoy lingvodidaktiki // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Russkij i inostrannye yazyki i metodika ih prepodavaniya. 2018. T. 16. № 2. S. 145–156.

Vygotskij L.S. Myshlenie i rech'. 5-e izd., ispr. – M.: Labirint, 1999. 352 s.

Gercen A.I. Sobr. soch., 1954. T.3, s. 77 – 246, T. 20, s. 439–441.

Kant I. Sochineniya: v 6 t. T.6. Antropologicheskaya didaktika. – M., 1966. S. 349 – 588.

Leont'ev A.A. Deyatel'nyj um (Deyatel'nost', Znak, Lichnost'). – M.: Smysl, 2001a. 392 s.

Leont'ev A.A. YAzyk i rechevaya deyatel'nost' v obshchej i pedagogicheskoy psihologii. – M.-Voronezh, 2001b. 448 s.

Metodika. Zaочnyj kurs povysheniya kvalifikacii filologov-rusistov/ Pod red. A.A. Leont'eva. – M.: Russkij yazyk, 1988. 280 s.

Ushinskij K.D. Sobr. Sochinenij: v 8 t. CHelovek kak predmet vospita-niya (opyt pedagogicheskoy antropologii). – M.; L.: APN RSFSR, 1950. T. 1. S. 11–682.

Shchukin A.N. Metodika prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo: uchebnoe posobie. – M.: FLINTA, 2019. 508 s.

ЛОГИКО-СТРУКТУРНЫЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ

*Канд. филол. наук Л.Р. Башкова (Пенза)
liliarafikovna837@gmail.com,
студент И.В. Дёмин (Пенза)
Ilya-deomin@yandex.ru*

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ В РЕКОМЕНДАЦИЯХ ПИСЬМОВНИКОВ (НА ПРИМЕРЕ «ЗАПИСОК КНЯГИНИ ДАШКОВОЙ»)

Аннотация. В статье рассматриваются уникальные аспекты составления различных писем в соответствии с письмовниками, широко распространенными в Российской Империи. Даны пояснения рекомендаций подобных сборников образцов писем и приведен пример их использования княгиней Е.Р. Дашковой в письмах сестрам М. и К. Вильмот, опубликованных в качестве «Записок». В частности, указана необходимость возрождения традиции составления письмовников в целях сохранения норм русского языка.

Ключевые слова: русский язык, письмо, письмовник, письменная речь, речевые формулировки.

*Candidate of Philological Sciences L.R. Bashkova (Penza)
stud. I.V. Dyomin (Penza)*

STYLISTIC FEATURES OF WRITING IN THE RECOMMENDATIONS OF LETTER WRITERS ON THE EXAMPLE OF «THE MEMOIRS OF PRINCESS DASHKOVA»

Abstract. The article discusses the unique aspects of the compilation of various letters in accordance with the letter books widely distributed in the Russian Empire. Explanations of the recommendations of such collections of sample letters are given and an example of their use by Princess Dashkova in letters to the sisters Wilmot published as «Memoirs» is given. In particular, the need to revive the tradition of writing letter books in order to preserve the norms of the Russian language is indicated.

Keywords: Russian language, letter, letter book, written speech, speech formulations.

Способы написания письма в России в период XVI – XIX вв. привлекает особое внимание представителей научного сообщества, так как письменное общение между представителями различных сословий в значительной степени определяло их отношение к адресату, ко времени, в котором эти люди жили, и к самим себе. Для написания письма существовали свои строгие предписания, нарушать которые его автору было недопустимо. Автор письма понимал, что его письменная речь является одной из форм душевных взаимоотношений, и стремился составлять письменную речь в соответствии с наставлениями, как сочинять и писать ‘всякие письма к разным особам’. Это так называемые письмовники, которые содержали в себе не только рекомендации, но и определенные приемы для написания письма в особой вежливой форме по тому или иному случаю [Новейший письмовник, 1912, с. 31].

Так, согласно существовавшим в те времена письмовникам, более сложной задачей было не написание письма как такового, а обеспечение его исключительной гармоничностью стиля. Авторы писем обладали инструментами для выражения собственного сожаления о своем бессилии оказать адресату какую-либо услугу, обещания писать о происходящих в их жизни событиях, пожелания доброго путешествия, выражения печали об отъезде друга, принесения извинений о продолжительном молчании и др. В указанный период времени письмовники были широко распространены, на них опирались. Краткие правила письмовников и приводимые в них примеры позволяли достаточно интенсивно переходить непосредственно к практике письма и совершенствоваться в нем. Примеры затрагивали способы письма авторитетных в то время писателей. Составление письма воспринималось в качестве обряда. Считалось, что в письме по случаю необязательно должны были присутствовать те или иные выражения. Главной составляющей письма было духовное общение между одним человеком и другим в различных жизненных ситуациях [Там же. С. 31]. Письмовники предписывали авторам стремиться к внятной речи, свободной мысли и чистоте письма. Под чистотой письма составители упомянутых руководств понимали его опрятность, отсутствие исправлений. Изложенная в письменной форме речь воспринималась авторами тех лет равносильно поступку. Составители письмовников, в свою очередь, напоминали, что для составления благородного письма необходимо основательное знание русского языка.

Наглядным примером письма в указанный отрезок времени являются «Записки княгини Дашковой», которые представляют собой письма автобиографического характера. Княгиня Екатерина Романовна Дашкова занимала ключевые государственные посты, являлась писателем и педагогом, сыграла ключевую роль при передаче императорских полномочий Екатерине II. С ее

помощью был издан шеститомный Словарь Академии Российской, а также первый толковый словарь русского языка. «Записки» были написаны ею по настоятельной просьбе английских сестер Марты и Кэтрин Вильмот, которые проживали в доме княгини Е.Р. Дашковой в 1803 – 1808 гг. В форме писем Е.Р. Дашкова поведала о своей семье, а также достаточно подробно описала детали ключевых для России событий. Как и многие писатели, охваченные духом просвещения, Е.Р. Дашкова применила в своей письменной речи формулировки, указывающие на склонность к дворянско-либеральной оппозиции [Балакина, 1994, с. 141]: ‘Современные французские писатели, лишаящие нас утешения и пользы, которую доставляет изучение истории, тем, что немилосердно нагромождают одну ложь на другую, утверждают, что я интриговала против Петра III...’ [Дашкова, 1987, с. 494]. Немало в «Записках» содержится формулировок, указывающих на увеличение в сознании Е.Р. Дашковой национального самосознания и интереса к русскому языку: ‘Москва – целый мир, обширный и многолюдный, населенный похожими друг на друга обитателями...’ [Там же. С. 205], ‘Одним словом, это письмо было тем более нелепо...’ [Там же. С. 171], ‘Однажды утром, когда мы были вдвоем, она попросила написать пьесу на русском языке для Эрмитажного театра. Напрасно я говорила, что у меня нет и тени таланта для создания такого рода сочинений’ [Там же. С. 174].

Исследование текста «Записок» показывает, что Е.Р. Дашкова призывала к уважению собственного и рассматривала русскую культуру в качестве средства познания народа. Хотя автор «Записок» прибегала к некоторым этическим коллизиям, а также нормативным типизированным образам, тем не менее, текст не содержит элементов сатиры в отношении упоминаемых деятелей и иных лиц, окружавших княгиню в разные периоды ее жизни. Помимо выраженного национально-патриотического направления, в тексте «Записок» также наблюдаются приёмы гражданского пафоса, а также элементы реализма и народности. Особенно указанные инструменты письменной речи прослеживаются при упоминании уклада жизни крестьян, решении вопросов финансового и хозяйственного характера, процесса написания непосредственно автором различных форм сочинений. Вероятно, под влиянием предписаний письмовников Е.Р. Дашковой были также присущи элементы сентиментализма, которые проявлялись в употреблении таких слов и словосочетаний, как ‘несчастливая трагедия’, ‘от всего сердца’, ‘определить по совести’, ‘зачарованная злым гением’, ‘заставила меня страдать’, ‘своейственной мне горячности’ [Дашкова, 1987, с. 131] и др. По мере описания фактов собственной жизни, княгиня использовала усилительный аспект для выражения чувств, которые выполняли дополнительную хронологическую

функцию, несмотря на личное участие Е.Р. Дашковой во дворцовом перевороте в юные годы и ключевые события в последующем. Текст «Записок» изобилует приемами для усиления описания жизненной достоверности: ‘...я ему процитировала одно из посланий...’, ‘...сделала полезное знакомство...’ [Там же. С. 131], ‘после обеда мы пришли в музей, и я разговаривала с хранителем, неожиданно пришел император...’ [Там же. С. 139].

Согласно предписаниям письмовников, Е.Р. Дашкова стремилась структурировать излагаемые ею обстоятельства жизни, последовательно затрагивая факты из жизни других упоминаемых людей. Таким образом, текст «Записок» представляет собой комплексное исторически достоверное художественное произведение. Текстовые элементы, указывающие на стремление автора к просвещению и реализму, способствовали не применять религиозно выраженную лексику. Простота письма и ясность ума, как предписывалось письмовниками тех лет, позволили Е.Р. Дашковой избежать излишних деталей и сфокусировать внимание на главенствующих аспектах, которые в действительности беспокоили автора «Записок». Княгиня в письменной речи ощущала свою ответственность перед своими адресатами – английскими сестрами М. и К. Вильмот, проявляя уважение к их времени и вниманию, которое сестры могли уделить чтению писем от Е.Р. Дашковой. Несмотря на рекомендации составителей письмовников использовать различные формулировки в зависимости от случая, тексты писем княгини отличаются единообразным стилем, что указывает на восприятие Е.Р. Дашковой письменного общения с английскими сестрами как общение по одному и тому же случаю.

Процесс написания «Записок» являлся для автора очередным значительным жизненным событием, о чем княгиня упоминала в тексте писем. Соответственно, ею были использованы следующие речевые формулировки: ‘Выполняя Ваше желание, мой милый юный друг...’, ‘Правда, я обошла молчанием либо лишь изредка затронула некоторые события...’, ‘Из моего повествования будет видно...’, ‘Вы найдете здесь примеры...’ [Дашкова, 1987, с. 35], ‘Поэтому разрешите, мой дорогой юный друг, сказать о том, что намного ближе...’ [Там же. С. 36].

Учитывая обстоятельство, что процесс написания Е.Р. Дашковой «Записок» приходится на начало XIX в., текст писем в аспекте комплексного художественного произведения беспрепятственно воспринимается современным читателем. Доступность языка, разнообразие лексических светских форм, корректное синтаксическое построение текста в целом и гармоничная структура указывают на актуальность рекомендаций письмовников, в том числе в настоящее время. Непосредственно для Е.Р. Дашковой безупречность речевых формулировок стала возможной благодаря самостоятельно

полученному домашнему образованию и стремлению к познанию мира посредством письменной речи, образованной другими писателями и мыслителями. Совершенство письма достигалось княгиней в течение всей жизни, в том числе путем активной переписки и общения с отечественными и иностранными представителями различных слоев общества. Таким образом, результативность применения письмовников при составлении писем для авторов исследуемого периода времени была возможной при условии наличия соответствующей подготовки в отношении знания русского языка, способности изложения мысли, которая достойна для доведения до сведения адресата, и перманентного общения.

Лексическое и грамматическое наследие письмовников на примере «Записок княгини Дашковой» представляет высокую ценность для формирования норм русского языка в настоящее время. Хотя одной из главенствующих задач Правительственной комиссии по русскому языку является сохранение его уникальных норм, тем не менее, тенденция структурных языковых изменений на территории Российской Федерации указывает на отсутствие стилистических традиций оформления письменной речи, которая сводится не к форме общения между людьми, а исключительно к способу донесения информации без акцентирования отношения автора к адресату. Соответственно, утрачивается принцип духовного общения между людьми, которое подразумевает ответственность автора письма при изложении мысли и отношение к письму как к поступку. Для того, чтобы оптимизировать непосредственно процесс сохранения русского языка, предлагается возродить традицию составления современных письмовников, рекомендации которых учитывали бы эмоциональный и нравственный аспекты письменной речи. Обозначенный подход обогатит лексическую составляющую писем, в особенности подрастающего поколения, и способствует более бережному отношению к употреблению норм русского языка как одной из ключевых ценностей российской культуры.

Литература

Агаджанян Р.В. Языковое манипулятивное воздействие: теоретический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. № 3. С. 765–772.

Балакина Т.И. История отечественной культуры. Ч. II. М.: Спектр-5. 1994. 144 с.

Дашкова Е.Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. – М.: Изд-во Московского университета, 1987. С. 494.

Новейший письменник для всех сословий, содержащий в себе письма поздравительныя, просительныя и пригласительныя, с присовокуплением форм коммерческих векселей. – М.: Тип. Т-ва Сытина И.Д., 1912. 36 с.

Правительственная комиссия по русскому языку. Электронный ресурс Минпросвещения России: [сайт]. – URL: <https://edu.gov.ru/about/apparatus/russian-language-commission/?ysclid=lhkgimf07d875363633> (дата обращения: 12.05.2023).

Специфика воспитания языковой личности в условиях дворянского социума второй половины XVIII – начала XIX в. / И.А. Зеткина, Е.А. Жиндеева, Е.В. Барсукова, С.Д. Абишева // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2022. № 3 (59). С. 341–350.

Сулейманова О.А., Тивьяева И.В. Личность другого в академическом дискурсе // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2022. № 8-2. С. 207–223.

References:

Agadzhanian R.V. Yazykovoe manipulyativnoe vozdejstvie: teoreticheskij obzor // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2023. № 3. S. 765–772.

Balakina T.I. Istoriya otechestvennoj kul'tury. Chast' II / Balakina, T.I. M.: Spektr-5. 1994. S. 141.

Dashkova E.R. Zapiski. Pis'ma sester M. i K. Vil'mot iz Rossii / Dashkova, E.R. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta. 1987. S. 494.

Novejshij pis'movnik dlya vsex soslovij, sodержashhij v sebe pis'ma pozdravitel'nyya, prositel'nyya i priglasitel'nyya, s prisovokupleniem form kommercheskix vekselej. M.: Тип. Т-ва Сытина И.Д., 1912. S. 31.

Pravitel'stvennaya komissiya po russkomu yazyku. [Elektronnyj resurs] // Minprosveshheniya Rossii: [sajt]. – URL: <https://edu.gov.ru/about/apparatus/russian-language-commission/?ysclid=lhkgimf07d875363633> (data obrashheniya: 12.05.2023).

Specifika vospitaniya yazykovoj lichnosti v usloviyax dvoryanskogo sociuma vtoroj poloviny XVIII – nachala XIX v. / Zetkina, I.A., Zhindeeva, E.A., Barsukova, E.V., Abisheva S.D. // Gumanitarij: aktual'ny'e problemy gumanitarnoj nauki i obrazovaniya. 2022. № 3 (59). S. 341–350.

Sulejmanova O.A. Lichnost' drugogo v akademicheskom diskurse / Sulejmanova, O.A., Tiv'yaeva I.V. // Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya. 2022. № 8-2. S. 207–223.

О ФЕНОМЕНЕ МАКРОРЕЧИ В ЕЕ ОТНОШЕНИИ К ПОЗНАНИЮ ЧЕЛОВЕКОМ САМОГО СЕБЯ

Аннотация. В работе выявляется связь между феноменом макроречи (большой речи, речи на протяжении всей жизни) индивида с познанием им самого себя. Макроречь как выражающее сокровенное и существенное в мировидении человека, как поддающееся во многом последовательной рефлексии (знаковая реальность) и как движущееся к обретению субъектности (и в этом персонифицированное) подвигает человека к более глубокому осознанию самого себя. Методология работы – идеалистическо-субстратная рефлексия А.А. Гагаева.

Ключевые слова: человек, познание, речь, макроречь, сосредоточение, субъектность, ориентир.

Doctor of Pedagogy P.A. Gagaev (Penza)

ABOUT THE PHENOMENON OF MACRO SPEECH IN ITS RELATION TO THE KNOWLEDGE OF MAN HIMSELF

Abstract. The paper reveals the connection between the phenomenon of macro speech (large speech, speech throughout life) of an individual with his knowledge of himself. Macro-bitterness, as expressing the innermost and essential in a person's worldview, as amenable in many ways to consistent reflection (symbolic reality) and as moving towards subjectivity (and in this personified), moves a person to a deeper awareness of himself. The methodology of the work is the idealistic-substrate reflection of A.A. Gagaev.

Keywords: man, cognition, speech, macro-speech, concentration, subjectivity, landmark.

В своей речи узнаешь самого себя.

Автор

Введение

Срединной для мыслящего человека является проблема познания самого себя. С ее решением он связывает успешность всех своих начинаний: в профессии, личной жизни, учебе и прочем человеческом. Одним из источников субъектного статуса в познании им самого себя выступает то, что нами определяется как *макроречь* индивида [А.А. Гагаев и П.А. Гагаев, 2023, с. 62–71]. О воздействии макроречи на указанное поразмышляем в работе.

Феномен макроречи (речи человека на протяжении всей его жизни) в лингвистике слабо изучен. Во всяком случае, нами работ по искомой теме не

найденно. Термин и понятие введены нами, на них и будем опираться в исследовании.

Соотношение макро- и микроречи – частная реалья (не более, как психолингвистическая). Двигается макроречь в ее сопряжении с вселенско-планетным бытием как своим демиургом и «заклятым» другом.

Обращаться в размышлениях будем к субстратной рефлексии А.А. Гагаева, согласно которой в предмете познания удерживается его единично-множественная основа и характерное для него стремление к персонификации и отвечанию на обращение к себе со стороны познающего [А.А. Гагаев, 1994].

Результат

Макроречь

Макроречь (большая речь), в нашем прочтении, есть речь индивида на протяжении всей его жизни. И не любого индивида, а того, каковой упорно двигается к себе как речевой личности, как тому, кто в своей речи ищет себя как существа, живущего высокими смыслами.

Макроречь есть реалья, определяющая речь конкретную, речь по случаю, ту, каковую индивид осуществляет в ходе своих дискретных социальных состояний. С этой точки зрения ее характеристики чрезвычайно важны для понимания речи традиционной.

Макроречь со стороны онтологии есть реалья, *предшествующая* речи отдельной (конкретной). Она возникает на ранних стадиях онтогенеза как потенция речевого бытия индивида, становящегося индивидуальностью, и существует как неизменно вбирающий в себя все его речевые действия ценностно-гносеологический идеал-континуум (ценностно-смысловой континуум).

Макроречь являет себя в двух видах. В виде речи реальной, той, каковая складывается из речей отдельных (совокупности осуществленных индивидом высказываний), и речи *внутренней* (мыслимой), или речи параллельной произносимым речам, речи *идеальной* для индивида, той, каковой он и хотел бы жить и говорить вопреки или благодаря своим дискретным социальным состояниям.

Макроречь в сравнении с речью по случаю (речью в конкретной речевой ситуации) отличается отчетливо выраженной аксиоматикой, сокровенностью, особой коммуникативностью (отнесенностью ее к своему носителю), ирреальной адресностью, общей монотемностью, моносодержанием, моноконтекстностью, моножанровостью и моновыразительностью, самопознавательной направленностью и во всем этом резкой индивидуальностью.

Со стороны структурной макроречь характеризуется общей несвязанностью, соотнесенностью с незримыми целями, незримыми становящимися контекстами.

Макроречь отличается и более яркой, в сравнении с речью ситуативной, интенцией к выражению *всей полноты* бытия индивида и в этом она подчеркнута *становящаяся* реальность (подробнее о макроречи в нашей монографии [А.А. Гагаев и П.А. Гагаев, 2023]).

Макроречь – реальность внятная для человека. Она в большей степени рефлексивна им, чем его собственное мышление. По этому основанию она может быть используема мыслящей духовностью в тех или иных целях.

Подробнее выскажемся о направленности макроречи на познание индивидом самого себя.

Самопознавательная направленность

Макроречь изначально и тотально обращена к познанию своего носителя. Все в ней нацелено к выявлению органичной для ее носителя онтологии, антропологии, аксио-гносеологии и прочего существенного для него. Средним концептом в связи с этим в ней (макроречи) является концепт «я» ее носителя. «Я» в его онтологии, антропологии, аксио-гносеологии, психологии и прочем. «Я» как некое постоянное и одновременно «я» как становящееся, ищущее самого себя.

Макроречь, возникая спонтанно для своего носителя (она изначально для него), без участия его сознания, однажды рефлексивна им как принадлежащее ему и сокровенное для него как личности, как личности речевой. Человек всматривается в свою макроречь, структурирует ее, познает, дает простор ей (ее составляющим), гранит ее движения (ее семантику, смыслы).

Макроречь как нечто спонтанное и выражающее природное (изначальное) в человеке, как то, что являющееся в нем его энтелехию (идея изначальности-определенности души человеческой восходит к Платону [Платон, 2011]), наконец, как то, что поддается рефлексии (речь – реальность семантико-смысловая, знаковая) позволяет человеку многое увидеть в самом себя, увидеть, удержать в описании (кодировании) и в этом присвоить (сделать своим, инструментально оформить).

Рефлексия своей большой речи обеспечивает встречу индивида с самим собою, удержание им своей духовной *определенности* (идея определенности души человеческой восходит к работам Аристотеля [Аристотель, 1976, с. 394]).

Воздействие макроречи на постижение человеком самого себя не ограничивается приведенным. Сосредоточиваясь на своей *большой речи*, индивид «свертывает» ее и в этом придает ей статус субъектности (идея восходит к работам Т. Шардена П.; стилистика «свертывания» принадлежит ему [Шарден, 2001, с. 200]). Выскажемся об этом подробнее.

Макроречь как субъектное

Большая речь однажды сама начинает *обращаться* к человеку, а не незаметно являть себя в его поведении (так это происходит, пока она не есть осознаваемый им феномен). Обращение макроречи к человеку возникает тогда, когда и поведение человека, и его большая речь становятся бытийно *емкими* и когда он, человек, последовательно *сосредоточивается* на своей речевой сфере.

Сосредоточение индивида на его большой речи придает ей другое, чем в предшествующем, бытие. Смыслы и семантики ее *сгущаются, свертываются*. Они *определяются* в самих себе (стилистика Аристотеля). Определяясь в самих себе (оформляясь в некое целое), смыслы и семантики большой речи *теснятся* в творимом уже ими пространстве (смыслосемантическом), теснятся (пресекаются друг с другом, изменяют свой строй и пр.) и *взрываются* субъектными движениями (гносеология взята в работах Т. де Шардена П.; развита нами [А.А. Гагаев и П.А. Гагаев, 2019]).

Выше приведенные параметры макроречи (аксиоматичность, сокровенность, обращенность к себе, монотемность, моножанровость и др.) способствуют сгущению присутствующих в ней смыслов и семантик: единое объемлет большую речь, единое как миры индивида, стремящегося остаться *самим собою* во всех своих проявлениях.

Макроречь *собирается* (преобразуется) в нечто субъектное и становится *собеседником* индивида. Ее смыслы, ее семантики начинают будоражить сознание индивида, подвигать его к тем или иным переживаниям, вопрошаниям и прочему. Причем – и это-то значимо в нашей работе – речь идет о сокровенном для человека, о том, что составляет его «я» или что еще не входит в него (в «я»), но во многом предопределяет его («я») развертывание и развитие.

Смыслы и семантики большой речи через сосредоточение на ней ее демиурга (человека) *выстраиваются* прежде всего с учетом свойственной ему онто-антропологии, аксио-гносеологии и психологии.

Полагаем, иллюстрацией приводимому могут стать многие монологи из произведений Ф.М. Достоевского. Персонажи его произведений говорят и говорят, следуя субъектным движениям присутствующих в их психике смыслов, семантик и интенций. Смыслы-вопросы актуализируются в сознании говорящего и тем самым помогают ему о себе узнать истинное. Укажем в связи с обозначенным на монолог Мармеладова в первых главах романа «Преступление и наказание». В сознании Мармеладова актуализируются смыслы, каковые с некоторых пор живут в его психике вне его воли: Бог, Соня, Катерина Ивановна, он сам как испытывающий отчаяние, стыд и др. Мармеладов живет *с этими* (не этими, а с этими) смыслами. Они однажды стали его *собеседниками*. В них этот отчаявшийся человек погружается в себя самого, встречается с собою и в этом становится *подлинным*.

Макроречь в указанном виде есть обретшее (речевую) форму знание о нас самих.

Механизм

Ориентир рефлексии своей макроречи (познания ее) – удержание в ней (рефлексии) ее основных тем (включая целеполагание), их ценностно-гносеологического осмысления, общей семантики выстраиваемых речевых контекстов, специфики избираемого жанра, стратегии обращения к возможному адресату, композиции речевого действия (принятый в лингвистике инструментарий осмысления высказывания). Всмотривание в указанные реалии позволяет человеку увидеть то, чем он в действительности живет и – главное – предпочитает жить.

Рефлексия указанного инструментария должна осуществляться постоянно и с должным вниманием. В этом случае существенное в большой речи – ее единство и полнота – будут удержаны познающим.

Обсуждение

Рационально и значимо ли приведенное нами? Полагаем, специалист в области лингвистики индивидуальной речи в наших суждениях найдет и рациональное и полезное.

Большая речь – реалья, не изученная в психолингвистике, а ее возможности для познания последним себя самого весьма велики. Все это утверждает актуальность приводимого и необходимость его обсуждения в профессиональной среде.

Полагаем, в жизни многие пытливые люди интуитивно всматриваются в свою речь, ища в ней самих себя. Это также служит аргументом в пользу приводимого нами.

Заключение

Макроречь в силу своей природы – реалья, удерживающая отчетливо онто-антропо-аксио-гносео-психологию индивида.

Рефлексия большой речи: удержание ее общих тем, их ценностно-гносеологического осмысления, семантики ее контекстов и пр. – и, как следствие, *собрание* ее (речи) как некоей субъектной реалии позволяют индивиду познавать самого себя со стороны существенных своих черт.

Литература

Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т.1. – М.: Мысль, 1976. 550 с.

Гагаев А.А. Теория и методология субстратного подхода в научном познании. – Саранск: МГУ, 1994. 48 с.

Гагаев А.А., Гагаев П.А. Индивидуально-авторская речь в школе. Теория и практика. – М.: А.-Проджект, 2023. 236 с.

- Гагаев А.А., Гагаев П.А. О смысле как самодействующей реалии // Вестник Донецкого национального университета. 2019. № 4. С. 22–29.
- Платон. Диалоги. – М.: АСТ: Астрель, 2011. 250 с.
- Тейяр де Шарден П. Феномен человека. – М.: Устойчивый мир, 2001. 232 с.

References

- Aristotel'. Sochineniya v chetyrekh tomah. T.1. – М.: Mysl', 1976. 550 s.
- Gagaev A.A.. Teoriya i metodologiya substratnogo podhoda v nauchnom poznanii. – Saransk: MGU, 1994. 48 s.
- Gagaev A.A., Gagaev P.A. Individual'no-avtorskaya rech' v shkole. Teo-riya i praktika. – М.: А.-Prozhekt, 2023. 236 s.
- Gagaev A.A., Gagaev P.A. O smysle kak samodejstvuyushchej realii // Vestnik Doneckogo nacional'nogo universiteta. 2019. № 4. S. 22-29.
- Platon. Dialogi. – М.: АСТ: Astrel', 2011. 250 s.
- Tejyar de SHarden P. Fenomen cheloveka. – М.: Ustojchivyj mir, 2001. 232 s.

Канд. филол. наук Е.А. Зацепина (Москва)

SPIN-код: 1688-6593

myshila@mail.ru

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ КАЛЬКИ-АНГЛИЦИЗМЫ КАК ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЯЗЫКА МАСС-МЕДИА

Аннотация. Цель статьи – идентификация в языке масс-медиа (СМИ) словообразовательных калек, заимствованных из английского языка, с использованием метода изучения и анализа современной публицистики. В ходе работы были выявлены кальки-англицизмы на примерах текстов статей газеты «Московский комсомолец». Результаты исследования позволяют расширить представление об использовании подобных заимствований в современном русском языке.

Ключевые слова: англицизмы, заимствования, публицистика, современный русский язык, средства массовой информации.

Candidate of Philological Sciences E.A. Zatsepina (Moscow)

WORD-FORMATION CALQUES-ANGLICISMS AS A DYNAMIC ASPECT OF MASS MEDIA LANGUAGE

Abstract. The purpose of the article is to identify in the language of mass media word-forming calques borrowed from the English language using the meth-

od of studying and analyzing modern journalism. In the course of the work, tracing-anglicisms were revealed on the examples of the articles of the newspaper Moskovsky Komsomolets. The results of the study allow us to expand the understanding of such borrowings using in the modern Russian language.

Keywords: anglicisms, borrowings, journalism, the modern Russian language, mass media.

В данной статье мы рассмотрим употребление словообразовательных калек-англицизмов в языке масс-медиа (прессы). С точки зрения подхода к изучению языка средств массовой информации (СМИ) учитывается динамический аспект современного русского языка и связанные с ним различные модифицированные процессы. Необходимость в изучении заимствованной лексики обусловлена ее чрезмерной активностью в языке масс-медиа в общем и прессы в частности. Материалом для исследования послужили публикации газеты «Московский комсомолец».

При изучении иноязычного влияния на русский язык теме «кальки» и процессам калькирования традиционно уделяется меньшее внимание, чем лексическим заимствованиям. Этому есть по крайней мере два объяснения: во-первых, калек в языке...несравнимо меньше, чем заимствований. Во-вторых, кальки трудно выявить: неясны критерии, по которым то или иное слово или словосочетание следует признать результатом иноязычного влияния, а не продуктом процессов, происходящих в русском языке в соответствии с его собственными закономерностями развития [Крысин, 2002, с. 30–31]. Мнение ученых в отношении сущностной природы калек расходится. Одни считают кальки разновидностью заимствований, вторые противопоставляют кальки заимствованиям, другие отождествляют их с буквальным переводом. Известно, что в словарях иноязычных слов кальки не представлены; это свидетельствует об отрицании их заимствованного статуса; возможно, что определяющую роль в таком подходе играет отсутствие формального показателя иноязычности [Сенько, Ленчина, 2020, с. 129].

Калька – слово или выражение, образованное путем точного воспроизведения (копирования) средствами родного языка соответствующих слов и выражений чужого языка. Различают кальки лексические и фразеологические. Лексические кальки, в свою очередь, подразделяются на словообразовательные и семантические. **Словообразовательная калька** – это перевод иноязычного слова средствами родного языка; при копировании слова происходит буквальный перевод морфологических элементов слова-модели, заимствуется структура иноязычного слова. Словообразовательные кальки образуются при дословном поморфемном переводе на русский язык иноязычного слова, при точном воспроизведении способа его организации и значения [Зацепина, 2020, с. 28]. В русском языке наших дней преобладают кальки семантические и сочетаемостные, а главным их источником является английский язык (преимущественно в его американском варианте). При этом

основными сферами появления калек являются сферы дипломатии, политики, спорта, моды и некоторые другие, а распространяют их, внедряют в широкое употребление средства массовой информации [Крысин, 2002, с. 32].

Выявлено несколько моделей калькирования: уровень графемы, морфемы, слова, словосочетания и предложения. Калькирование на уровне графемы – пографемный перенос английского слова в русский язык при помощи транслитерации. **Калькирование на уровне морфемы** происходит тогда, когда переносится структура слова, происходит поморфемный перевод: **небоскрёб (skyscraper), междумордие (interface), трудоголик (workaholic), перекомпоновать (relink)** [Дьяков, 2015, с. 16]. Например:

«Гостиница-**небоскрёб** высотой 100-110 метров появится в областном центре Кузбасса» [газета «Московский комсомолец», статья «В Кемерове разрешили строить самую высокую гостиницу в Сибири», 21.04.2023].

«В Новосибирске построят 43-этажный **небоскрёб** на пересечении улиц Ипподромской и Октябрьской» [газета «Московский комсомолец», статья «В Новосибирске построят 43-этажный небоскрёб и спорткомплекс с залом на крыше на улице Ипподромской», 18.05.2023].

«"Учитывая мое прошлое, есть много способов, которыми я мог бы сбиться с пути, – сказал Александер. – Вместо этого я стал **трудоголиком**, и моя жизнь – это моя работа"» [газета «Московский комсомолец», статья «Джордж Сорос назвал своего наследника и передал ему управление миллиардами», 12.06.2023].

«Психолог посоветовала бить тревогу в том случае, если человек стал раздражительным, чувствует себя усталым, даже проспав до обеда, и начал часто опаздывать. Таким **трудоголикам** Гогуева рекомендует "перед отпуском отключать уведомления в рабочих чатах и взять за правило после восьми вечера не подходить к телефону"» [газета «Московский комсомолец», статья «Саратовцам посоветовали не оставаться на связи с коллегами во время отпуска», 18.06.2023].

Многочисленны случаи **калькирования словосочетаний**, особенно из экономической и политической сфер: **бегство капитала (capital flight), валюта, привязанная к доллару (currency pegged to dollar), горячие деньги (hot money), Международный валютный фонд (International Monetary Fund), молчаливое большинство (silent majority), провалившиеся государства (fail states)** и другие [Дьяков, 2015, с. 16-17]. Например:

«По словам специалиста, доллар в 2022 году резко укрепился благодаря самому быстрому за последние 40 лет циклу ужесточения монетарной политики ФРС, направленной на борьбу с высокой инфляцией в США, а также на фоне **бегства капитала** из Европы в Штаты из-за украинского конфликта и энергокризиса» [газета «Московский комсомолец», статья «Аналитик Васильев допустил рост курса доллара в 2023 году», 19.12.2022].

«"Наблюдается **бегство капитала** и перенос производства, в первую очередь в Соединенные Штаты", — предупреждает глава "Роснефти"» [газе-

та «Московский комсомолец», статья «Большая психологическая победа», 07.02.2023].

«При этом, считает дрессировщик, другие звезды и общество тоже должны "правильно реагировать": **молчаливое большинство**, по его мнению, является "неправильной позицией"» [газета «Московский комсомолец», статья «Запашный нашел способ наказать сбежавших из России звезд», 23.05.2023].

«"От этого правительства, которое начинается, никогда не будет политических преследований или юридических преследований, будет только уважение и диалог", — сказал новоизбранный глава государства, добавив, что будет слушать всех, включая и «это **молчаливое большинство** крестьян, коренного населения, женщин, молодёжи"» [газета «Московский комсомолец», статья «Колумбия пошла налево: новым президентом избран старый партизан Петро», 20.06.2023].

«"Уход из этих бумаг спекулятивных денег повысит купонную доходность, которая ко всему прочему не облагается налогом", — отметил аналитик ГК «Финам» Сергей Дроздов. По его словам, если вдруг ЦБ решит повысить ключевую ставку, то в облигации федерального займа вновь придут **"горячие деньги"** — купонный доход снизится, но вырастут котировки этих бумаг» [газета «Московский комсомолец», статья «Как заработать на фондовом рынке», 01.10.2018].

«Пандемия, мировые цены и спрос на сырье, объем и виды новых санкций со стороны Запада, курс доллара к евро, **горячие деньги** нерезидентов, которые "сидят" в российской экономике — все это внешние переменные, определяющие, что будет с нами в 2021 году» [газета «Московский комсомолец», статья «"Остается только молиться": крупнейшие экономисты спрогнозировали 2022 год», 01.01.2022].

Калькирование на уровне предложения относится к переводу устойчивых английских предложений и переносу их в русский язык: «Смотрите ли вы реалити-шоу? Читаете сплетни? Реалити-шоу — это не моя чашка чая. Но я люблю сплетни...» (**It is not my cup of tea** — это не моё; это не по моему вкусу) [Дьяков, 2015, с. 17]. Например:

«Я не говорю о профессионализме, просто не нравится то, что сейчас пытаются делать русские музыканты. С такой музыкой никогда не удастся пробиться за рубежом. В Англии по этому поводу говорят: **"Это не моя чашка чая"**» [газета «Московский комсомолец», статья «Александр Ситковецкий: "Я не эмигрировал, я просто уехал работать"», 07.11.1999].

«Может быть, люди, которые копят, выводят активы за рубеж и правильно делают. Но это не моя чашка чаю» [газета «Московский комсомолец», статья «Мститель по жизни», 18.10.2005].

Трансплантированные англицизмы — это единицы английского языка, «вставленные» в письменную русскую языковую ткань в своем оригинальном графическом облике. Трансплантироваться могут также любые единицы

языка: буквы (Глюкоза); морфемы (Boys'овский клуб), слова (pleasure – удовольствие) – «Ты же богиня, а у богинь не бывает молочницы, это pleasure развратных девиц», словосочетания (**human resources – человеческий капитал**), предложения (**Never say no – Никогда не говори нет**) и текста [Дьяков, 2015, с. 17]. Например:

«Госкорпорация "Росатом" помимо соревновательной части организовала на чемпионате обширную деловую программу "**Человеческий капитал: задачи и перспективы развития кадровой экосистемы**"» [газета «Московский комсомолец», статья «В Десногорске проходит чемпионат "AtomSkills 2023»», 21.06.2023].

«Губернатор Мурманской области открыл форум-фестиваль “Арктика. Лед тронулся” в ДК имени Кирова в столице Кольского Заполярья... " Этот форум про развитие, про экономику, про **человеческий капитал – про всё**", – прокомментировал Андрей Чибис» [газета «Московский комсомолец», статья «Андрей Чибис открыл фестиваль "Арктика. Лед тронулся"», 22.06.2023].

«Есть слова в Библии – **«никогда не говори «нет»**, а что уж там в жизни получится... вперед лучше не загадывать и ничего не обещать, правда?» [газета «Московский комсомолец», статья «Олег Попов: "В моих жилах кровь красная, как знамя!"», 25.02.2015].

«Как сообщила собеседница издания, у стюардессы роскошной яхты существуют два принципа работы. "**«Порядок, работа и дисциплина» и «никогда не говори "нет" гостям»**", – раскрыла детали Дрежанчич» [газета «Московский комсомолец», статья «Стюардесса яхты рассказала о странной просьбе богача, связанной с яйцами», 27.07.2022].

Комбинированными англицизмами называются такие заимствования, при графической ассимиляции которых использовалась комбинация выше перечисленных форм. Сюда относятся **полукальки**, где один компонент английского слова транслитерируется / транскрибируется, а другой калькируется: **флэш-память** (flash memory), квенчинг-камера (quenching chamber), брюки-шейк (shake-pants) [Дьяков, 2015, с. 17]. Например:

«В частности, в городе действует один из самых передовых в стране заводов по производству микросхем – комплекс, принадлежащий полупроводниковому гиганту Tsinghua Unigroup, который производит так называемую **флэш-память NAND 3D** для смартфонов и компьютеров» [газета «Московский комсомолец», статья «Коронавирус закрыл китайские города: как это бьет по мировой экономике», 03.02.2020].

«Глава город пояснил, что новый дефибриллятор в режиме реального времени может отображать на дисплее уровень насыщения крови кислородом... Более того, выводимые результаты можно записать на **флэш-память** и сохранить для проведения дальнейших анализов» [газета «Московский ком-

сомалец», статья «В первую городскую больницу Новокузнецка поступило новое оборудование и медикаменты», 16.02.2021].

К **комбинированной форме вхождения англицизмов** в русскую речь относим слова типа **наррация (narration), рекламация (reclamation), фасилитация (facilitation), экстраполяция (extrapolation), секьюритизация (securitization)** и др., в которых **корневые морфемы транслитерируются, а суффиксы калькируются русскими субститутами** [Дьяков, 2015, с. 17]. Например:

«Европейский центр потребителей предлагает также воспользоваться услугами портала «Успешная жалоба»: там следует указать, как и где был куплен товар и в чем заключается проблема, после чего объяснить причины его **рекламации**» [газета «Московский комсомолец», статья «Германия: Можно ли обменять рождественский подарок и в какой срок», 02.01.2023].

«Недовольный ремонтом автомобилист предъявил **рекламацию** в ударном виде» [газета «Московский комсомолец», статья «В Курской области клиент выбили автослесарю шесть зубов за некачественный ремонт», 15.04.2023].

«По итогам 2023 г. объем общепанковского розничного кредитования в России вырастет на 17% и по портфелю достигнет 33,5 трлн рублей (с учетом **секьюритизации**)» [газета «Московский комсомолец», статья «Эксперт: портфель розничных кредитов в России по итогам года вырастет на 17%», 26.04.2023].

«ВТБ закрыл первую в этом году сделку **секьюритизации** портфеля потребительских кредитов» [газета «Московский комсомолец», статья «ВТБ секьюритизировал портфель потребительских кредитов на 10 млрд рублей», 11.05.2023].

Комбинированные англицизмы могут состоять из транспланта, обычно **части композита**, переданной в графике языка-донора, и **транслитерированного/транскрибированного или калькированного слова: VIP-персона – VIP-person; CD-плеер – CD-player; 3D-видео – 3D-video** [Дьяков, 2015, с. 17]. Например:

«Глава японской фирмы ССТТ, предоставляющей услуги охраны **VIP-персон** как в Японии, так и за рубежом, заместитель председателя Международной ассоциации телохранителей Хидэто Осанаи заявил в связи с инцидентом с премьером Фумио Кисидой, что японская полиция во многом учла уроки после убийства экс-премьер-министра Синдзо Абэ»

[газета «Московский комсомолец», статья «Глава японской фирмы VIP-охраны прокомментировал нападение на Кисиду», 16.04.2023].

«С исламским этикетом ознакомлены волонтеры, их будет порядка 900 человек... Вместе с **VIP-персонами** из Дубая, Ирана и Эр-Рияда они обсудят, как продолжать слаженное сотрудничество в нынешних условиях» [газета «Московский комсомолец», статья «Световое шоу на стенах Кремля, битва шеф-поваров и другое: что покажут гостям KazanForum», 16.05.2023].

Как мы видим из приведённых выше примеров, наличие в языке медиа словообразовательных калек – результат внедрения и трансформации практически неизменённых либо частично модифицированных англоязычных лексем в современный русский язык. Калькирование обычно не ведёт к расширению словарного состава языка – оно способствует качественным системным трансформациям [Сенько, Ленчина, 2020, с. 132]. Думается, что кальки – это вид иноязычных лексических единиц, который существует параллельно с другим видом инолексем, то есть кальки и материальные заимствования – это виды одного рода, выделяемые на основе такого признака, как путь трансляции иноязычных слов в язык-реципиент [Там же, с. 129–130].

Литература

Дьяков А.И. Статика и динамика англицизмов в системе русского языка: многоаспектное лингвистическое моделирование: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Омск, 2015. 51 с.

Зацепина Е.А. Англицизмы в современном русском языке рубежа XX—XXI столетий: этимологическая справка и функциональный спектр: монография. – М.: Государственный университет по землеустройству, 2020. 212 с.

Зацепина Е.А. Роль новомодных англицизмов в современном русском языке (на примерах текстов СМИ) // Лекантовские чтения – 2022: Материалы Международной научной конференции. Москва, 2022. С. 201–205.

Зацепина Е.А. Фразеологическое калькирование англицизмов как феномен лингвистической интерференции современного русского языка // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции, посвящённой 80-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Войловой К.А., г. Москва, 27 февраля 2023 г. – М.: ООО «Постатор», 2023. С. 142–146.

Крысин Л.П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопросы языкознания. 2002. № 6. С. 36–44.

Назарова Е.А. Место заимствований из английского языка в системе национального русского языка (конец XX – начало XXI вв.) // Русский язык в системе славянских языков: история и современность: Сборник научных

трудов. Московский государственный областной университет. – М., 2008. С. 290–297.

Назарова Е.А. Место и роль заимствований из английского языка в современном русском языке (конец XX – начало XXI вв.): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008. 198 с.

Сенько Е.В., Ленчина М.Р. Калькирование в современном русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. №11. С. 128–133.

Электронные ресурсы

Газета «Московский комсомолец» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mk.ru/> (дата обращения: 25.06.2023).

References

Dyakov A.I. Statics and dynamics of anglicisms in the system of the Russian language: multidimensional linguistic modeling: abstract. diss. for the degree of Doctor of Philology. sciences. Omsk, 2015. 51 p.

Zatsepina E.A. Anglicisms in modern Russian at the turn of the XX—XXI centuries: etymological reference and functional spectrum: monograph – М.: State University of Land Management, 2020. 212 p.

Zatsepina E.A. The role of new-fangled anglicisms in modern Russian (using examples of media texts) // In the collection: Lekant readings - 2022. Materials of the International Scientific Conference. Moscow, 2022, pp. 201-205.

Zatsepina E.A. Phraseological calculus of Anglicisms as a phenomenon of linguistic interference of the modern Russian language // The Russian language in Slavic intercultural communication: a collection of scientific papers on the results of the International Scientific Conference dedicated to the 80th anniversary of the birth of Doctor of Philology, Professor Voilova K.A., Moscow, February 27, 2023 / Moscow: ООО "Postator", 2023. pp. 142–146.

Krysin L.P. Lexical borrowing and calculus in the Russian language of recent decades // Questions of linguistics. 2002. No. 6. pp. 36-44.

Nazarova, E.A. The place of borrowings from the English language in the system of the national Russian language (late XX – early XXI centuries.) // Russian language in the system of Slavic languages: history and modernity. Collection of scientific papers. Moscow State Regional University. Moscow, 2008, pp. 290–297.

Nazarova E.A. The place and role of borrowings from English in modern Russian (late XX - early XXI centuries): dissertation for the degree of Candidate

of Philological Sciences. Moscow State Regional University. Moscow, 2008. 198 p.

Senko E.V., Lenchina M.R. Calculus in the modern Russian language // Philological sciences. Questions of theory and practice. 2020. No. 11. pp. 128–133.

Electronic resources

Moskovsky Komsomolets newspaper [Electronic resource]. – URL: <https://www.mk.ru/> (accessed: 06/25/2023).

Доктор филол. наук Н.В. Дмитриук, канд. филол. наук М.Ю. Шингарева
SPIN-код: 2930-7749 ; SPIN-код: 2981-2973 (Казахстан, Шымкент)
nvdmitr@yandex.ru; logrus1976@mail.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ СОМАТИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ (СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ)

Аннотация. Статья посвящена проблеме исследования языкового сознания этносов, представленного сквозь призму фразеологического фонда языков; обсуждаются дидактические аспекты формирования лингвокультурологической компетенции в процессе обучения русскому языку как неродному; рассматриваются лингвокультурологические и этнопсихолингвистические особенности соматических фразеологизмов казахского и русского языков как источников информации о этноспецифических особенностях наивной картины мира данных народов, представленные в лингводидактическом аспекте.

Ключевые слова: фразеологические единицы, языковое сознание, лингвокультурологические компетенции.

Doctor of Phil.sciences N.V.Dmitryuk, candidate of phil.sciences
M.Y. Shingareva
(Kazakhstan, Shymkent)

LINGUISTIC AND CULTURAL ASPECT OF THE SOMATIC PHRASEOLOGY STUDY (COMPARATIVE RESEARCH)

Abstract. The article is devoted to the problem of research in the field of ethnic groups linguistic consciousness, presented through the prism of the phraseological fund of languages; the didactic aspects of the formation of linguistic and cultural competence in the process of teaching Russian as a non-native language are discussed. The subject of the study is the ethnolinguistic and linguoculturological features of Kazakh and Russian somatic phraseological units as sources of information about the ethnospecific features of these peoples naive worldview, presented in the linguodidactic aspect.

Keywords: phraseological units, linguistic consciousness, linguistic and cultural competencies

Фразеологический фонд любого языка содержит в себе ярко выраженную специфику культуры, менталитета, национальной психологии этноса, что пробуждает интерес к выявлению этой специфики не только в научно-теоретическом аспекте, но и в методическом плане: *актуальность* работы определяется лингводидактическими проблемами этнокультурного своеобразие устойчивых выражений, представляющих определенную трудность семантизации и усвоения в процессе обучения. На примере систематизации, описания и сравнительно-сопоставительного анализа русской и казахской соматической фразеологии представим фрагмент научно-методического описания формирования лингвокультурологической компетенции в языковом сознании изучающих русский язык. *Объектом* исследования является специфика образов языкового сознания представителей казахского и русского этнических сообществ, а *целью* – описание отражения тех способов осмысления, категоризации и оценки явлений окружающей действительности, которыми пользуется носитель данной культурной традиции, познавая мир и взаимодействуя с ним, и которые отразились в его «наивной картине мира», закрепленные во фразеологии казахского и русского языка – архетипах сознания этноса.

Мысль о том, что фразеологический фонд любого языка в силу устойчивости и «фиксированности» своеобразной языковой картины мира является отражением архетипов сознания языковой личности и этноса в целом, отнюдь не нова. Фразеология представляет собой застывшие образцы, фрагменты, осколки языкового мировидения. Практически весь фразеологический фонд языка связан с традициями, обычаями и поверьями народа, а также с реалиями, преданиями, историческими фактами из жизни этноса – носителя языка. Именно поэтому фразеология любого языка (народа) глубоко специфична и неповторима, несет в себе черты этнической культуры и обусловлена самыми разнообразными экстралингвистическими факторами, ко-

торые и составляют особенность языка и придают ему яркое своеобразие, «раскрашивая мир в различные этнокультурные цвета» [Дмитрюк, 2009].

Фразеологический пласт любого языка составляет значительную часть специфического отражения образа мира и своеобразия языковой картины мира. В ней ярко проявляется языковая эмотивность, экспрессия, поэтические особенности, отражается метафоричность образа мышления этноса – раскрываются архетипы его сознания, которые отражают определенные культурные коды восприятия окружающего мира. Сигнализируя о своеобразии архетипов языкового сознания этноса, язык формирует его (сознание) и воздействует на него всем спектром эстетических средств языка и заложенных в нем модальных оценок – формируется своеобразный, этнически уникальный культурный код, структурирующий ментальность этноса. «Основное назначение элемента кода – пояснить другую действительность, служить отражением иного объекта. Элемент кода несет информацию о представлениях носителя языка относительно номинируемой им действительности» [Мамбетова и др. 2023].

В число культурных кодов входят, в частности, цветовой, животный, растительный, соматический и другие коды. Воплощение этого кода в призматическом фразеологическом фонде языка оказывается во многом детерминированным этнической культурой, и картина мира, выстроенная из заведомо антропоцентрических понятий, является, своеобразным отпечатком «единого первообраза человека». Тенденция проецировать в процессе познания окружающей действительности на мироздание и социум структуру собственного тела выражается в абсолютной антропоцентричности соматических фразеологизмов как единиц особого характера. Принцип антропоцентричности на материале соматической фразеологии проявляется в демонстрации связи языкового сознания с мифологическими представлениями о строении реального мира. Картина мира не может быть ничем иным, как «умноженным отпечатком единого первообраза человека».

Таким отпечатком «единого первообраза» нам представляется предмет нашего исследования – топологически одинаковое у всех человеческое тело, воспринимаемое, тем не менее, по-разному в разных культурах, судя по различной оценке степени важности и назначения частей человеческого тела – соматизмов. Соматизмы, являясь наименованиями частей тела человека, составляют своеобразную «анатомическую языковую карту человека, соматикон» [Сорокин, 1998], который и по количеству номинаций-соматизмов, и по их отличительным свойствам и признакам, в разных языках представляют собой далеко не идентичные способы их вычленения и номинации (ср., например, наименования пальцев рук и ног, или обозначения разных участ-

ков руки и ноги в разных языках и мн. др.). И хотя соматизмы «не имеют заранее обусловленных национально-культурных коннотаций», но в силу и этого условия обладают большим потенциалом фразеологизации – фразеологические единицы (ФЕ) с этим компонентом составляют самую многочисленную группу среди всех тематических групп ФЕ. Этот «соматический пласт» фразеологии является языковой универсалией и присутствует во всех языках, что объясняется известной эгоцентричностью человека – в лингвистической литературе уже неоднократно указывалось на то, что человек осваивает окружающую действительность «от себя».

Поиск этнокультурной специфики восприятия образа человека (средствами соматической фразеологии) в языковом сознании русских и казахов задает статус самого языкового сознания в данном исследовании: оно рассматривается как *средство* познания *чужой* культуры в ее предметной, деятельностной и ментальной форме, а также как средство познания *своей* культуры.

В ходе сплошной выборки из русских [Молотков, 1986] и казахских [Кенесбаев, 2007] фразеологических словарей нами было обнаружено, что в казахском языке устойчивых выражений с соматическим компонентом заметно больше, чем в русском: в наших материалах корпус русских исследуемых ФЕ составляет 1106 единиц, в казахских – более 2150 единиц (что, возможно, объясняется включением в казахский фразеологический словарь разнообразных форм паремий – пословиц, поговорок, присловий, благопожеланий и проч.). При межъязыковом сопоставлении соматических фразеологизмов выявляются и неизбежные различия национально-специфического характера, и черты общности. Приведем статистические данные, иллюстрирующие частотность употребления некоторых соматизмов в казахской и русской фразеологии. Так, соматизм *көз* в составе казахских фразеологизмов употребляется 200 раз, а в русском корпусе его аналог соматизм *глаз* зафиксирован в 133 соматических ФЕ; далее сопоставим: *голова* 125 / *бас* 250; *ладонь* 2 / *алақан* 13; *макушка, темя* 2 / *төбе* 15; *нога* 82 / *аяқ* 109; *бауыр* 56 / *печень* 2; *поясница* 2 / *бел* 55; *рот* 22 / *ауыз* 190; *рука* 126 / *қол* 155; *стопа* 5 / *табан* 42; *язык* 57 / *тіл* 112 и др. [Ахметжанова, 2007].

В ходе прежних исследований (см. докторскую диссертацию Н.В. Дмитрюк [Дмитрюк, 2000]) нами была выявлена определенная иерархия «социально-культурной значимости» тех или иных соматизмов – компонентов ФЕ – в сознании представителей разных этносов. Условно поделенные на три части – социально значимые, «пограничные» и социально незначимые, физиологические соматизмы обнаружили разную степень их актуализации в речи. Так, представление о разной социальной значимости определенных

соматизмов в ходе нашего исследования приобрело отчетливую картину, в которой социально значимыми являются одни части тела (*глаза, руки, лицо, голова* и др.) а социально незначимыми являются другие (*лоб, зубы, брови, скулы, подбородок* и др.).

Кроме того, в сопоставляемых нами культурах разные части тела могут оказаться по-разному маркированными. Так, фразеологические единицы с казахскими соматизмами *бауыр* (печень), *бел* (поясница) представлены широким спектром определений, оценок, ассоциаций, эмоций и сопровождаются специфически национальными образами и коннотациями: для казаха *печень* – это символ кровного родства, наделенный самыми разнообразными поэтическими эпитетами и метафорически близкий по значению русскому *сердцу* с его разветвленной словообразовательной системой коннотативных значений. Не являясь «социально значимыми» в русской культуре, их аналоги-соматизмы *печень, поясница* представлены единичными фразеологизмами, в то время как казахские фразеологизмы с компонентами *бауыр, бел* обладают широким спектром коннотативных смыслов, отражая своеобразие казахского менталитета, и поэтому могут быть отнесены к центральной, концептуальной зоне казахского языкового сознания.

В результате сопоставительного анализа было выяснено, что высокий показатель эквивалентности свойствен фразеологическим единицам с соматическим компонентом, в которых совокупное значение основано на переосмыслении действий, ощущений людей в типичных универсальных для всех наций ситуациях, а также характерен для ФЕ с элементарным значением: это такие соматизмы, как *голова / бас, глаза / көз, руки / қол, лицо / бет, нос / мурын, язык / тіл* и др.

Анализ коррелирующей фразеологии с соматическим компонентом в русском и казахском языках выявил основные причины их сходства или идентичности (возможного калькирования): во-первых, это может быть обусловлено общностью морально-этических установок сопоставляемых этносов, во-вторых, такие совпадения объясняются общностью строения человеческого тела и его частей – соматикона, в-третьих, общностью перцептивных данных – давлением (влиянием) самого объекта, восприятием сугубо физических (одинаковых) характеристик, что является предметом исследования в общей фразеологической картине мира казахов и русских.

Материалы исследований показали, что различия в восприятии частей тела могут быть обусловлены национально-культурной спецификой уклада жизни, исторического развития, психологии носителей языка, религиозными верованиями, этнографическими обычаями и традициями, природными и климатическими условиями и многими другими факторами, часто не подда-

ющимися прямому объяснению. Уникальность казахских ФЕ с соматическим компонентом зачастую во многом определяется специфическими особенностями многовекового скотоводческого уклада жизни казахского этноса, что противостоит земледельческому укладу жизни русского этноса: сказывается фактор широкого распространения анатомических знаний о строении тела животных, обусловленного скотоводческим образом хозяйствования казахов и меньшая распространенность подобных знаний у русских, ведущих в основном земледельческое хозяйство. Другими словами, несовпадения чаще всего обусловлены различиями глубинных этнопсихологических установок и спецификой разного коммуникативного опыта – влиянием культуры этноса.

Самый низкий уровень эквивалентности обнаруживают немотивированные ФЕ-сращения, дешифровка значения которых представляет трудности не только для представителя иной культуры, но зачастую и для самого носителя языка, поскольку для этого требуется специальный этимологический анализ, который тоже не всегда гарантирует правильный ответ.

Кроме того, наличие «физических» и «социальных» характеристик соматизмов позволяет усмотреть неравномерный (двуполусный) характер восприятия разных частей человеческого тела, который определяется неравномерностью распределения фокуса внимания носителей разных языков (и культур).

Как специфическую особенность, обнаруженную нами в ходе сопоставительного анализа, можно отметить то, что наибольшее количество коррелирующих, близких по значению ФЕ наблюдается при назывании внешних органов и крупных частей тела человека, в то время как во фразеологизмах, называющих внутренние органы и мелкие части тела, просматривается больше различий.

В заключение отметим, что исследование фразеологических единиц как формы существования языкового сознания содержит в себе значительный эвристический потенциал: фразеологический фонд любого языка является иллюстрацией *общности* и *различия* в менталитетах представителей разных лингвокультурных сообществ. Наряду с неизбежно существующей разницей в стереотипах поведения и мировосприятия, характерной для представителей исследуемых этносов, обнаруженные нами элементы общности языкового сознания русских и казахов, сходные морально-этические и культурологические константы, на основании которых формируются национальные картины мира, обеспечивают принципиальную возможность нахождения оптимальных способов межкультурного общения на любом уровне и способствуют созданию атмосферы взаимопонимания, толерантности и доброжелательно-

сти.

Литература

Ахметжанова Г.А. Соматическая фразеология как отражение национально-культурной специфики языкового сознания: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Алматы, 2007. 24 с.

Дмитрюк Н.В. Языковое сознание: лингвокультурологические исследования: монография. Saarbrücken, Palmarium Academic Publishing. Germany, 2012. 238 с. [https://www.ljubljuknigi.ru/store/gb/book/ Языковое сознание/](https://www.ljubljuknigi.ru/store/gb/book/Языковое_сознание/) ISBN/978-3-8473-9740-3

Дмитрюк Н.В. Фразеологический соматикон как отражение архетипов языкового сознания этноса // Вопросы психолингвистики. 2009. № 10. С. 30–34.

Кенесбаев И. Фразеологический словарь. – Алматы: Изд-во «Арыс», 2007. 800 с.

Молотков А.И. Фразеологический словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1986. 296 с.

Сопоставительный анализ фразеологических единиц с соматизмом *рука* как способ формирования лингвокультурной компетенции (на материале русского, казахского, тувинского и английского языков) / Г.Т. Мамбетова, М.Ю. Шингарева, Н.В. Дмитрюк, О.А. Стычева // Новые исследования Тувы. 2023. № 4 (в печати).

Сорокин Ю.А. Антропоцентризм vs антропофилия: доводы в пользу второго понятия // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 4. – М., 1998. С. 34–44.

References

Akhmetzhanova G.A. Somatic phraseology as a reflection of the national-cultural specificity of linguistic consciousness [Somaticheskaya frazeologiya kak otrazhenie nacional'no-kul'turnoj specifiki yazykovogo soznaniya. *Avtoref. diss. ...kand. filol. nauk*] // Autoref. diss. ...Candidate of Philology sciences. Almaty, 2007. 24 p.

Dmitryuk N.V. Linguistic consciousness: linguistic and cultural studies. Monograph. [Yazykovoe soznanie: lingvokul'turologicheskie issledovaniya. *Monograf[liya]*]. Saarbrücken, Palmarium Academic Publishing. Germany, 2012. 238 p. [https://www.ljubljuknigi.ru/store/gb/book/ Языковое сознание/](https://www.ljubljuknigi.ru/store/gb/book/Языковое_сознание/) ISBN/978-3-8473-9740-3

Dmitryuk N.V. Phraseological somaticon as a reflection of the archetypes of the linguistic consciousness of the ethnos // Journal of psycholinguistics. [Frazeo-

logicheskij somatikon kak otrazhenie arhetipov yazykovogo soznaniya etnosa. *Voprosy psiholingvistiki*] No. 10, 2009. pp. 30-34.

Kenesbaev I. Phraseological dictionary. [Frazeologicheskij slovar']. Almaty: Publishing house "Arys", 2007. 800 p.

Mambetova G.T., Shingareva M.Yu., Dmitryuk N.V., Stycheva O.A. Comparative analysis of phraseological units with somatism hand as a way of linguocultural competence formation (based on the material of Russian, Kazakh, Tuva and English languages) [Sopostavitel'nyj analiz frazeologicheskikh edinic s somatizmom ruka kak sposob formirovaniya lingvokul'turnoj kompetencii (na materiale russkogo, kazahskogo, tuvinskogo i anglijskogo yazykov)] // *New Studies of Tuva*, No. 4, 2023 (in print)

Molotkov A.I. Phraseological Dictionary of Russian [Frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka]. Moscow: Russian language, 1986. 296 p.

Sorokin Yu.A. Anthropocentrism vs anthropophilia: arguments in favor of the second concept [Antropocentrizm vs antropofiliya: dovody v pol'zu vtorogo ponyatiya]. // In the collection: *Language, consciousness, communication*. Issue 4, M. 1998. pp. 34-44.

Канд. ист. наук Т.А. Мищенко (Черняховск)

SPIN-код: 1693-9705

mtapost@yandex.ru

А.А. Белас (Новозыбков)

leska1984rusnik@mail.ru

ЕВАНГЕЛИЕ УЧИТЕЛЬНОЕ В ИСТОРИИ СЛАВЯНСКОЙ СТАРОПЕЧАТНОЙ КНИЖНОСТИ: НАХОДКА НА РОССИЙСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ

Аннотация. На российско-белорусском пограничье обнаружено Евангелие учительное, которое авторы публикации датируют 1569 г. и относят к Заблудовской типографии. Изучается история создания Евангелия учительного первопечатниками Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем, анализируется проблема распространения издания и его последующих воспроизведений в регионе исследования в среде старообрядцев, высказываются аргументы в пользу введения в научный оборот еще одного экземпляра первопечатной книги кириллической печати.

Ключевые слова: Евангелие учительное, Заблудов, первопечатники, старообрядцы, пограничье.

THE TEACHING GOSPEL IN THE HISTORY OF SLAVIC OLD PRINTED BOOKS: A FIND ON THE RUSSIAN BORDER

Abstract. A teaching gospel was discovered on the Russian-Belarusian border, which the authors of the publication date back to 1569 and refer to the Zabludovsky printing house. The history of the creation of the teaching Gospel by the first printers Ivan Fedorov and Peter Mstislavets is studied, the problem of the distribution of the publication and its subsequent reproductions in the region of study among the Old Believers is analyzed, arguments are made in favor of the introduction into scientific circulation of another copy of the first printed book of Cyrillic printing.

Keywords: The teaching Gospel, Zabludov, the first printers, Old Believers, the frontier.

Книгопечатание привлекает нас как исторический феномен и одно из изобретений человечества, свершившее революцию в способах распространения знаний и информации. Раннепечатные книги и мастера-первопечатники в России по-прежнему являются предметом исторических изысканий. Во-первых, далеко не вся история становления книгопечатания в России, начавшаяся через 100 лет после его возникновения в Европе, доподлинно известна и документирована. Существуют гипотезы об анонимных изданиях до 1564 г., неясно происхождение и судьба первопечатников Ивана Федорова и Петра Мстиславца. Во-вторых, количество книг, изданных на кириллице в России и Великом княжестве литовском в XVI в. невелико, от их тиражей осталось по несколько десятков экземпляров. Таким образом, каждый обнаруженный экземпляр издания, возможно созданный первопечатниками в Москве или на территории ВКЛ, привлекает внимание исследователей и объясняет актуальность данной работы.

Коллекционер, краевед, этнограф Алексей Белас – известный прежде всего своими полевыми изысканиями в регионе пограничья России и Беларуси – обнаружил в ходе экспедиции на крайний запад Брянской области, граничащий с Беларусью, один из экземпляров «Евангелия учительного». В данной работе авторы попытаются доказать его географическое бытование, датировать и предъявить свои аргументы в пользу принадлежности «Евангелия учительного» Заблудовской типографии первопечатников.

Изучая вопрос о начальном этапе кириллического книгопечатания, обычно вспоминают Франциска Скорину и его печатание первой Библии на

церковнославянском языке в Праге в 1517–1519 гг., однако необходимо упомянуть Швайпольта Фиоля, который в 1491–1492 гг. в Кракове издал четыре книги на церковнославянском языке славянским шрифтом: Постную и Цветную Триоди, Часослов и Октоих. Автор исследования кириллического книгопечатания на белорусских землях священник Алексей Хотеев упоминает, что «...один экземпляр Часослова Швайпольта Фиоля находился в Жировичском монастыре, а потом хранился в библиотеке Литовской духовной семинарии в Вильно» [А. Хотеев, 2019]. Однако затем кириллическая традиция книгопечатания не развивалась последующие 50 лет.

В середине XVI в. потребность в богослужебной литературе в православной среде России и ВКЛ была обозначена. Так, в 1551 г. в Москве состоялся Стоглавый собор, который в числе других вопросов указал, что традиционное переписывание текстов ведет к многочисленным ошибкам в богослужебных и библейских книгах. Изменить эту пагубную тенденцию могло бы становление книгопечатания в Московском государстве. А.Е. Викторов в своем исследовании предполагает, что «...печатники Иван Федоров и Петр Тимофеев Мстиславец, указанные в послесловии к Апостолу 1564 г., осваивали книгоиздательское ремесло, участвуя в печатании анонимных изданий. После выхода в свет Апостола они напечатали в 1565 г. еще два издания Часовника. О московском периоде жизни мастеров практически ничего не известно. Об Иване Федорове ...есть информация о том, что он служил дьяконом в церкви Николы Гостунского ...что в Москве у него была семья – жена и сын. Жена, вероятно, умерла еще до отъезда в Великое княжество литовское. О Петре Мстиславце вообще нет никаких сведений» [чит. по: И.В. Починская, 2022, с. 31].

В дальнейшем Иван Федоров и Петр Мстиславец оказались на территории ВКЛ. Это произошло между 29 октября 1565 г. (дата завершения работы над Часовником) и 1567 г., когда они появились в Вильно. Там гетман литовский Григорий Александрович Ходкевич предложил им поселиться в своем имении в Заблудове (сейчас территория Восточной Польши). По мнению Я.Д. Исаевича, Иван Федоров и Петр Мстиславец еще до отъезда из Москвы договорились с гетманом о сотрудничестве [цит. по: И.В. Починская, 2022, с. 31]. Посредником в этих переговорах мог быть брат гетмана Юрий, который летом 1566 г. был в Москве.

Ходкевичи покровительствовали православию. Отец Григория Александр был фундатором известного Супрасльского монастыря. Для первой книги кириллической печати на территории ВКЛ было выбрано «Евангелие учительное». Это сборник проповедей, поучений на евангельские чтения, положенный на различные недели и праздники. Этот текст имеет две версии.

В Заблудове была напечатана вторая, более поздняя, «... называемая Константинопольским патриаршим гомилиаром, который предположительно составили несколько авторов, живших в XII, XIII и XIV вв. Состав такого Учительного Евангелия значительно отличается от первого и имеет две части: 53 или 52 поучения на воскресные и некоторые другие дни и 26025 поучений на неподвижные праздники и связанные с ними недели с 1 сентября по 29 августа» [Л. Щавинская, 2019, с. 360]. Славянский перевод этой версии датируется, предположительно, концом XIV–XV вв. Ходкевич замышлял издать книгу на простонародном языке, однако «...после совещания с московскими типографами и ревнителем православного просвещения князем Андреем Курбским было решено печатать книгу на традиционном церковнославянском языке» [А. Хотеев, 2019]. Иван Федоров увез с собой значительную часть типографского инвентаря: пунсоны, матрицы, может быть, часть шрифта и почти все гравировальные доски. 17 марта 1569 г. вышла в свет «Книга зовомая Евангелие учительное, выпущенная «при пановании светлейшего властителя Жигимонта Августа... в отчизном имении Г.А. Ходкевича... в месте зовомом Заблудов, на собственные средства его милости». Предисловие к книге позволяет подтвердить историю взаимоотношений заказчика и мастеров, там сказано, что Г.А. Ходкевич «изобретох себе в том деле друкарьском людеи наученых Ивана Федорова Москвитина да Петра Тимофеевича Мстиславца повеле есмиим учнинивши варстат друкарьский, и выдруковати сию книгу Евангелие учительное» [Е.Л. Немировский, 2010, с. 16].

В полиграфическом и редакционном отношении заблудовское Евангелие учительное напоминает московское издание печатников. Приведем описание книги, данное в антикварной интернет-галерее: «Книга отпечатана в лист, двумя красками в два прогона. Шрифт как прописных, так и строчных букв один и тот же, что и в Апостоле 1564 г. Слова и главы выделены киншварными текстовыми строками и ломбардами. В начале текста отпечатана фигурная, черная заставка. Орнамент: инициалы: 2 оттиска с 2-х досок; заставки: 3 оттиска с 2-х досок; концовки: 6 оттисков с 3-х досок; вязь, рамки... Иллюстраций в технике гравюры на дереве одна: герб князя Г.А. Ходкевича» [RARUS'S GALLERY]. В другом описании первопечатного Евангелия учительного (хранится в Каргопольском историко-архитектурном музее с 1981 г.) мы встречаем упоминание об основном мотиве малой заставки (титальный лист и л.282 Учительного евангелия) – акантновом вьюнке, расходящемся в стороны от тыквообразной вазы. Эта заставка шесть раз встречалась на страницах московского Апостола [Русское историческое повествование XVI–XVII веков..., 1984, С.25]. Как видим, текст и орнамент напомина-

ют «Апостол» 1564 г. Новым элементом является заглавный лист, которого не знала русская рукописная и московская старопечатная книга.

В 1570 г. в Заблудове вышла богослужебная Псалтирь с часословом. На этом издательская деятельность Ивана Федорова в Заблудове прекращается. Называют разные тому причины: слабое здоровье престарелого гетмана, личный конфликт с печатниками, изменение политики ВКЛ после унии с Польшей. Учительное Евангелие 1569 г. вошло в орбиту российского книговедения лишь в XIX в. Гораздо более известными к тому времени были московские, львовские и острожские издания Ивана Федорова, как и деяния Петра Мстиславца по возрождению кириллического книгоиздания в Вильно. Однако именно в предисловии ко львовскому «Апостолу» 1574 г. Иван Федоров раскрывает особенности своей биографии и отдает даль памяти Г.А. Ходкевичу: «...Тогда, упросив со тщанием государя, вельможный пан Григорий Александрович Ходкевич пан виленский, наивысший гетман Великого княжества Литовского, староста гродненский и могилевский, принял нас с любовью под свое покровительство и всем необходимым снабжал долгое время. .. Мы трудились по воле Господа нашего Иисуса Христа, рассевая слово его по вселенной. Но вот пришел в глубокую старость наш покровитель, голова его стала страдать от частой боли, и повелел нам прекратить книгопечатание, художество рук наших оставить, заняться земледелием и проводить жизнь свою в здешнем мире за этим занятием. Но не земледелие дано мне в жизненный удел, владею не плугом, а искусством иных орудий, вместо хлебных семян сеять по вселенной семена духовные и всему чину раздавать духовную пищу» [А. Хотеев, 2019].

Заблудовское «Евангелие учительное» в последующем неоднократно переиздавалось, перепечатки старались производить близко к оригиналу. Это создает дополнительные трудности как для исследователей, так и собирателей, музейных деятелей. Мы можем утверждать, что экземпляров текста, изданных первопечатниками от 40 до 60, так как иногда более поздние издания принимаются за издание 1569 г., но чаще находки хранятся в музейных или частных коллекциях.

Фото 1. Дом в деревне Несвоевка Новозыбковского района, где был найден А. Беласом экземпляр «Евангелия учительного». 20.06.2023 г.

Распространение по белорусским и пограничным землям России первопечатных книг на кириллице поддерживалось на протяжении XVII–XIX вв. старообрядческими общинами, которые прижились на пограничье и за несколько столетий стали хозяйственными, торговыми и культурными центрами современной Брянщины, Гомельщины, Могилевщины. Обнаруженный краеведом А. Беласом экземпляр «Евангелия учительного» был найден им в нежилом доме д. Несвоевка Новозыбковского района Брянской области (См. Фото 1.).

Эта деревня известна с середины XVIII в. как владение Киево-Печерской лавры, имевшей на юго-западе современной Брянщины в собственности три волости: Бобовицкой, Попогорской и Лыщицкой.

А.М Лазаревский утверждал, что в собственность Лавры они перешли после изгнания поляков в XVII в. (по Андрусовскому перемирию 1667 г.). Маленькая Несвоевка, в которой в середине XIX в. жило 611 человек, в 2010 г. числилось 139, сейчас почти совсем нежилая. Как такая почитаемая книга могла сохраняться в обычном доме в Несвоевке? Дело в том, что долгое время ее жители тяготели к большому крупному посаду поблизости – Святску, основанному старообрядцами, пришедшими сюда из местечка Халча, что в Великом княжестве Литовском. 1713-м годом датируется «осадное письмо» архимандрита Киево-Печерской Лавры Афанасия Миславского: «осести слободу...прозиваемой Свяцкое в полку Стародубском». Это был последняя «осаженная» старообрядцами на Стародубье слобода. В конце XVIII в. Святская слобода получает статус посада; именовался посадом и был одним из крупных населенных пунктов уезда [Молебен в бывшем старообрядческом посаде Святск..., 2022, с. 11], уступая только уездному городу Сураж и про-

мышленному посаду Клинцы: около 3600 жителей к 1917 г., кирпичные заводы и кожевенные фабрики, скотобойня, маслозавод, мельницы и хлебопекарни. Имелось 26 торговых лавок, фотоателье, действовало туристическое агентство. Ранее 1795 г возник и до 1850 г. в Святске действовал старообрядческий мужской Ново-Покровский Святский монастырь ветковского согласия. Как отмечает историк старообрядчества М.В. Кочергина, «...Старообрядческие монастыри Стародубья были центрами духовного наставничества, старчества, духовной культуры. Они поддерживали тесные контакты с населением старообрядческих слобод и посадов, были как местными, так и общероссийскими духовными центрами, имевшими значительные собрания икон» [М.В. Кочергина, 2000]. Интерес образованной элиты России в XIX в. к историческому наследию обратился и к этим землям. На уникальные рукописи и книги кириллической печати, находившиеся у старообрядцев духовных центров Стародубья и Ветки, впервые указал Н.П. Румянцев. Николай Петрович Румянцев – сын П.А. Румянцева-Задунайского. Семья имела в собственности гомельское имение, откуда Николай Петрович неоднократно посещал старообрядческие монастыри Ветки, скиты, ярмарки, подворья старообрядцев. В гомельском дворце была собрана коллекция рукописей, книг кириллической печати. М.В. Кочергина замечает: «Следовательно, изучение книжной культуры Древней Руси у него ассоциировалось с наследием русского старообрядчества. ... Позже коллекция Н.П. Румянцева вошла в состав знаменитого Румянцевского музея (ныне Российской Государственной библиотеки)» [М.В. Кочергина, 2019, с. 157]. Можем предположить, что в Святске в среде старообрядцев находились книги первопечатников, одну из которых летом 2023 г. и обнаружил собиратель Алексей Белас.

В 1910 г. после прекращения гонений на старообрядцев в Святске возвели деревянную Успенскую церковь. Возможно, что церковь, пережившая весь XX в., являлась в советское время местом хранения оставшихся на этих землях первопечатных книг и икон. Однако после аварии на ЧАЭС Святск (числился уже селом) оказался в зоне, подлежащей отселению. Жители сопротивлялись, однако в 1990-е годы отселение началось и к 2003 г. село обезлюдело и в 2006 г. было упразднено. Деревянная церковь сгорела в 2000 г. Стоит упомянуть, что последним священником в Успенском храме служил протоиерей Владимир Смирнов, однако в 1983 г. его перевели в приход в г. Клинцы. После этого в Святске своего священника не было – сюда время от времени приезжали священники из Новозыбкова и Клинцов. Протоиерей Евгений Чунин пишет о разграблении храма после экологической катастрофы 1986 г.: «В опустевшем селе безхозный храм неизбежно стал объектом инте-

реса разных жуликов, которые в разгульные 90-е годы неоднократно грабили его, раз за разом вынося самые ценные реликвии» [Молебен в бывшем старообрядческом посаде Святск.... 2022, С.12]. Однако часть церковного собрания могла вновь оказаться на руках у местных верующих или просто жителей окрестных деревень и так появиться в Несвоевке, до которой расстояние по прямой – 6 км.

Убедившись, что географическое распространение и бытование первопечатного издания в окрестностях бывшей старообрядческого посада Святск вполне реалистично, обратимся к аргументам в пользу атрибуции книги как «Евангелия учительного» 1569 г. В обнаруженном тексте нет титульного листа, обложка и переплет тоже не сохранились. В наличии 181 лист, если принять во внимание, что согласно описанию [RARUS'S GALLERY] в книге 408 листов, то сохранилось немного менее половины изначального текста. Совпадает структура и фолиация кирилловскими числами на лицевой стороне листа на нижнем поле справа. Так, известно, что в Евангелии учительном присутствует предисловие с отдельной нумерацией страниц. На сохранившейся странице предисловия есть фолиация внизу справа (См. Фото 2.).

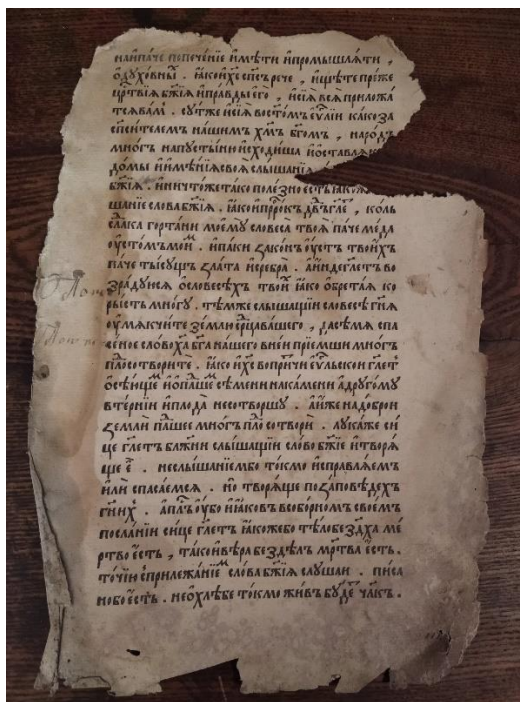

Фото 2. Страница предисловия найденного А. Беласом экземпляра «Евангелия учительного». 27.07.2023 г.

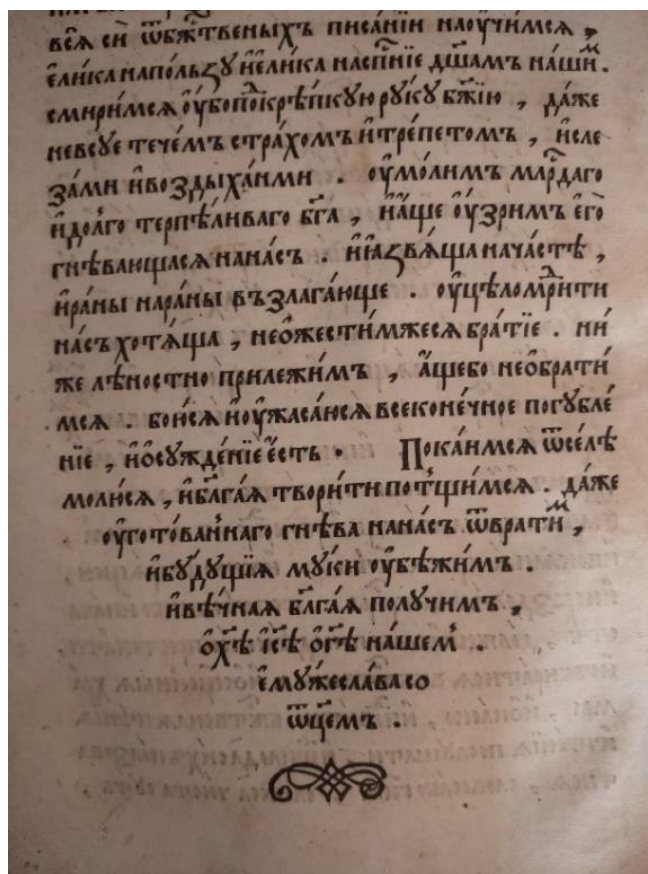

Фото 3. Страница найденного А. Беласом экземпляра «Евангелия учительного». 27.07.2023 г.

Совпадает внешний вид шрифта с небольшим наклоном вправо, количество строк на странице, уникальная манера написания заглавных букв. На сохранившихся страницах с буквицами и концовками «П» и «Д» их вид совпадает с известными экземплярами заблудовского Евангелия (См. Фото 3.).

Коллекционер планирует реставрировать книгу с условием максимального сохранения оригинала: промыть листы и порастить листы с большими утратами поклейкой бумагой XVII в.

Таким образом, изучая обнаруженный текст сравнительно-сопоставительным методом (сравнивая с известными экземплярами Евангелия на сайтах музеев, частных коллекций и антикварных порталов), мы подтверждаем подлинность и принадлежность первопечатным книгам кириллической печати XVI в. В научный оборот вводится еще один экземпляр заблудовского «Евангелия учительного» Ивана Федорова и Петра Мстиславца.

Литература

RARUS'S GALLERY. Fine Books, Prints, Photographs & Icons [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.raruss.ru/slavonic/1643-gospels-teacher-zabludov.html> (дата обращения: 17.07.2023).

Кочергина М.В. Старообрядческие монастыри, скиты, пустыни и обители Стародубья и Ветки как центры духовной жизни в 1760–1860 гг. // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып.11. М., 2000.

Кочергина М.В., Дзюбан В.В., Третьяков А.В. Стародубье и Ветка в истории и культуре русского старообрядчества (1905–1930 гг.): деятельность общин от «золотого века» до военного лихолетья. – Брянск, 2019.

Молебен в бывшем старообрядческом посаде Святск // Покровский вестник. Церковно-общественная газета Ржевской Покровской старообрядческой общины. Вып. 5 (81). 14 октября 2022.

Немировский Е.Л. Иван Федоров. Начало книгопечатания на Руси. Описание изданий. – М., 2010.

Починская И.В. История восточнославянского кириллического книгопечатания: курс лекций. – Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2022.

Русское историческое повествование XVI–XVII веков. – М.: Советская Россия, 1984.

Хотеев А. У истоков кириллического книгопечатания на белорусских землях [Электронный ресурс]. – URL: <https://zapadrus.su/partnery/voskresenie/article/2007-u-istokov-kirillicheskogo-knigopchataniya-na-belorusskikh-zemlyakh.html><https://zapadrus.su/partnery/voskresenie/article/2007-u-istokov-kirillicheskogo-knigopchataniya-na-belorusskikh-zemlyakh.html> (Опубликовано: 15 июля 2019; дата обращения: 17.07.2023).

Щавинская Л. Заблудовское «Евангелие учительное» – памятник межславянских книжных взаимосвязей XVI столетия // Маршрути на книжовно общуване между източните и южните славяни (XI–XX ВЕК). Международна научна конференция, 21–22 ноември 2019 г., София / съставители и редактори: А. Милтенова, И. Калиганов. – София, 2019.

References

RARUS'S GALLERY. Fine Books, Prints, Photographs & Icons [Electronic resource]. – Apostille: <http://www.raruss.ru/slavonic/1643-gospels-teacher-zabludov.html> (date of circulation: 17.07.2023).

Kochergina M.V. Old Believers Monastir, vagabond, vagabond and hermitages Starodubya and Vetki how centrerrabank spiritual life in 1760-1860.// Old Faith: history, culture, modernity. In the extravp.11. M., 2000.

Kochergina M.V., Juban V.V. Tretyakov A.V. Starodubye and Vetka in stories and Kulture Russian Old Believers (1905-1930)): active municipality from the "golden age" to the military likholetya. Bryansk. 2019.

A prayer service in the old Orthodox Church in the village of Svyatsk // Pokrovskiy newspaper. Tserkov-public Gazeta Rzhevskoy Pokrovskoy old religious community. In Apostille 5 (81). October 14, 2022. S.12

Nemirovsky E.L. Ivan Fedorov. The beginning of Russian printing. Description issue. – Moscow. 2010.

Pozdskaya I. V. History of East Slavic Cyrillic printing: lecture course. – Yekaterinburg: Yekaterinburg Theological Seminary, 2022.

Russian historical narrative Apostille. Soviet Russia. M. 1984.

Hoteev A. Istokov Cyrillic printing on Belarusian soil [Urglectron Urglic resource]. – Apostille: <https://zapadrus.su/partnery/voskresenie/article/2007-u-istokov-kirillicheskogo-knigopechataniya-na-belorusskikh-zemlyakh.html><https://zapadrus.su/partnery/voskresenie/article/2007-u-istokov-kirillicheskogo-knigopechataniya-na-belorusskikh-zemlyakh.html> (date of circulation: 17.07.2023).

Shavinskaya L. Zabludovsko "the master's Gospel" – pamyatnik mezhslyaviannikh literaturnn Urga (centuries) // routes of literary communication between the eastern and Southern Slavs (X Urga–Urga century). International scientific conference, 21-22 November 2019, Sofia / compilers and editors: a. Miltenova, I. Kaliganov. Sofia, 2019.

Канд. филол. наук Е.С. Никитина (Москва)

SPIN-код: 9565-1834

m1253076@yandex.ru

ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ СПОСОБНОСТЕЙ

«Иностранные языки могут быть изучаемы с различной целью.

Первая цель – ознакомиться с литературой того народа, язык которого изучают. Вторая – дать средство логического развития уму, так как усвоение организма каждого языка дает в этом отношении средства наилучшей умственной дисциплины, в особенности если этот язык развит так органически, как язык Греции и Рима...»

Аннотация. В деятельностной методологической традиции способности рассматриваются как развивающиеся образования, что служит основой для их подразделения на потенциальные и актуальные. Такое рассмотрение открывает путь для их направленного формирования. Базовым компонентом развития является переход с одного языкового уровня на следующий, более высокий. Каждый языковой уровень характеризуется системой требований к интеллектуальной и личностной подготовке индивида. Иначе, архитектура языковой способности задается предшествующим уровнем языкового развития индивида и индивидуальным стилем речевой деятельности. Интегративным показателем уровня владения языком может служить тип сложности текста, доступный индивиду в качестве предмета коммуникации. Введение в процесс обучения на начальных этапах искусственного (планового) языка обеспечивает формирование лингвистических способностей у детей сензитивного периода.

Ключевые слова: языковые способности; деятельностный подход; метод формирования; сензитивные периоды; искусственный язык

Candidate of Philological Sciences E.S. Nikitina (Moscow)

EXPERIENCE IN THE FORMATION OF LANGUAGE ABILITIES

Abstract. In the activity methodological tradition, abilities are considered as developing formations, which serves as the basis for their division into potential and actual ones. Such consideration opens the way for their directed formation. The basic component of development is the transition from one language level to the next, higher one. Each language level is characterized by a system of requirements for the intellectual and personal preparation of the individual. Otherwise, the architectonics of the language ability is determined by the previous level of the language development of the individual and the individual style of speech activity. An integrative indicator of the level of language proficiency can be the type of text complexity available to an individual as a subject of communication. Introduction to the learning process at the initial stages of artificial (planned) language ensures the formation of linguistic abilities in children of the sensitive period.

Key words: language abilities; activity approach; formation method; sensitive periods; artificial language

І. Способности как деятельностные образования в психике человека. В психологической традиции способности определяются как индивидуально-психологические особенности человека, которые выражают его готовность к овладению определенными видами деятельности и к их успешному осуществлению. Говоря об индивидуально-психологических особенностях, выделяют только такие способности, которые, во-первых, имеют психологическую природу, во-вторых, индивидуально варьируются. Все люди способны к прямохождению и освоению речи, однако к собственно способностям эти функции не относятся: первая – по причине не психологичности, вторая – по причине общности характера. Если ее и можно отнести к способностям, то она генетически определена и характеризует весь род человеческий. Подчеркивая связь способностей с успешным осуществлением деятельности, еще раз ограничивается круг индивидуально-варьирующихся особенностей только теми, которые обеспечивают эффективный результат деятельности. Таким образом, в способности не попадают свойства темперамента или характера, хотя они являются и психологическими и индивидуально-варьирующимися. Наконец, слово «готовность» (к освоению и осуществлению деятельности) вновь ограничивает круг обсуждаемых индивидуально-психологических свойств, оставляя за его пределами навыки, умения, знания. Так, человек может быть хорошо технически подготовлен и образован, но не способен к какой-либо деятельности.

Особый интерес и значимость представляет положение С.Л. Рубинштейна о том, что развитие способностей является как бы побочным продуктом усвоения новых знаний, умений, навыков. Из этого положения вытекает, что способности человека есть, прежде всего, способности к труду и обучению. Развитие способностей – многоступенчатая система, предел которой определяется горизонтами социокультурной деятельности.

Психические процессы, такие как мышление, восприятие, память, внимание, «переходят в способность, по мере того как связи, определяющие их протекание "стереотипизируются". В результате этой стереотипизации психический процесс, как таковой, перестает выступать видимым образом, уходит из сознания: на месте его остается, с одной стороны, новая "природная способность" – в виде стереотипизированной системы рефлекторных связей, с другой стороны – продукт ставшего таким образом невидимым психического процесса, который теперь представляется неизвестно как с ним связанным продуктом способности» [Рубинштейн, 1940, с. 292].

Проблему представленного исследования можно сформулировать так: существуют ли языковые способности в качестве реальности психолингвистической теории? На вопрос следует ответить положительно, если согласиться с тем, что существуют такие виды деятельности предметом которых выступает язык и люди проявляют разную готовность к успешному осуществлению этих видов деятельности. Сюда можно отнести ораторскую деятельность, писательство разного рода, переводческую работу, импровизаторское творчество, учительство, а также более частные виды действий, например, скорочтение. Все эти виды деятельности предполагают, кроме того, хорошее знание языка или языков, а значит, и способность к усвоению языка, то есть, быстрому и успешному приобретению языковых умений и навыков. Поэтому обучаемость языку может рассматриваться наряду с другими видами языковой деятельности.

II. Структура языковой способности. Задачей психолингвистической теории является определение сущности способностей, закономерностей их появления и развития, а также путей формирования. Представляется целесообразным начинать обсуждение не с вопроса, что есть способности, а с вопроса о том, что мы о них знаем, как их можно себе представить (смоделировать) на нынешнем этапе развития науки и в каком направлении следует продолжать исследование проблемы.

Правомерно считать, что в психолингвистической структуре способностей необходимо учитывать такие компоненты как: общий, включающий в себя качества, присущие всем людям; специальный, обусловленный в основном системой операций, связанных с деятельностью индивида, с ее специфическими особенностями; индивидуальный, указывающий на неповторимость и своеобразие способностей именно данного индивида.

Представляется, что структура способностей органически связана с самим содержанием, сущностью способностей.

1. Анализ способностей на уровне общего означает необходимость вычленения общепсихологического механизма способностей, выступающего как особое качество мышления, восприятия, памяти, т.е. психических процессов, которые присущи всем людям, их родовых свойств. Для языковых способностей таким механизмом выступает механизм овладения речью в дошкольном возрасте. Способность, присущая всем нормальным людям. Речь составляет основу для формирования высших психических функций человека (ВПФ, по Л.С. Выготскому), переводя психические процессы на системный, произвольный и осознанный уровень – уровень носителя определенного языка. Речь выступает посредником всех

психических процессов. Именно поэтому речевые проявления, как правило, не специфичны, а являются показателем развитости, сформированности или осознанности других, лежащих за ней образований: памяти, мышления, внимания, восприятия, воображения. Между прочим, именно из-за неспецифичности речевого показателя в развитии ВПФ, можно быть блестящим фонетистом и иметь речевые дефекты, талантливым чтецом и бездарным писателем, хорошим переводчиком и не совсем «грамотным» писцом. Более того, многие талантливые люди, блестяще владевшие ни одним иностранным языком, достигли высот вопреки отсутствию у них «языковых способностей», преодолев «языковые» недостатки трудом и «хитростью ума».

2. Анализ способностей на уровне особенного показывает, как проявляется этот общий психологический механизм в зависимости от особенностей различных, конкретных видов деятельности, сложившихся под влиянием общественного разделения труда. Иначе, уровень специальных способностей человека находится в непосредственной зависимости не столько от требований данного общественно полезного вида деятельности, сколько от общих требований к возможностям человека, определяемых конкретно-историческими условиями его развития. Из этого следует, что проблема содержательного наполнения языковой способности упирается в выделение уровней языковой компетентности или ступеней речевого развития.

Из практики обучения родному и иностранным языкам известно, что не все люди способны одинаково успешно усваивать сложности языковых систем, обучаться речевым навыкам. Переход с одного языкового уровня, например, ситуативного, на более высокий – использование языка независимо от контекста (или же формирование своего контекста) – предполагает не только языковое развитие, но и достраивание многих когнитивных умений и навыков до соответствующего языкового уровня.

В практике обучения иностранным языкам отработана многоступенчатая система, которая в своей основе как раз и моделирует планируемую лингвистическую способность. Эту систему можно представить в виде многоступенчатой ракеты, низший (базовый) уровень которой подготавливает «движение» последующих и т.д., и лишь последний уровень (а он задается социо-культурными требованиями конкретной эпохи) в языковом развитии выводит индивида в «свободный полет» космоса коммуникаций.

Движение по ступеням может быть представлено как специальный компонент языковой способности, а именно, как способность к развитию, к расширению языковой компетенции.

3. Третий компонент языковой способности – уровень единичного в способностях – указывает на неповторимость и типичность для данного индивида способов действия, которые обусловлены его природным отличием от других индивидов, конкретными социальными условиями и индивидуальными путями его развития.

У разных авторов содержание и число компонентов в способностях к иностранным языкам вариативны. Сюда относят: особенности памяти, характер вербального прогнозирования, быстроту реакций, фонетический слух, способность к подражанию артикуляции, способность к переносу при усвоении языковых элементов, грамматическое чутье, слуховую дифференциальную чувствительность, уровень речевого развития (характеристики словаря родного языка), способность к самостоятельному установлению языковых закономерностей и т.д. и т.п. «Однако из-за сложности и неоднородности этих параметров и в связи с двойственным характером языковых явлений, на наш взгляд, правомерным является выделение собственно языковых способностей (способностей к иностранному языку) и речевых способностей. Такое деление оправдано и самой природой овладения иностранным языком – характером усвоения языковой системы и ее средств и характером их применения в коммуникативно-речевой деятельности. Как этого ни хотелось бы, ни в одной методической системе обучения иностранному языку не удастся эти два процесса слить воедино» [Кабардов, 1985, с.109].

Тип овладения языком – это индивидуально устойчивая система приемов, стратегия усвоения языка, при которой максимально реализуются наиболее свойственные для личности склонности и способности. Если деятельность учащихся с коммуникативным типом овладения иностранным языком можно охарактеризовать понятием «активность» (*коммуникативная, речевая*), то деятельность лиц с лингвистическим типом овладения языком (можно назвать *когнитивным* типом) больше соответствует понятию «сознательная саморегуляция».

Еще одним компонентом языковой способности, уже не «горизонтальным», а «вертикальным», является динамическая или мотивационная, т.е. содержательно-динамическая характеристика, а именно, способность к развитию, совершенствованию языковой способности. Наличие именно этой способности может служить критерием установления

индивидуально-психологических различий по отношению к языковой способности как таковой.

III. Формирование языковой способности. Из предшествующего изложения о структуре языковой способности с неизбежностью вытекает, что данная способность не формируется сразу нацело, но развивается, совершенствуется в процессе жизнедеятельности индивида, проходя в своем развитии ряд ступеней и уровней. Причем, каждый уровень языковой способности обслуживает особая функциональная система способностей, сложившаяся на предыдущем этапе речевого развития индивида. Предшествующий этап как бы формирует задатки, которые на последующем уровне получают свое развитие в виде языковой способности. Этот последующий уровень языкового развития надстраивается над предыдущим, включая его в свою структуру уже в качестве компонента и на его базе формируются новые способности. Так, например, нельзя понять текст, не поняв входящих в него предложений. Но смысл текста складывается не только из совокупного смысла его предложений, но и из знания связей между текстами в определенном жанре высказывания, и еще из чего-то, чего нет ни в тексте, ни в смысловых отношениях между текстами, но есть в акте понимания текста конкретным индивидом.

Однако, при разном содержательном наполнении единиц языковой способности на каждом уровне, есть нечто общее, что характерно для языкового развития индивида на данном этапе. Так, каждый ребенок в своем развитии проходит период повышенной чувствительности к тем или иным воздействиям, к усвоению того или иного вида деятельности. Эти периоды особой готовности к овладению специальными видами деятельности (так называемые сензитивные периоды формирования функций) рано или поздно заканчиваются, и если какая-либо функция не получила своего развития в благоприятный период, то впоследствии ее развитие оказывается чрезвычайно затруднено, а то и вовсе невозможно. Применяя это положение к специальным способностям, можно пока в виде самой общей гипотезы предположить, что *уровни языкового развития привязаны к сензитивным периодам ведущих составляющих данного языкового уровня*. Иначе говоря, функциональные структуры языковой способности имеют свои сензитивные периоды или отдельные временные границы, в которые они получают (или не получают) своего рода импульсы к развитию.

Тактика исследования. Языковые способности, по определению, выражают готовность индивида к овладению разными речевыми действиями. Поскольку овладение системой грамматических правил, составляющих лингвистическую компетенцию, не представляет проблему

для носителей языка, то лингвистическая компетенция попадает в разряд знаний, умений и навыков. Готовность же к осуществлению разных речевых действий характеризуется через способы деятельности («способ-нести»), стратегии реализации навыков, умений, знаний. Это как бы разные виды ориентировочных действий, разные стратегии таких действий в речевых акциях. Но если способности рассматривать как ориентировочные действия в структуре языковых умений и навыков, то можно предположить, что отдельным видам таких ориентировочных действий можно обучать, формировать их в учебном процессе.

Индивидуально-психологические особенности проявляются в речевых действиях: понимании, говорении, чтении, письме. Языковая способность связана именно с успешным осуществлением таких действий, иначе, ее наличие обеспечивает эффективный результат, например, в синхронном переводе, импровизации, скорочтении, грамотном письме, овладении несколькими языками. Эти «деятельностные» особенности психики не существуют независимо от лингвистических умений и навыков, но имеют когнитивный «довесок» в виде сформированных речевых стратегий.

В качестве средства развития иноязычных способностей, автор статьи попыталась смоделировать ситуацию искусственного «билингвизма» для моноязычных детей. Для этого, в первом классе средней образовательной школы в качестве первого иностранного языка был введен искусственный, плановый язык Эсперанто, которому дети обучались один год. Почему был выбран именно этот язык?

А) За сто лет своего существования Эсперанто обрел сотни тысяч приверженцев; на языке имеется богатая литература, как оригинальная, так и переводная. Регулярно устраиваются международные встречи, функционирует Академия Наук Эсперанто. Выпускаются учебники, принята специальная международная программа, к которой присоединилась и Россия. Таким образом, знание языка Эсперанто предоставляет неплохие возможности для общения с достаточно обширной, интеллектуальной частью мирового сообщества. Все это относится к прагматическому аспекту языка, но это важно и с точки зрения создания мотивации на первых этапах изучения искусственного языка.

Б) Эсперанто может послужить базой для дальнейшего эффективного овладения другими иностранными языками, в особенности, европейскими. В свое время аналогичную роль играли древние языки – латынь и греческий. Изучение этих языков в гимназиях считалось полезным, как для развития памяти, так и приобщения детей к наследию мировой цивилизации. Но если Эсперанто по своим функциям частично может перекрывать преподавание

древних языков в гимназиях, то по легкости усвоения намного их превосходит. Уже через год-полтора дети способны бегло читать, писать, говорить и понимать речь на доступные для них темы. Пройдя же всего за год путь усвоения первого иностранного языка, они становятся «открытыми» для овладения другими европейскими языками, быстро восполняя тот год, который они «потратили» на изучение Эсперанто.

В) Если согласиться с утверждением К.Д. Ушинского, что языковое развитие влияет на общеинтеллектуальное, то занятия языком Эсперанто в этом отношении особенно эффективны. Связано это главным образом с особенностями строения самого искусственного языка. Небольшой по объему лексический состав (менее 1000 корневых морфем); простая и стройная грамматическая система (всего 16 правил грамматики без всяких исключений), не сложная фонетическая система (опять же правила произношения без исключений) – все это дает возможность изучить язык быстро, с применением эвристических методов. Большая часть языкового материала усваивается в виде таблиц и схем. Логика построения фраз и предложений достаточно прозрачна, что в какой-то мере сближает Эсперанто с математикой, где также нет исключений, и позволяет на уроках языка использовать те же методические приемы мышления (сравнения, классификации, аналогии и др.), что и на уроках математики.

Г) Как правило, знания искусственного языка учащийся может получить только через преподавателя. Последний же имеет уникальную возможность шаг за шагом наблюдать процесс овладения новым языком от начального до весьма продвинутого этапа. Это обстоятельство весьма важно в процессе формирования языковой компетенции.

В сентябре 1994 года мы отобрали группу детей, «не очень способных» (по оценкам родителей) в языковом отношении. Эти дети занимались год языком Эсперанто. С сентября 1995 года они стали изучать английский язык, а с сентября 1998 к английскому присоединился еще французский или немецкий языки (по выбору).

Параллельная группа «способных детей» занималась только английским языком, а затем также стала изучать второй европейский язык. В этих группах и еще одной контрольной, где дети до пятого класса не изучали никакого иностранного языка, проводилось тестирование. Кроме Гейдельбергского теста речевого развития, диагностического теста дихотического прослушивания и теста на общеинтеллектуальное развитие, были использованы следующие не лабораторные методики: наблюдение в процессе ведения урока за детьми, анализ успешности овладения

иностранными языками (оценки разных учителей), анкетирование детей, беседы, социометрия (для выявления эмоционального климата в группах).

IV. Результаты эксперимента

Анализ полученных данных подтвердил общие тенденции в соотношении измеряемых компонентов языковой способности.

1. Хорошие познавательные способности связаны с низкими абсолютными показателями латерализации.

2. Хорошие языковые способности связаны с хорошими познавательными способностями. Функциональная асимметрия мозга в переработке слуховой информации (по результатам воспроизведения дихотического вербального теста) является важным фактором в определении задатков к усвоению иностранного языка. Оптимальные иноязычные способности обнаружены при минимальной асимметрии воспроизведения дихотического теста (все дети в эксперименте были монолингвами). Определенная степень билатерализации, выраженная в экспериментальных результатах в слабых или нулевых асимметриях переработки информации, при достаточно высоком (выше среднего) уровне продуктивности, может означать высокую активность обоих полушарий.

3. У детей с выраженным доминированием левого полушария выявлены средние способности, а у тех, у кого в дихотическом тесте отрицательный Кпу (коэффициент правого уха) обнаружили наибольшие трудности в изучении второго языка. Здесь, однако, следует добавить, что эти трудности возникали в системе школьного образования, где, как правило, доминирует грамматический метод преподавания иностранных языков, то есть, через языковую систему. Эти же дети не проходили по результатам тестирования в так называемые лингвистические спецшколы.

4. Тестирование, проведенное через год, затем еще через год после начала изучения иностранного языка, не выявило значимых сдвигов в степени билатерализации у детей. Самые низкие оценки способностей получили дети с доминированием левого уха по дихотическому восприятию, а максимальные – дети, у которых значение Кпу близко к нулю. Значимых сдвигов за два года по этому показателю не обнаружено.

5. Наихудшие показатели оперативной (слуховой) памяти выявлены у лиц с ведущим левым ухом (доминирование правого полушария) по дихотическому тесту. Изменения не зафиксированы и по этому показателю.

6. Зато дети, имеющие слабые языковые способности к началу экспериментальной работы, и занимавшиеся год искусственным языком Эсперанто, показали самые высокие сдвиги в тестах на интеллектуальное развитие в сторону увеличения личных показателей. Вполне вероятно, что

для изменения базовых функциональных показателей мозговой активности, не хватило «речевых» часов в школьной программе (всего 2 часа в неделю) и более интенсивный речевой опыт мог бы способствовать быстрому закреплению речевых навыков.

7. В развитии языковой способности на первоначальных этапах определяющим фактором выступает интенсивный языковой опыт ребенка. Образно это можно было бы представить так: язык, система языка, речевая деятельность как бы втягивают ребенка в свой мир, перестраивая или достраивая его задатки к языковой активности. Чем шире и чаще используется второй язык, тем скорее складываются языковые навыки, формируются психологические задатки к усвоению других языков: это и способность к межъязыковому переключению, и способы вербализации мысли (общеречевая способность), и иммунитет к интерферирующему влиянию усвоенной ранее языковой системы. Такой иммунитет вырабатывается в процессе овладения вторым языком и в большей мере зависит от методики обучения, нежели от природных предпосылок. Искусственный язык, на изучение которого требуется в несколько раз меньше времени, имеет огромное преимущество перед естественными языками именно в процессе формирования языковых способностей. Быстро и системно сформировать навыки на чужом языке возможно только в искусственной системе. Способности же составляют «сопровождающий» компонент языковой деятельности.

8. Дальнейшие успехи в изучении иностранных языков связаны не с природными (функциональными) задатками, а с уровнем владения языком на предшествующем этапе, а также предложенной стратегией обучения на следующем этапе.

В связи с этим встает насущная необходимость разработки теории уровней владения языком. В практиках преподавания иностранных языков такие уровни выделены, но они не имеют теоретико-методологического обоснования. К тому же там отсутствуют жесткие критерии перехода в процессе обучения с одного языкового уровня на другой (тестовый материал к учебным курсам не может рассматриваться как диагностический вариант по причине отсутствия этих же критериев).

Проделанная работа подводит нас к утверждению, что построение модели языковой способности упирается в другую проблему, а именно выделение и описание уровней языковой компетентности (понятие близкое по смыслу к тому, что Ю.Н. Караулов называет уровнем развития языковой личности). Последняя, в свою очередь, связана с анализом текстовой деятельности, так как языковая коммуникация – это, в первую очередь,

обмен текстами разного типа сложности. В психолингвистике до сих пор не разработана типология текстов с точки зрения когнитивно-лингвистической сложности. Без анализа текстов с позиции «простой-сложный», «более простой», «менее сложный», у исследователей нет надежного инструмента, чтобы фиксировать сдвиги в языковом развитии ребенка. Все школьные и иные тесты, как правило, проверяют учащихся на полученные знания и навыки из предлагаемой учебными пособиями программы. Но как мы с самого начала утверждали – знания и уровень развития – не одно и то же. В уровень развития входят, например, такие показатели, как «зона ближайшего развития», степень осознанности достигнутого уровня знания, качество и знак мотивации. Срезы знаний, умений и навыков, в лучшем случае, проверяют усердие учащихся, но не их способности. Единственным на сегодняшний день показателем языковых способностей может служить степень билатерализации, выражающаяся в экспериментальных результатах в слабых или нулевых асимметриях переработки информации (при одновременно достаточно высоком уровне продуктивности), что может означать большую гибкость когнитивных стратегий на начальных этапах изучения иностранного языка. То есть, высокий уровень активности каждого полушария с дифференцированными функциями, делает гибкими познавательные стратегии таких лиц, и они могут легче других приспособиться к любой системе обучения. Импульс активности в усвоении языка остается за ними.

Заключение. Языковая способность рассматривается как индивидуально психологическая характеристика в структуре общечеловеческих задатков к усвоению языков. Базовым компонентом такой способности является способность к развитию, или, переходу с одного языкового уровня на более высокий. Каждый языковой уровень характеризуется системой требований к общеинтеллектуальной и личностной подготовке индивида, и в этом смысле языковая способность меняет свои характеристики по мере продвижения индивида по языковым уровням. Чем выше уровень владения языком, тем тоньше специализация и индивидуализация общезыковой способности. Интегративным показателем уровня владения языком может служить тип сложности текста, доступный индивиду в качестве предмета коммуникации. Иначе, архитектоника языковой способности задается предшествующим уровнем языкового развития индивида и оптимальным для него способом работы или индивидуальным стилем речевой деятельности. Чем выше показатель языковой способности, тем большим числом стратегий языковой активности владеет индивид.

Предполагается, что раннее обучение (6–7 лет), интенсивные занятия (вся языковая система за один год – такие возможности появляются при изучении искусственного коммуникативного языка), создадут у детей более гибкие стратегии для дальнейшего изучения иностранных языков и дети смогут достаточно легко приспособиться к разным системам обучения. Исходный баланс латерализации речи на родном языке является тем базисом, на котором строится процесс формирования функциональной системы второго языка. А далее язык начинает «подтягивать» под свои «требования» функциональные системы мозговой организации речи. Знак и степень латерализации речи могут служить диагностическими показателями при определении иноязычной способности.

Литература

Кабардов М.К. Коммуникативно-речевые и когнитивно-лингвистические способности // *Способности и склонности: комплексные исследования.* – М.: Педагогика, 1985. 109 с.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – М.: Гос. учеб.-педагог. изд., 1940. 595 с.

References

Kabardov M.K. *Kommunikativno-rechevye i kognitivno-lingvisticheskie sposobnosti // Sposobnosti i sklonnosti: kompleksnye issledovaniya.* – M.: Pedagogika, 1985. 109 s.

Rubinshtein S. L. *Osnovy obshchei psikhologii.* – Moskva: Gos. ucheb.-pedagog. izd., 1940. 595 s.

*Канд. пед. наук Е.Р. Переслегина,
студ. А.С. Платонова (Нижний Новгород)*

SPIN-код: 2127-8108

peresl@mail.ru

КОНЦЕПТ УЛЫБКА В КОЛЛЕКТИВНОМ СОЗНАНИИ РУССКОГО НАРОДА: РЕЗУЛЬТАТЫ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Аннотация. Цель исследования – описать структуру и содержание концепта УЛЫБКА, представленного в коллективном сознании русского народа. С помощью метода цепного ассоциативного эксперимента получен материал, который использовался для построения ассоциативного поля слова-стимула улыбка. На основе ассоциаций были сформулированы и интерпретированы когнитивные признаки концепта УЛЫБКА. Ядро концепта УЛЫБКА образовано признаком, отражающим наиболее актуальную информацию о русской улыбке – «улыбка выражает чувства». Периферия концепта объемна и состоит из признаков, в которых отражается индивидуальное восприятие улыбки русским человеком.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, концепт, когнитивный признак концепта, структура концепта, содержание концепта.

*Candidate of Pedagogical Sciences E.R. Pereslegina, student A.S. Platonova
(Nizhny Novgorod)*

THE CONCEPT OF A SMILE IN THE COLLECTIVE CONSCIOUSNESS OF THE RUSSIAN PEOPLE: THE RESULTS OF AN ASSOCIATIVE EXPERIMENT

Abstract. The purpose of this research is to describe the structure and content of the concept SMILE which is presented in the collective consciousness of the

Russian people. The material, which was used to construct the associative field of the word-stimulus smile, was obtained by using the method of chain association experiment. On the basis of associations, the cognitive features of the concept SMILE were formulated and interpreted. The core of the concept SMILE is formed by a feature reflecting the most relevant information about the Russian smile – "a smile expresses the feelings". The periphery of the concept is extensive and consists of features that reflect the individual perception of a smile by a Russian person.

Keywords: association experiment, concept, cognitive feature of concept, structure of concept, content of concept.

Улыбка является важным социокультурным феноменом. Этот мимический жест обладает высокой степенью значимости в таких ситуациях общения, как деловые встречи, дипломатические и политические переговоры, визиты и приемы, официальное представление-знакомство и повседневное общение. Лингвокогнитивное исследование концепта УЛЫБКА позволяет выявить его смысловое содержание в коллективном сознании носителей русского языка, а лингвокультурологическая интерпретация этого содержания дает представление о национальной специфике исследуемого концепта.

Наиболее эффективным способом изучения языкового сознания является ассоциативный эксперимент. Для достижения основной цели исследования мы использовали цепной вариант этого метода, так как «в применении ассоциативных экспериментов к анализу когнитивных структур могут использоваться и последующие за первой ассоциации, поскольку в когнитивном анализе выявляются и выводные знания, и косвенные когнитивные признаки, обнаруживаемые как раз в последующих ассоциатах» [Попова, Стернин, 2007, с. 130]. Респондентам было предложено дать две реакции на слово-стимул *улыбка*, так как требование более двух реакций, по нашему мнению, может привести к нарушению естественного процесса их возникновения.

В эксперименте приняли участие 169 респондентов разного возраста (от 16 до 70 лет). При запрашиваемых двух реакциях от каждого респондента в совокупности было получено 338 реакций, среди которых 137 разных и 89 единичных. Полученный материал позволил сформировать ассоциативное поле слова-стимула *улыбка*:

УЛЫБКА (338) – *радость (61), счастье (27), зубы (15), губы (10), хорошее настроение (8), лицо, солнце, тепло (7), ребенок, смех (6), дружба (5), дети, доброта, любовь, свет, чеширский кот (4), веселье, девушка, добро, елот, искренность, искренняя, радуга, удовольствие, человек, шутка (3), бе-*

лые зубы, восторг, женщина, красота, Крошка Енот, любимый человек, мультфильм про Крошку Енота, настроение, нежность, от улыбки станет день светлей, от улыбки хмурый день светлей, песня, подарок, помада, приятный, семья, смайл, смущение, сцена, солнечный свет, фальшь, эмоция (2), благожелательность, вежливость, волосы, Гагарин, глаза, господь, губки бантиком в улыбке, делиться радостью, детство, детская, детская песенка, детский сад, дитя, добрая, доброжелательность, друг, желтый, зелень деревьев, зубная паста, издевательство, картинка, клоун, когда видишь что-то очень милое, когда делаешь приятно человеку, комплимент, кошка, красивые зубы, кривая, кривые зубы, кровожадная, ласка, лето, логотип Nirvana, ложь, мама, Мандельштам, маска, мемы, мило, мозг, море, морщинки, мультики, мультфильм, насмешливая, общение, одобрение, отдых, открытая, от улыбки станет мир светлей, приветливый, приятная атмосфера, приятная встреча, продащица, радоваться, ребёнок, речь, родное, родные, розовый, рот, симпатия, сияющая, смайлик, солнышко, сотрудничество, спокойствие, стоматолог, стоматология, станет всем светлей, сын, танцевальный коллектив, товарищ, торт, улыбающиеся губы с открытыми зубами, «Улыбка Радуги», успех, утро, уют, фальшивая, фото, хороший человек, человека, эндорфин, эмоции, 😊 (1).

Отказ: 1.

На основе полученных ассоциаций были сформулированы следующие когнитивные признаки концепта УЛЫБКА:

1. «выражает чувства» 83 (радость 61; смех 6; восторг 2; любимый человек 2; нежность 2; смущение 2; удовольствие 2, эмоция 2; любовь 1; ласка 1; симпатия 1; эмоции 1);

2. «выражает душевное состояние» 40 (счастье 27; хорошее настроение 8; настроение 2; радоваться 1; делиться радостью 1; спокойствие 1);

3. «меняет выражение лица» 37 (зубы 15; губы 10; лицо 7; губки бантиком в улыбке 1; глаза 1; морщинки 1; рот 1; улыбающиеся губы с открытыми зубами 1);

4. «является реакцией на благоприятный стимул» 27 (красота 3; шутка 3; радуга 3; веселье 3; подарок 2; приятная встреча 1; картинка 1; комплимент 1; кошка 1; мемы 1; море 1; похвала 1; приятная атмосфера 1; одобрение 1; отдых 1; торт 1; зелень деревьев 1; добро 1; доброта 1; утро 1);

5. «связана с детьми, детством» 26 (дети 4; енот 3; Крошка Енот 2; от улыбки станет день светлей 2; от улыбки хмурый день светлей 2; песня 2; мультфильм про Крошку Енота 2; от улыбки станет мир светлей 1; станет всем светлей 1; детство 1; детская 1; детская песенка 1; детский сад 1; дитя 1; мультики 1; мультфильм 1);

6. «излучает свет и тепло» 23 (*солнце 7; тепло 7; свет 4; солнечный свет 2; солнышко 1; лето 1; уют 1*);

7. «характерна для человека» 17 (*ребёнок 6; девушка 3; человек 3; женщина 2; продавщица 1; приветливый 1; клоун 1*);

8. «выражает положительную оценку» 11 (*искренность 3, искренняя 3; приятный 2; добрая 1; мило 1, хороший человек 1*);

9. «возникает в общении со знакомыми людьми» 9 (*семья 2; мама 1; родное 1; родные 1; сын 1; дружба 1; друг 1; товарищ 1*);

10. «имеет свою эстетику» 9 (*белые зубы 2; помада 2; красивые зубы 1; кривая 1; кривые зубы 1; сияющая 1; зубная паста 1; стоматология 1; стоматолог 1*);

11. «выражает негативную оценку» 8 (*кровожадная 1; издевательство 1; ложь 1; насмешливая 1; фальшивая 1; фальшь 1*);

12. «изображается графически» 5 (*смайл 2; логотип Nirvana 1; смайлик 1; 😊 1*);

13. «имеет причину» 5 (*когда видишь что-то очень милое 1; когда делаешь приятно человеку 1; Господь 1; фото 1, успех 1*);

14. «характеризуется открытостью» 5 (*чеширский кот 4; Гагарин 1; открытая 1*);

15. «выражает расположение» 3 (*благожелательность 1; вежливость 1; доброжелательность 1*);

16. «является частью сценического образа» 3 (*сцена 2; танцевальный коллектив 1*);

17. «используется в коммуникации» 3 (*общение 1; сотрудничество 1; речь 1*);

18. «фигурирует в названии» 2 (*Мандельштам 1; «Улыбка Радуги» 1*);

19. «принадлежит, имеет отношение к ... » 2 (*к детям, детству 1; характерна для человека 1*);

20. «связана с яркими цветами» 2 (*желтый 1; розовый 1*);

21. разное 4 (*волосы 1; мозг 1; маска 1; эндорфин 1*).

В качестве теоретической основы для построения модели исследуемого концепта мы использовали положения концепции И.А. Стернина и З.Д. Поповой. По мнению исследователей, когнитивные признаки образуют упорядоченное по полювому принципу содержание, состоящее из ядра, ближней, дальней и крайней периферии.

Ядро концепта УЛЫБКА образовано наиболее актуальным признаком – «выражает чувства» (83). Самой распространенной первичной реакцией на слово-стимул, объективирующей данный признак, стала ассоциация *радость* (61), возникшая у большинства респондентов. Выявленные реакции свиде-

тельствуют о том, что русская улыбка, выражая чувства, выполняет самую важную в ситуации общения функцию – экспрессивную.

В ближнюю периферию концепта входит когнитивный признак «выражает душевное состояние» (38), прежде всего объективированной реакцией *счастье* (27), которая в большинстве случаев возникает как вторичная (цепная) реакция на ассоциацию *радость*. В совокупности две эти реакции репрезентируют основную функцию улыбки – выражение позитивного настроения. Улыбка в понимании русского человека возникает в момент удовлетворенности жизнью.

Улыбка «меняет выражение лица» (37). В ходе эксперимента респондентами фиксируются внешние физиологические детали улыбки, на которые человек обращает внимание, общаясь с собеседником. Искреннюю улыбку выдают неподконтрольные мышцы лица. Реакции респондентов *лицо, глаза и морщинки* свидетельствуют о том, что русский человек ищет искренности в лице собеседника, обращая внимание на формирующую естественную улыбку мускулатуру лица.

Дальнюю периферию концепта УЛЫБКА образуют когнитивные признаки, частично развенчивающие стереотип об угрюмости русских. Когнитивный признак «является реакцией на благоприятный стимул» (27) показывает, что русский человек преимущественно улыбается чему-то, а не кому-то. Выявленные единичные реакции показывают, что существует множество поводов для возникновения улыбки на лице русского человека. Улыбка русских возникает в момент эстетического удовольствия (*красота, торт, радуга, зелень деревьев*), освобождения от волнений и обретения душевного покоя (*отдых, море*), смеха (*шутка, веселье, картинка, мемы*), внимания со стороны окружающих (*подарок, комплимент, похвала, одобрение*) и т.д.

Улыбка «излучает свет и тепло» (23). Улыбка у русского человека ассоциируется с солнцем, солнечным светом, теплом, летом и уютом, потому что она излучает позитив, провоцирует на возникновение искренних эмоций, располагает к себе людей и «заражает» хорошим настроением, побуждая улыбаться в ответ. Можно сказать, что в улыбке русские люди ценят в первую очередь искренность.

Улыбка «связана с детьми, детством» (26). Ребенок способен проявлять искренние, живые эмоции. Детская улыбка не контролируется сознанием и возникает как невольная реакция на что-либо. Взрослея, люди учатся сдерживать и скрывать эмоции, однако они понимают, что искренней улыбке достойны не только близкие люди, но и незнакомые. Эта мысль закладывается в сознание русского человека с детства благодаря персонажам детских мультфильмов. У многих респондентов среднего возраста на слово-стимул улыбка

ка возникает ассоциация, связанная с советским мультфильмом «Крошка Енот», который учит улыбаться страху в лицо. Детская песенка «От улыбки хмурый день светлей» возникает в качестве реакции в различных вариантах.

Улыбка «характерна для человека» (17). Реакция *ребёнок* является наиболее частотной, так как дети вызывают улыбку и улыбаются чаще, чем взрослые. Реакция *человек* возникает реже, что объясняется неулыбчивостью взрослых. Реакции респондентов показывают, что образ улыбающейся женщины (*женщина, девушка, продавщица*) в сознании русского человека возникает чаще, чем образ улыбающегося мужчины. В данном случае примечателен образ улыбающейся продавщицы, не характерный для русской культуры. Несмотря на то что в сфере современной торговли прослеживаются западные тенденции, связанные с коммерческой приветливостью и клиентоориентированностью, расположением к себе покупателей, данная реакция все же попадает в дальнюю периферию концепта, что свидетельствует о том, что улыбающаяся продавщица в русской культуре пока редкое явление.

В область крайней периферии входят когнитивные признаки, содержащие исключительную информацию о русской улыбке. Улыбка русского человека «возникает в общении со знакомыми людьми» (9), с которыми можно быть самим собой. Близкие русскому человеку люди правильно понимают и интерпретируют его улыбку, что не влечет за собой негативных последствий. В таком случае русскую улыбку можно рассматривать как сигнал личного расположения к человеку. По этой причине русские не улыбаются незнакомцам.

Крайняя периферия концепта образована оценочными признаками: когнитивный признак «выражает негативную оценку» (8) объективируется единичными реакциями, которые характеризуют улыбку с физиологической и ментальной сторон. В полученных реакциях прослеживается негативное отношение русских респондентов к улыбке: она фальшивая, лживая, кровожадная, насмешливая, издевательская. Такое отношение к улыбке имеет глубокие исторические корни. В русской культуре улыбку иногда связывают с дьявольским смехом. При смехе обнажаются зубы: оскал становится выражением хищничества и агрессии. Неодобрительно относясь к фальши, русский человек ищет правду и добро, которые кроются в искренней улыбке. В результате когнитивный признак «выражает положительную оценку» (11) стал самым актуальным в крайней периферии.

В область крайней периферии входит и когнитивный признак «имеет свою эстетику» (9). Ассоциаты *белые зубы, помада, красивые зубы, сияющая, зубная паста, стоматология, стоматолог* в совокупности формируют универсальный образ идеальной улыбки, закрепленный в сознании русского

человека. Такая улыбка встречается на обложках журналов, в рекламе, на фотографиях медийных личностей.

Когнитивный признак «изображается графически» (5) связывается с функционированием улыбки в интернет-пространстве. В сетевом общении активно используются смайлики и эмодзи; считается, что таким способом проще задать дружелюбный тон. Улыбка русского человека «имеет причину» (5), вескую причину, понятную окружающим. По количеству реакций данный когнитивный признак оказывается в крайней периферии, так как о причинах улыбки русский человек не распространяется – они носят интимный характер (так, русские улыбаются Господу).

Доброжелательность, заключенная в открытой улыбке, притягивает окружающих и способствует успешной коммуникации. Эти качества выражаются, например, в улыбке Гагарина или чеширского кота. Минимальное количество реакций, объективирующих признак «выражает расположение» (3), свидетельствует о том, что русская улыбка не является сигналом вежливости. Она выступает в роли самостоятельного акта коммуникации, который больше связан с выражением душевного состояния, нежели с коммуникативными задачами. Коммуникация может строиться и без улыбки, так как данный жест мимики считается излишним в момент делового общения, сотрудничества, серьёзной работы, выполнения служебных обязанностей. Данный факт подтверждается тем, что когнитивный признак «используется в коммуникации» репрезентирован лишь тремя реакциями, хотя улыбка все же считается активным невербальным средством общения. Таким образом, крайнюю периферию концепта УЛЫБКА составляют когнитивные признаки, которые отражают такую информацию о русской улыбке, которая для нее менее всего характерна («характеризуется открытостью», «выражает расположение», «используется в коммуникации»).

Анализ содержания исследуемого концепта позволил установить, что в коллективном сознании русского народа улыбка, будучи неотъемлемым элементом общения, выполняет коммуникативную функцию опосредованно. Русский человек не делает самоцелью улыбнуться кому-то, так как его улыбка в основном возникает в моменты душевной радости и вдохновения и только потом проецируется на коммуникацию. Подводя итоги исследования, отметим, что описанная модель смыслового содержания концепта УЛЫБКА «лишь приближена к объективно существующему в коллективном сознании концепту» [Переслегина, Самсонова, 2007, с. 581]. Кроме того, «концепт является динамичным явлением и имеет способность изменяться в зависимости от ситуации и состояния окружающей действительности» [Переслегина, Самсонова, 2007, с. 581].

Литература

Переслегина Е.Р., Самсонова А.В. Объективация концепта ИНТЕРНЕТ в текстах массмедиа (на материале сайта Лента.ру) // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное: сб. науч. ст. / отв. ред. Л.В. Рацибурская. – М.: ФЛИНТА, 2021. С. 571–581.

Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. – Воронеж: Истоки, 2007. 250 с.

References

Pereslegina E.R., Samsonova A.V. Ob"ektivaciya koncepta INTERNET v tekstah massmedia (na materiale sajta Lenta.ru) // Aktivnye processy v sovremenном русском языке: nacional'noe i internacional'noe: sb. nauch. st. / отв. red. L.V. Raciburskaya. – М.: FLINTA, 2021. S. 571–581.

Popova Z.D., Sternin I.A. Semantiko-kognitivnyj analiz yazyka. – Voronezh: Istoki, 2007. 250 s.

Доктор филол. наук, канд. психол. наук А.В. Пузырев (Покров)
SPIN-код: 9939-4064 *puzyrev-a-v@yandex.ru*

РИТОРИКА НА УРОВНЯХ МЫШЛЕНИЯ, ЯЗЫКА, ПСИХОФИЗИОЛОГИИ, РЕЧИ И КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. В статье уточняются методологические принципы рассмотрения риторики как лингвистической дисциплины. При обсуждении риторики как науки выделяются двадцать пять взаимосвязанных групп риторических проблем. Обсуждение ведётся на базе использования субратной методологии А.А. Гагаева, ранее использованной автором в своём монографическом исследовании анаграмм.

Ключевые слова: риторика и её проблемы, методология риторики, А.А. Гагаев, системный подход.

RHETORIC AT THE LEVELS OF THINKING, LANGUAGE,
PSYCHOPHYSIOLOGY, SPEECH AND COMMUNICATION

Abstract. The article clarifies the methodological principles of considering rhetoric as a linguistic discipline. When discussing rhetoric as a science, twenty-five interrelated groups of rhetorical problems are distinguished. The discussion is based on the use of A.A. Gagayev's subrat methodology, previously used by the author in his monographic study of anagrams.

Keywords: rhetoric and its problems, methodology of rhetoric, A.A. Gagayev, system approach.

Тема «Риторика на уровнях мышления, языка, речи и коммуникации» впервые была поднята мною в январе 1997 г., т.е. более четверти века назад. Это была очень представительная международная конференция по риторике, проходившая в Московском государственном университете. Текст моего доклада в 1998 году был опубликован [Пузырёв, 1998], но в РИНЦ не попал, и настоящей публикацией этот пробел восполняется. Восполняется не механически, а с дополнением и уточнением ранее высказанных соображений методологического характера.

Мое отношение к риторике весьма специфично. Специфика ситуации заключалась и заключается в том, что я, более десяти лет читавший лекции о требованиях к публичным выступлениям, и даже преподававший риторiku, – никак не могу почувствовать себя в области риторики специалистом.

Что мешало и мешает? – Мешает ощущение, что лингвисту в риторике делать нечего. Это ощущение восходит к суждению М.М.Бахтина о лингвистике: «предметом лингвистики является материал, только средства речевого общения, а не само речевое общение, не высказывания по существу и не отношения между ними (диалогические)» [Бахтин, 1986, с. 297].

Риторика – это лингвистика? Судя по мнению М.М.Бахтина, она не относится к ведению лингвистики, ибо риторика невозможна без учета высказываний по существу и диалогических отношений между ними. Возникает ощущение ложности своего положения как лингвиста: занимаясь риторикой, я как бы нахожусь на чужой территории. «Это не лингвистика!»

Каковы частные последствия того, что лингвисты на самом деле обычно ограничиваются только средствами речевого общения? – Известен случай, когда замечательный лингвист, глубоко и детально разрабатывавший теорию

ораторского красноречия, был весьма посредственным оратором. Слушать его было очень трудно.

Мне думается, что в этом распространенном представлении – о строго очерченном месте лингвистики, за пределы которого лингвистам не следует «высовываться» (сразу же следует предупреждение сидящего в нас самих Милиционера «Это не лингвистика!»), – мне кажется, что в этом представлении об ограниченности возможностей лингвистики как науки содержится принципиальная ошибка, ошибка методологического характера.

В чем же заключается, на наш взгляд, неадекватность весьма распространенных взглядов о месте и роли лингвистики? Дело в том, что – если следовать представлениям об ограниченных рамках существования лингвистики – то предметом лингвистики должны быть только язык и речь, т. е. сущность и явление языка, его общее и особенное.

Но что такое язык и речь вне мышления, психофизиологии и общения, вне уровней всеобщего, конкретно-абстрактного и единичного, вне своих бытия, необходимости и действительности? Это «мертвый» язык!

Иными словами, нам, лингвистам, как бы предписывается относиться к русскому языку как к языку латинскому, старославянскому, древнерусскому, т. е. как к языку здесь и сейчас не существующему. Соответственно, к риторике лингвистам имплицитно предписано относиться как к перечню определенных ораторских приемов, как к перечню аргументов и правил их использования. Лингвистам как бы отказывается в праве заниматься бытием, необходимостью и действительностью языка, бытием, необходимостью и действительностью ораторского искусства.

Если вы займетесь проблемами изучения оснований и необходимости языка – вам скажут «Это не лингвистика», это психология, физиология, культурология, история и – вообще – «философия». Если вы займетесь проблемами действительности языка – вам скажут «Это не лингвистика», это литературоведение, конфликтология, психология общения, транзактный анализ, психотерапия и т. д.

Здесь имеется в виду конкретный случай из жизни автора. Встретив однажды около 3-го зала Ленинской библиотеки глубоко уважаемого мною Михаила Викторовича Панова, я презентовал ему свою книгу – «Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления» [Пузырев, 1995]. Ознакомившись с нею, он – в личной беседе на том же самом месте в Ленинке – с грустью резюмировал: «Это уже философия!»

В практической работе мне больше нравится исходить из постулата, что науки различаются отнюдь не по степени их абстрактности, а по их предметам. По этому постулату предмет любой науки – если это наука – может

быть представлен в пяти степенях абстрактности-конкретности: *всеобщее – общее – конкретно-абстрактное – особенное – единичное* (это логическая градация) – или в четырех ступенях сущности: *бытие – сущность – явление – действительность* (это градация уже онтологического порядка).

Для лингвистики (а она, по нашему мнению, является наукой) сказанное означает выделение в ее предмете пяти ипостасей: **мышления** (это исходный предмет, или *всеобщее*, или *бытие* языка), **языка** (это развитой предмет в собственном смысле слова, или *общее*, или *сущность* языка), **психофизиологии** (это сам процесс материализации развитого предмета, или *конкретно-абстрактное*, или *необходимость* языка), **речи** (это то, во что превращается развитой предмет в результате процесса материализации, или *особенное*, или *явление* языка) и, наконец, **общения** (это будущий предмет, или *единичное*, или *действительность* языка). Наиболее развернутое изложение используемого нами общелингвистического исследовательского метода можно найти в нашей монографии и последующих статьях [Пузырев, 1995; Пузырёв, 2008; Пузырёв, 2008а; Пузырёв, 2013 и др.].

Перед отъездом на конференцию ко мне пришла мысль: а что если риторика – это наука и часть лингвистики? Что если ее предмет осмыслить системно? Какие вопросы тогда встанут перед исследователями и преподавателями риторики как составной части лингвистики?

Требуется уточнение принципиального характера: здесь вовсе не предлагается очередная «революция» (“избави нас жить в эпоху великих перемен”). Речь здесь идет о новой компоновке уже обсуждавшихся вопросов и тех вопросов, которые предстоит обсудить в риторической общественности. Наша задача, как мы ее себе представляем, – предложить видение риторики в ее целостности, в ее системной организованности.

Если риторика – часть лингвистики, то ее проблемы следует распределить по пяти уровням – уровням мышления, языка, психофизиологии, речи и общения.

Что есть риторика на уровне мышления? Какие проблемы встают здесь перед исследователем?

Обозначим первостепенную важность разграничения мышления языкового и метаязыкового. Существует ли мышление метариторическое? – Да. Существует ли мышление риторическое? – Не знаю. Если да, то чем риторически ориентированное мышление отличается от прагматически и стилистически ориентированного мышления? – Не знаю.

Здесь обнаруживается некоторое неудобство термина “риторика”. Риторика – это теория красноречия, наука об ораторском искусстве. Но термин “риторика” не обозначает самого ораторского искусства. Вот этот исходно

вторичный, дидактический характер риторики делает ее дисциплиной, более других склонной к догмам и закостенелости (о “первичности/вторичности” см.: [Гражданников, 1985, с. 73]).

На уровне мышления риторика – это то, что можно и нужно учить, но так же и то, чем чаще всего не владеют.

Перейдем, однако, к непосредственному рассмотрению пяти основных групп проблем риторики на уровне мышления (очередность аспектов: *всеобщее – единичное – особенное – конкретно-абстрактное – общее*; мотивировку очередности см.: [А.А.Гагаев, 1991, с. 55–57]).

Первая группа проблем. Что есть на уровне мышления в риторике всеобщего, универсального?

Каков онтогенез риторических сведений? Когда человек приходит к риторике? В каком возрасте и обстоятельствах? Как формируется личность в качестве ратора?

Каковы психологические основания риторики?

Как риторика вписывается в национальный менталитет? в понятия о нравственности? Каковы ее связи с архетипами мышления? с русским космопсихологосом?

Как риторика возникла? почему? для чего? какие риторические школы существуют? Каковы русские риторические традиции?

Вторая группа проблем. Что есть на уровне мышления в риторике уникально-неповторимого?

Чем отличается риторически ориентированное мышление одного человека от другого? Какие факторы влияют на бытие риторики в языковом и метаязыковом мышлении личности? Какова специфика индивидуальных представлений о русском речевом и риторическом идеале? Какова степень допустимости риторических знаний, приемов и навыков в метаязыковом мышлении личности?

Существенна роль образа мыслительной личности: надо различать артеавтора (реального автора) и ментеавтора (той маски, которую выбирает реальный автор для представления своего замаскированного “Я”). Множество идей, выраженных в тексте, принадлежит реальному автору, маске автора, а также т. н. “индукторам”, не сводимым ни к артеавтору, ни к ментеавтору (см., напр.: Н.Л.Мышкина 1991: 41).

Известна концепция (Л.А.Гоготишвили, С.Г.Бочаров, В.Л.Махлин, Н.И.Николаев, Вяч.Вс.Иванов и др.), по которой М.М.Бахтин излагал *свои* взгляды *не своим* (или не совсем своим, или не везде своим голосом), что титульные авторы были не просто псевдонимами, но определенной риторической маской (более подробно см.: [Пешков, 1996, 59]).

Третья группа проблем. В чем заключается аксиология риторики на уровне мышления?

В чем специфика жанрового (в том числе риторически ориентированного) мышления языковой личности? Существуют ли здесь норма и мера? Какие цели ставит перед собой субъект, решая риторические задачи? Какие цели преследует общество, восстанавливая риторику? А государство? Как риторика связана с этикой и нравственностью? Каковы критерии оптимизации ораторского пафоса? Каково соотношение ораторского логоса и ораторского пафоса на докоммуникативном этапе? Какую роль играют эмоции для ритора на уровне мышления? Каков русский риторический идеал?

Четвертая группа проблем. В чем специфика динамического аспекта риторики на уровне мышления?

Через какие этапы мыслительной деятельности проходит оратор? Можно ли говорить о риторически ориентированном познании мира? Обнаруживается ли у оратора умение формулировать и поворачивать свой главный тезис? Какова психология и технология риторического изобретения?

Каковы психологические основания у риторического события как динамического, развертывающегося во времени и пространстве процесса? Каково соотношение рационального, рассудочного и иррационального, интуитивного начал в риторически ориентированном (и метариторическом) мышлении? В чем различия в восприятии одного и того же ораторского выступления у мужчин и женщин? Можно ли говорить о мужской и женской риториках?

Пятая группа проблем. Как логически соотносятся базовые понятия, используемые в метаязыковом мышлении исследователя (и потребителя) риторики, напр. мышление, язык, речь, коммуникация; суждение, умозаключение, текст; основные операции мышления (сравнение, анализ, синтез, конкретизация, обобщение и др.); логос, пафос и этос и т. д.

Какие пять групп проблем встают перед системно мыслящим исследователем на уровне сущности риторики – на уровне языка? (Последовательность аспектов на этом уровне: *всеобщее – общее – конкретно-абстрактное – особенное – единичное.*)

Первая группа проблем. Каковы общеязыковые и общелингвистические основания риторики?

В чем проявляются онто- и филогенетические аспекты риторики как дисциплины? Какова связь риторики и общеязыковых формул воздействия? Какую роль для риторики играют так называемые “заповедные зоны” языка? Как связана риторика с парадигматическим (ассоциативным) и синтагматическим параметрами конкретного языка?

Вторая группа проблем. Каковы сущностные характеристики риторики как научной дисциплины?

Что есть риторика и не-риторика? Какова структура риторики как науки? Каковы ее основные разделы? Что относится к основным категориям риторики? Чем отличаются друг от друга различные типы и виды риторик? Что такое “нуль” в риторике? «Топос»? Что есть ораторский логос, каковы его сущность и признаки? Какими могут быть логические схемы аргументов, различных форм ораторских выступлений?

Третья группа проблем. В чем проявляется динамический аспект риторики на уровне языка?

Как соотносятся риторические требования к построению фразы, ораторской речи с психолингвистическими представлениями о порождении высказывания, с наблюдениями в области психологии творчества? Какие существуют языковые средства для развертывания риторически ориентированной мысли? В чем заключается специфика деятельностного аспекта риторики? В чем проявляются стратегический и тактический этапы ораторской деятельности? Как соотносятся с ними умение формулировать и поворачивать главный тезис речи? Как следует разрабатывать композицию и маршрутную карту речи? Как протекает изобретение образов и форм речи?

Четвертая группа проблем. Каковы функциональные свойства и особенности риторики как языковой (метаязыковой) дисциплины?

На чем основывается и какой статус имеет оценка в риторике? Какова в риторике иерархия ценностей? Можно ли говорить о языковых параметрах успешного риторического выступления? Каково соотношение нормы и меры в языке успешного оратора? Имеют ли место «гениальные ошибки»? Какова роль риторики в формировании языковой личности (вообще) и филолога (в частности)? Как соотносится риторика с функциями и функциональными стилями языка?

Пятая группа проблем. В чем проявляется уникальная неповторимость языковых личностей – ораторов, вошедших в «золотой фонд» риторики? Каковы идиолектные предпосылки успешной ораторской деятельности? Возможна ли риторическая диагностика возможностей конкретных языковых личностей? Какими языковыми средствами проявляет себя как личность тот или иной ритор? Каков индивидуальный ораторский стиль?

Какие пять групп проблем встают перед системно мыслящим исследователем на уровне необходимости риторики – на уровне психофизиологии? (Последовательность аспектов на этом уровне: *единичное – особенное – конкретно-абстрактное – общее – всеобщее.*)

Первая группа проблем. Что есть на уровне психофизиологии в риторике уникально-неповторимого? В чем заключается уникальность темпоритмической и психофизиологической организации риторического высказывания?

Вторая группа проблем. Как соотносятся норма и мера в процессе формирования ораторской речи? Каково соотношение ораторского логоса и ораторского пафоса на различных этапах формирования риторического высказывания? Какую роль играют эмоции для ратора в процессе материализации риторического высказывания? Каким риторическим идеалам следует говорящий, формируя ораторскую речь?

Третья группа проблем. В чем специфика динамического аспекта материализации ораторской речи?

Через какие этапы психофизиологической деятельности проходит оратор? Можно ли говорить о психоэмоциональной подпитке риторически ориентированного познания мира? Какова психофизиология риторического изобретения?

Каковы психофизиологические особенности у риторического события как динамического, развертывающегося во времени и пространстве процесса? К каким энергетическим последствиям приводит различное соотношение рационального, рассудочного и иррационального, интуитивного начал в риторическом высказывании? Как материализуется риторическая мысль у мужчин и женщин? В чем специфика мужской и женской риторики? Как соотносится риторика со все возрастающим количеством фактов, свидетельствующих о материальности мысли, о том, что рассудочная переработка информации означает снижение скорости переработки информации и ведет к энергетическому перерасходу?

Четвёртая группа проблем. Какое место занимает физиология риторики в системе наук об общении? Как логически соотносятся понятия, связанные с психоэмоциональными, психофизиологическими аспектами ораторской деятельности? Каковы деятельностные аспекты в мотивации ораторского высказывания и т.д. Каковы сущностные характеристики психофизиологии риторики как научной дисциплины?

Пятая группа проблем. Каков онтогенез мотивации риторических поступков? Каковы психофизиологические основания риторики? Энергетическая составляющая различных аспектов ораторской речи.

Какие пять групп проблем возникают перед исследователем риторики на уровне её материальной реальности? (Последовательность аспектов: *общее – конкретно-абстрактное – особенное – всеобщее – единичное.*)

Первая группа проблем. Какими речевыми параметрами должен обладать текст для того, чтобы он был признан риторическим?

Вторая группа проблем. Какова динамика конкретных ораторских выступлений (путь от черновика к окончательному варианту)? Как редактируется речь? Как следует формировать речевые умения и навыки выступать? Каким может быть риторический тренинг? Как формируется умение обеспечивать необходимые звучность, темп, высоту, тембр и артикуляцию речи? Как проводится корректировка конкретного ораторского образа?

Третья группа проблем. Как проявляется на уровне речи эффективность и влияние речи? Какую роль играют “технические” параметры речи? Какими речевыми особенностями отличаются друг от друга ораторские выступления различных речевых жанров? Какими свойствами на уровне речи обладают образцовые риторические тексты?

Четвертая группа проблем. Можно ли говорить о наличии образцовых риторических текстов в русском фольклоре? Существуют ли в устном народном творчестве риторические формулы? Какова эволюция образцовых текстов в русской риторике?

Пятая группа проблем. В чем проявляется на уровне речи уникальная неповторимость конкретных ораторов? Что такое ритор как личность речевая?

О каких пяти группах проблем риторики как науки следует говорить на завершающем этапе – на уровне общения? (Последовательность аспектов: *общее – особенное – конкретно-абстрактное – всеобщее – единичное.*)

Первая группа проблем. Какое место занимает риторика в системе наук об общении? В чем заключаются ее отличия от лингвопрагматики, стилистики, психолингвистики, культуры речи? Какое место занимает риторика в системе подготовки школьного учителя? Корректен ли в методологическом плане вопрос о превосходстве какой-либо риторики над другой (национальной, жанровой и т. п.)? Что означает закон соответствия типа речи типу коммуникативной ситуации?

Вторая группа проблем. Как оценить убедительность, влияние и эффективность риторической коммуникации? Как диагностируется адекватность ориентации речи на аудиторию? Каковы наиболее типичные варианты коммуникативных неудач? Кому и зачем нужно владеть законами успешной риторической коммуникации? Чем может быть полезна риторика учителю-филологу и не-филологу, учителю-естественнику?

Третья группа проблем. В чем проявляется динамическая составляющая риторической коммуникации? В чем специфика риторики как вида коммуникативной деятельности? Как формируется и проявляется единство мысли,

языка и слова у ратора и слушателя? Как формируется умение убеждать? Как должны (и могут) проходить деловые игры в курсе риторики? Как могут быть актуализированы риторические знания в стандартных и нестандартных речевых ситуациях?

Четвертая группа проблем. Каковы этно- и социокультурные аспекты риторической коммуникации? Каковы роль и место риторики в культуре различных народов? Как связаны риторика и этология? Каков ораторский этос? Как вплетается риторика в коммуникативное поведение носителей языка? В чем проявляется культурно-историческая специфика русского общения? Как реализуется национально-культурная специфика обратной связи между оратором и слушателями? О каких риторических школах в России мы можем говорить?

Пятая группа проблем. В чем проявляется уникальная неповторимость нашей с вами риторической коммуникации? В чем заключается наша с вами уникальная неповторимость как коммуницирующих, общающихся личностей?

Таков примерный перечень проблем, которые нам предстоит осмыслить, если мы захотим представить риторика в ее системной организованности как составную часть лингвистики. Насколько этот перечень полон или неполон, удачен или неудачен, судить не мне, а уважаемым коллегам.

Литература

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. 445 с.

Гагаев А.А. Теория и методология субстратного подхода в материалистической диалектике. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1991. 308 с.; вкл.

Гражданников Е.Д. Метод систематизации философских категорий / отв. ред. Е.В.Семенов. – Новосибирск: Сиб. отделение изд-ва «Наука», 1985. 105 с.

Мышкина Н.Л. Динамико-системное исследование смысла текста. – Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1991. 213 с.

Пешков И.В. Mozart, или поступок как риторика ответственности // Риторика. 1996. № 1 (3). С. 56–71.

Пузырёв А.В. Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления. – М.; Пенза: Ин-т языкознания РАН, ПГПУ им. В.Г.Белинского, 1995. 378 с.

Пузырёв А.В. Риторика в её системной целостности // Предмет риторики и проблемы её преподавания: Материалы Первой всероссийской конференции по риторике (Москва, 28–30 января 1997 г.). М.: Добросвет, 1998. С. 55–63.

Пузырёв А.В. Элементы и единицы языка в пяти ступенях сущности // Предложение и слово: Межвузовский сборник научных трудов. – Саратов: ИЦ «Наука», 2008. С. 142–149.

Пузырёв А.В. Элементы и единицы психолингвистического анализа в пяти ступенях сущности // Вопросы психолингвистики: Научный журнал теоретических и прикладных исследований. 2008а. № 7. С. 43–46.

Пузырёв А.В. Лингвоэкология (эколингвистика) с точки зрения субстратного подхода к языку // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: коллективная монография / науч. ред. проф. В.И.Шаховский; отв. ред. проф. Н.Н.Панченко, редкол.: Я.А.Волкова, А.А.Штеба, Н.И.Коробкина. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. С. 77–89.

References

Bahtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva*. 2-e izd. – M.: Iskusstvo, 1986. 445 s.

Gagaev A.A. *Teoriya i metodologiya substratnogo podhoda v materialisticheskoj dialektike*. – Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 1991. 308 s.; vkl.

Grazhdannikov E.D. *Metod sistematizacii filosofskih kategorij* / Otv. red. E.V. Semenov. – Novosibirsk: Sib. otdelenie izd-va “Nauka”, 1985. 105 s.

Myshkina N. L. *Dinamiko-sistemnoe issledovanie smysla teksta*. – Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyarsk. un-ta, 1991. 213 s.

Peshkov I.V. *Mozart, ili postupok kak ritorika otvetstvennosti* // Ritorika. 1996. № 1(3). S. 56–71.

Puzyrev A.V. *Anagrammy kak yavlenie yazyka: Opyt sistemnogo osmysleniya*. – M.; Penza: In-t yazykoznanija RAN, PGPU im. V.G.Belinskogo, 1995. 378 s.

Puzyrev A.V. *Ritorika v eyo sistemnoj celostnosti* // Predmet ritoriki i problemy eyo prepodavaniya: Materialy Pervoj vserossijskoj konferencii po ritorike (Moskva, 28-30 yanvarya 1997 g.). M.: Dobrosvet, 1998. С. 55–63.

Пузырёв А.В. Элементы и единицы языка в пяти ступенях сущности // Предложение и слово: Межвузовский сборник научных трудов. Саратов: ИЦ «Наука», 2008. С. 142–149.

Пузырёв А.В. Элементы и единицы психолингвистического анализа в пяти ступенях сущности // Вопросы психолингвистики: Научный журнал теоретических и прикладных исследований. 2008а. № 7. С. 43–46.

Puzyrev A.V. Lingvoekologiya (ekolingvistika) s točki zreniya substratnogo podhoda k yazyku // Emotivnaya lingvoekologiya v sovremennom kommunika-tivnom prostranstve: kollektivnaya monografiya / nauch. red. prof. V.I.SHahovskij; otv. red. prof. N.N.Panchenko, redkol.: YA.A.Volkova, A.A.SHteba, N.I.Korobkina. – Volgograd: Izd-vo VGSPU «Peremena», 2013. S.77–89.

SPIN-код: 6212-6658

eLIBRARY ID: 30364543

Доктор филол. наук В.В. Шмелькова (Пенза)

vshmelkova@rambler.ru

канд. филол.н. Суси М. (Бандунг, Индонезия)

tachdalena@unpad.ac.id

ИЗМЕНЕНИЯ В СОСТАВЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ (НА ПРИМЕРЕ ЛСГ «ТРАНСПОРТ»)

Аннотация. Рассматриваются вопросы описания и анализа состава лексико-семантической группы «Транспорт», которая является одной из самых динамично развивающихся в русском языке, а также причины и особенности изменения лексического состава этой группы.

Ключевые слова: русский язык, лексико-семантическая группа, лексические изменения.

Doctor of Philology V.V. Shmelkova (Penza),

Candidate of Philology Susi M. (Bandung, Indonesia)

CHANGES IN THE COMPOSITION OF THE LEXICO-SEMANTIC GROUP (USING THE EXAMPLE OF LSG "TRANSPORT")

Abstract. The article deals with the description and analysis of the lexical and semantic group “Transport”, which is one of the most dynamically developing in the Russian language, as well as the causes and features of the change in the lexical composition of this group.

Key words: Russian, lexical-semantic group, lexical changes.

Лексико-семантическая группа «Транспорт» – одна из самых динамично развивающихся групп лексики в русском языке. Это связано с интенсивным развитием транспорта как на всех этапах истории человечества, так и в настоящее время. Это развитие влияло на жизнь и деятельность людей при выполнении ими повседневных дел, поэтому слова лексико-семантическая

группы «Транспорт» частотны в речевой практике носителей большинства современных языков, они фиксируются в словарях разного типа и требуют описания и изучения с самых разных точек зрения.

Транспорт как система средств передвижения и перевозок в своем развитии прошел много этапов, начиная с появления первых транспортных средств и заканчивая современным этапом, который породил в этой области множество новых изобретений, названия которых регулярно пополняли и пополняют словарный запас языка, который непрерывно обогащается вместе с человеческими знаниями.

В своём развитии виды транспорта изменялись в зависимости от места использования, их типа и способа передвижения. Это было связано с потребностью человека в передвижениях и перевозках грузов, которая варьировалась и адаптировалась к природным условиям той или иной местности. Наличие транспорта в жизни человека за всю историю общества способствовало человеческому прогрессу и обусловило наличие большого количества во всех языках лексических единиц с семантическим компонентом «транспорт», «движение», «поездка», «перевозка».

В процессе исследования языковых фактов эффективными можно считать два принципа описания лексики: синхронический и диахронический. В настоящее время в лингвистической науке синхрония и диахрония рассматриваются как явления различные, хотя и соотносительные

Синхронический аспект описания лексики как системы предполагает описание состояния лексического состава языка в определенный период времени.

Диахронический принцип описания лексики предполагает рассмотрение лексического состава языка в целом и отдельных конкретных лексических единиц на протяжении определённого временного отрезка, т.е. в хронологическом, историческом наблюдении и описании.

К настоящему времени сложилось достаточно однозначное понимание принципа диахронии. В истории языкознания понятие диахрония неразрывно связано с понятием синхронии и с противопоставлением двух аспектов и двух подходов к анализу языка.

Диахронический подход, в отличие от собственно исторического, связанного с периодизацией истории языка и описанием элементов его частных подсистем, направляется на изучение диахронического преобразований в системе языка и на определение их роли в перестройке системы.

Диахронический подход помогает понять, как сложилась данная языковая система. Диахронические объяснения понимаются как способствующие

познанию особенностей функционирования языка во времени в т. ч. и в синхронии, а потому – как важная часть теории языка вообще.

Слово *транспорт* в современном русском языке – это заимствованное слово латинского происхождения (от «*transporteur*»), происходящее от латинских лексических единиц *trans* «через» и *portare* «нести» (переносить, перемещать, перевозить), Это слово появилось в русском языке в первой четверти XVIII века.

Слово *транспорт* первоначально имело значение «перевозка, перенос», затем появилось выражение «транспортное средство».

В Словаре В.И. Даля слово *транспорт* представлено следующим образом: «Перевозка товаров, доставка. Обоз, товар или припасы обозом. Перевозное грузовое казённое судно. Перенос итога, в счётных книгах, со страницы на страницу» [Даль, 1989, с. 426].

Русское слово *перевозка* использовалось ранее, до того, как в русский язык вошло слово *транспорт*. Можно предположить, что первоначально функция перевозки товара была важнее, чем функция пешего передвижения людей.

Слово *транспорт* в русском языке имеет следующие значения:

1. Отрасль народного хозяйства, связанная с перевозкой людей и грузов, а также тот или иной вид перевозочных средств. *Автомобильный транспорт. Железнодорожный транспорт;*

2. Транспортирование, перевозка чего-либо. *Транспорт угля металлургическим заводам;*

3. Партия доставленных или предназначенных для перевозки грузов;

4. Обоз или совокупность каких-либо перевозочных средств специального назначения. *Артиллерийский транспорт. Санитарный транспорт;*

5. Судно военного флота для перевозки грузов и людей, а также грузовое морское судно. *Минные транспорты. Десантный транспорт* [Словарь русского языка, 1981, с. 398]. Такие же значения фиксируют и другие толковые словари современного русского языка [Толковый словарь, 2008, с. 996].

Можно отметить, что к общеупотребительной лексике относится слово *транспорт* в первых двух значениях этого слова, а лексическая единица в последующих значениях является частью специальных, профессиональных ресурсов современного русского языка.

От слова *транспорт* в русском языке образованы следующие лексические единицы:

1) имя прилагательное ***транспортный*** (*транспортное* средство, *транспортный* узел и другие);

2) глагол **транспортировать** (*транспортировать грузы, транспортировать товары и другие*).

От глагола *транспортировать* образовано имя существительное **транспортёр** (устройство для перемещения грузов в горизонтальном или немного приподнятом положении. Например, *ленточный транспортёр, совковый транспортёр* и другие), а от него – имя прилагательное **транспортёрный** (например, *транспортёрная лента* и другие) и имя существительное **транспортировщик (транспортировщица)**, обозначающее работника (работницу), который (которая) работает на транспортёре или просто занимается транспортировкой грузов, товаров.

Кроме того, слово *транспортёр* является частью сложных слов, которые, в основном, относятся к специальной лексике транспортной системы и других отраслей экономики: *автотранспортёр, вибротранспортёр, гидротранспортёр, зернотранспортёр, пневмотранспортёр, рельсотранспортёр, снеготранспортёр, лесотранспортёр, пылетранспортёр* и т.д.

Слово *транспорт* имеет в современном русском языке и в его развитии свою достаточно интересную семантическую и лингвокультурную историю.

В состав транспортной системы входят следующие виды транспорта: воздушный транспорт, водный транспорт, наземный транспорт. Используя эту тематическую классификацию, мы описали и проанализировали лексику этой лексико-семантической группы. До XX века воздушного транспорта практически не существовало.

Классификация лексики группы «Транспорт» может быть представлена по следующим основным признакам:

1. Общеупотребительная / ограниченная в употреблении лексика;
2. Заимствованная / русская (общеславянская) лексика;

Таким образом, состав лексико-семантической группы «Транспорт» в русском языке является результатом языкового развития и влияния других языков на лексику русского языка, благодаря чему лексико-семантическая группа «Транспорт» в русском языке в настоящее время динамично развивается.

Литература

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. – М.: Русский язык, 1989. 700 с.

Словарь русского языка, в 4 томах. Т.4. – М.: Русский язык, 1981. 698 с.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 2008. 1175 с.

References

Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. T. 4. – M.: Russkij yazyk, 1989. 700 s.

Slovar' russkogo yazyka, v 4 tomah. T.4. – M.: Russkij yazyk, 1981. 698 s.

Tolkovyj slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenij o proiskhozhdenii slov / Pod red. N. YU. SHvedovoj. – M.: Azbukovnik, 2008. 1175 s.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Канд. филол. наук Л.В. Ипполитова (Москва)

SPIN-код: 4094-5429

ippolitova_lv@pfur.ru

«МЫШЛЕНИЕ ПИСЬМОМ» VS ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ ПОКОЛЕНИЯ Z

Аннотация. Экспансия нейросетей, искусственного интеллекта осознаётся как угроза когнитивной состоятельности поколения Z, усугубляет проблему клипового мышления, которое, по сути, является гиперфункцией правого полушария в ущерб понятийному, левополушарному, мышлению. Противопоставить данному феномену можно активизацию процессов, локализованных в левом полушарии, за счет таких педагогических практик, как «мышление письмом». Мотивировать обучающихся в данном случае помогают инструменты, созданные с использованием технологий ИИ, в частности, приложения, разработанные специально для ведения заметок.

Ключевые слова: нейросети, искусственный интеллект, клиповое мышление, мышление письмом, ведение заметок, приложения-заметочники.

Candidate of Philological Sciences L.V. Ippolitova (Moscow)

THINKING AS WRITING VS ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN TEACHING GENERATION Z STUDENTS

Abstract. The expansion of neural networks, artificial intelligence is perceived as a threat to the cognitive viability of generation Z. It makes worse the problem of clip thinking, which, in fact, is a hyperfunction of the right hemisphere to the detriment of conceptual, left hemisphere thinking. This phenomenon can be countered by the activation of processes localized in the left hemisphere, due to such pedagogical practices as “thinking as writing”. In this case, tools created using AI technologies, for example, applications designed for taking notes, help to motivate students.

Key words. Neural networks, artificial intelligence, clip thinking, thinking as writing, note-taking, note-taking apps.

Экспансия нейросетей и – шире – искусственного интеллекта, затронувшая, фактически, все сферы жизни современного общества, уже воспри-

нимается во многих профессиональных сообществах, в первую очередь – педагогическом, – как угроза когнитивной состоятельности современного человека, в частности, обучающегося.

Стремительный рост числа публикаций в СМИ и научных исследований, посвящённых данной проблеме, так же, как и количество соответствующих запросов пользователей (почти 2 500 000 запросов «нейросеть» в месяц, согласно сервису wordstat.yandex.ru), свидетельствует о том, что вопрос стоит достаточно остро.

Исследования, посвященные особенностям т.н. зумеров – поколения, родившегося в конце 1990-х начале 2000-х годов («поколения Z») и ставшего первоочередной «мишенью» цифровизации, – фиксируют такие особенности представителей этого поколения, как трудности с концентрацией внимания, «клиповость» мышления, проблемы с порождением текста и целостным восприятием дискурса, сложности при обобщении информации, рефлексии и обусловленную вышеперечисленными факторами недостаточную сформированность умения ставить цели, проектировать направленную на их достижение собственную деятельность и выстраивать коммуникацию с окружающими в процессе совместной деятельности [Бахадова Е.В., 2022, с. 26–29; Агеева О.И., Ильин В.В., 2023, с. 3–9; Эркенова Д.И., Ослякова Л.А., Ростомян Л.А., Светова Л.Н., 2023, с. 304–310].

Стремительный рост популярности таких сервисов, как ChatGPT, Notion AI, Davinchi, Rytr, YandexGPT, очевидно, только усугубляет ситуацию. С помощью этих программ, разработанных на основе нейросетевых моделей, многие студенты стремятся выполнить любые письменные задания – от обычного эссе до курсовых и выпускных квалификационных работ, «делегируя» им порождение связного письменного текста и, фактически, процесс мышления как таковой.

Представляется, что в сложившихся обстоятельствах «противоядием» может стать реализация традиционных и инновационных педагогических практик, направленных на развитие и совершенствование когнитивных способностей обучающихся, в том числе на базе инструментов, использующих пресловутые «нейронки».

Одной из весьма эффективных подобных практик, безусловно, является «мышление письмом» (в англоязычных исследованиях наиболее устойчиво используется сочетание *writing as thinking* [Menary, 2007; Oatley, & Djikic, 2008]).

Сама по себе идея связи мышления и языка, мышления и речи не нова.

Л.С. Выготский писал: «Мысль не выражается в слове, но совершается в слове. Можно было бы поэтому говорить о становлении (единстве бытия и

небытия) мысли в слове. Всякая мысль стремится *соединить* что-то с чем-то, *установить отношение* между чем-то и чем-то. Всякая мысль имеет движение, течение, развертывание, одним словом, мысль выполняет какую-то функцию, какую-то работу, *решает какую-то задачу* (курсив наш)» [Выготский, 1999, с. 277].

Итак, мысль ищет себя в слове и, соединяя идеи и представления, служит для решения какой-либо задачи, достижения цели. Способность мысли соединять между собой феномены и идеи, по сути, является ключевой для постановки и достижения целей, решения задач, то есть для любой деятельности человека.

На насущную необходимость формирования такой способности у ребенка, учащегося указывал К.Д. Ушинский. Великий педагог подчёркивал бедственное положение «человека, воспитанного совершенно схоластически», отличительный признак которого «заключается именно в том, что все бесчисленные представления, понятия и даже идеи лежат в голове его такими мертвыми вереницами, как лежат по преданию оцепенелые от стужи ласточки: один ряд лежит возле другого, не зная о существовании друг друга, и две идеи, самые близкие, самые родственные между собой, могут прожить в такой, поистине, темной голове десятки лет и не увидеть друг друга [Ушинский, 1949, с. 296].

Именно в таком положении находится современный обучающийся – носитель клипового мышления/сознания. Сегодня уже не только психологи, педагоги, но и философы говорят о том, что сознание современного человека утрачивает свою способность «со-единять знание в формах суждения, ставить в отношении между собой различные результаты опыта о мире вещей» [Перетяткин, 2021, с. 93]. «Побочными эффектами» данного феномена, являются повышенная суггестивность носителей клипового сознания, неразвитость у них эмоционального интеллекта, способности анализировать информацию, проблемы с целеполаганием и целедостижением.

Клиповое сознание можно считать своего рода гиперфункцией правого полушария, отвечающего за наглядное, образное восприятие внешнего мира. Данный феномен стал ответом на то, что нас, по выражению американского социолога, философа и футуролога Элвина Тоффлера, «все больше пичкают короткими модульными вспышками информации – рекламой, командами, теориями, обрывками новостей» [Цит. по: Перетяткин, 2021, с. 90]. Именно поэтому у стандартного потребителя такой информации утрачивается способность абстрагироваться от «здесь и сейчас», выявлять закономерности, категориальные связи и выражать эти связи в суждении.

Очевидно, борьба с «гиперфункцией» правого полушария должна заключаться в стимулировании левого полушария, преимущественного «речевого», ответственного за понятийное мышление, логику, анализ, принятие решений. Инструментом активизации левополушарного мышления может стать письменная речь. Здесь уместно вспомнить тезис А.Р. Лурии о том, что «письменная речь как работа над способом и формой высказывания имеет огромное значение и для формирования мышления» [Лурия, 1979, с. 194]. В своей работе «Язык и сознание» А.Р. Лурия подчеркивал, что за счет более медленного темпа, возможности сознательного оперирования языковыми категориями и сознательного контроля за протекающими операциями письменная речь становится «мощным орудием уточнения и отработки мыслительного процесса» [Там же].

Остается ответить на вопрос, какими средствами целесообразно пользоваться для развития письменной речи взрослых обучающихся; каким образом можно эффективно применять практику «мышления письмом».

Можно утверждать, что одним из наиболее эффективных инструментов для этого является ведение заметок, организованное системно и осуществляемое с помощью соответствующего программного обеспечения (приложений). Данное ПО представлено на рынке целым рядом т. н. «заметочников», обладающих гибким функционалом и привлекательным дизайном. Использование приложений рассматривается нами как важный мотивирующий фактор для представителей Z-поколения.

Следует отметить, что различные системы ведения заметок активно обсуждаются в сети, как в иноязычных, так и в русскоязычных сегментах. В русскоязычном интернете самое большое внимание уделяется методу *Zettelkasten*, который использовал в своей работе Никлас Луман, известный немецкий социолог, один из самых продуктивных учёных XX века. Далее по популярности следуют *Building A Second Brain* (метод ведения цифровых заметок Тиаго Форте / Tiago Forte); *Linking Your Thinking* (метод управления знаниями Ника Майло / Nick Milo); *Notecard System* (метод организации знаний Райана Холидея / The Ryan Holiday).

Мы не ставим целью данной работы подробный анализ и сопоставление данных методов, однако важно отметить ключевые позиции:

- во время чтения научных публикаций, книг и т. д. необходимо фиксировать свои «инсайты» – идеи, которые рождаются в процессе осмысления;
- записывать мысли и идеи необходимо только своими словами, копирование не допускается;
- запись организуется по принципу «одна мысль – одна заметка»;

- записи должны вестись регулярно, ведение заметок необходимо включить в свои ежедневные привычки;
- каждая заметка снабжается ссылкой на источник; все ссылки оформляются так, чтобы при необходимости можно было легко найти оригинал, а также включить ссылку в библиографическое описание;
- каждая заметка должна быть снабжена тегами (ключевыми ассоциированными словами);
- каждую заметку целесообразно снабжать ссылками на предыдущую и последующую заметки, которые относятся к этой же теме; это позволяет выстраивать последовательности;
- при составлении заметок удобно пользоваться приложениями, функционал которых включает построение последовательностей, графов и кластеров, при этом поддерживает принцип атомарности и позволяет делать ссылки;
- создание заметок, ведение картотеки должно иметь цель (напр., создание какого-либо контента; понимание и запоминание прочитанного; организация информации и идей); ведение заметок ради заметок – это путь к прокрастинации.

Безусловно, ведение заметок с помощью специализированных приложений далеко не единственный способ активно развивать письменную речь. К таким способам относится и ведение дневников, блогов, написание конспектов и т.п. Исследователи подчеркивают исключительную эффективность письма от руки (кстати, заметки Н. Лумана были как раз рукописными).

В задачи данной работы не входит подробный обзор и сопоставление способов «мышления письмом», однако отметим, что принцип атомарности (одна мысль – одна заметка), первостепенный для описываемой системы ведения заметок, позволяет уйти от избыточной когнитивной нагрузки в начале «погружения» в письменную речь; он в наибольшей мере отвечает специфике клипового мышления и может стать первым успешным шагом к преодолению его негативных последствий. Кроме того, как уже было сказано, использование приложений способно вызвать положительные эмоции и повысить мотивацию у тех, кто пользуется электронными устройствами, без преувеличения, с пелёнок.

В целом же следует отметить эффективность ведения заметок для повышения когнитивной продуктивности всех, кто целенаправленно и системно использует данный способ «мышления письмом». Довольно активно практикуют ведение заметок, например, представители бизнес-сообщества. В сети представлено немало отзывов, авторы которых рассказывают о том, как этот способ помог им стать более успешными, организовать бизнес-

процессы на более высоком уровне. Этой теме посвящают свои публикации и известные журналы, в частности, “Forbes” [Crawford Gr., 2021].

Для наших же студентов девизом пусть будет тезис: развитие «общественных» нейронных сетей должно не отменять, а, наоборот, стимулировать развитие и совершенствование индивидуальных «нейронных сетей» пользователя.

Литература

Агеева О.И., Ильин В.В. Цифровое поколение: проблемы адаптации и обучения // Современные инновационные образовательные технологии в информационном обществе: Сборник статей XV Международной научно-методической конференции, Пермь, 20 марта – 28 марта 2023 года. – Пермь: Пермский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова», 2023. С. 3–9.

Бахадова Е.В. Особенности мышления у подростков с интернет-зависимостью // Возрождение традиций: Сборник статей по материалам научной конференции, Москва, 23–25 ноября 2022 года / Отв. ред. Н.В. Мазурова. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2023. С. 26–29.

Выготский Л.С. Мышление и речь. Изд. 5, испр. – М.: Лабиринт, 1999. 352 с.

Лурия А.Р. Язык и сознание / Под ред. Е.Д. Хомской. – М: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 320 с.

Перетягкин Г.Ф. Клиповое бытие и клиповое сознание // Наука. Искусство. Культура. 2021. № 2 (30). С. 89–111.

Ушинский К.Д. Собр. соч.: в 11 т. / Сост. и подгот. к печати В.Я. Струминский; гл. ред. А.М. Еголин; Ин-т теории и педагогики АПН РСФСР. – Москва; Ленинград: АПН РСФСР, 1948–1952. Т. 6: Родное слово: книга для детей: год первый и второй; Родное слово: книга для учащихся. 1949. 448 с.

Студенческая молодежь поколения Z. Образование в вузах в условиях современных реалий / Д.Л. Эркенова, Л.А. Ослякова, Л.А. Ростомян, Л.Н. Светова // Языковой дискурс в социальной практике: Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, Тверь, 07–08 апреля 2023 года. – Тверь: Тверской государственный университет, 2023. С. 304–310.

Crawford Gr. Writing as Thinking: Why Writing Is Still a Critical Skill in Business. *Forbes*. 2021. – URL: <https://www.forbes.com/sites/forbesbusinesscouncil/2021/05/03/writing-as->

thinking-why-writing-is-still-a-critical-skill-in-business/?sh=181a28bc236e (accessed: 31.07.2023).

Menary R. Writing as thinking. *Language sciences*. 2007. No. 29 (5). Pp. 621–632. DOI: 10.1016/j.langsci.2007.01.005.

Oatley K., Djikic M. Writing as Thinking. *Review of General Psychology*. 2008. No. 12 (1). Pp. 9–27. DOI:10.1037/1089-2680.12.1.9.

References

Ageeva O.I., Ilyin V.V. Digital generation: problems of adaptation and learning. Modern innovative educational technologies in the information society: Proceedings of the XV International Scientific and Methodological Conference, Perm, March 20 – 28, 2023 (3-9). Perm: Perm Institute (Branch Campus) Plekhanov Russian University of Economics Publ., 2023.

Bakhadova E.V. Mental characteristics of adolescents with Internet addiction. Proceedings of Revival of Traditions Scientific Conference, Moscow, November 23 – 25, 2022 (26–29). Ed. editor N.V. Mazurova. Moscow: Russian State University for the Humanities Publ., 2023. (in Russ.)

Vygotsky L.S. Thinking and speech. 5th Ed., Revised. Moscow: Labyrinth Publ., 1999.

Luria A.R. Language and Consciousness. Moscow: Moscow University Publ., 1979.

Peretyatkin G.F. Clip existence and clip consciousness. *Science. Art. Culture*. 2021. No. 2 (30). Pp. 89–111.

Ushinsky K.D. (auth.), A.M. Egolin (ed.). The collection of works, 11 Vol. Moscow-Leningrad: APN RSFSR Publ. (1948–1952). Vol. 6: Native word: a book for children: the first and second years; Native word: a book for students, 1949.

Erkenova D.I., Oslyakova, L.A., Rostomyan, L.A., Svetova, L.N. Student youth of generation Z. Education in universities in the context of modern realities. Language discourse in social practice: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Tver, April 07 – 08, 2023 (304–310). Tver: Tver State University Publ., 2023.

Crawford Gr. Writing as Thinking: Why Writing Is Still a Critical Skill In Business. *Forbes*, 2021. – URL: <https://www.forbes.com/sites/forbesbusinesscouncil/2021/05/03/writing-as-thinking-why-writing-is-still-a-critical-skill-in-business/?sh=181a28bc236e> (accessed: 31.07.2023).

Menary R. Writing as thinking. *Language sciences*. 2007. No. 29 (5). Pp. 621–632. DOI: 10.1016/j.langsci.2007.01.005.

Oatley K., Djikic M. Writing as Thinking. *Review of General Psychology*. 2008. No. 12 (1). Pp. 9–27. DOI: 10.1037/1089-2680.12.1.9.

ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Канд. филол. наук Е.И. Беседина (Санкт-Петербург)
SPIN-код: 4636-0332 *elivbesedina@mail.ru*

М.В. Ворошнина (Санкт-Петербург)
SPIN-код: 2838-2947 *mvoroshnina@gmail.com*

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА ЗВУКОСИМВОЛИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ (НА ПРИМЕРЕ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ В РАССКАЗАХ Л. ОУЭН)

Аннотация. В статье представлены результаты исследования особенностей перевода на русский язык примарно мотивированных единиц английского художественного дискурса на примере перевода глаголов движения в рассказах для детей английской писательницы Лоры Оуэн. Дается оценка адекватности перевода данной лексико-семантической группы на русский язык. Отмечается отсутствие принципиальной разницы между переводом лексем разных фоносемантических классов – звукоподражаний и звуко-символизмов. Обосновывается необходимость проведения такого рода исследований с целью разработки методик для перевода лексики звукоизобразительного происхождения.

Ключевые слова: фоносемантика, глаголы движения, иконичность, звуковой символизм.

*Candidate of Philological Sciences E.I. Besedina (St. Petersburg),
M.V. Voroshnina (St. Petersburg)*

THE CHALLENGES OF ENGLISH SOUND SYMBOLIC LEXIS (ON THE VERBS OF MOTION IN THE STORIES BY L. OWEN)

Abstract. The article looks into the challenges of translating phonetically motivated lexis from English into Russian, the empirical material being the verbs of motion in stories for young children by Laura Owen. The quality of translation of the studied semantic group into Russian is assessed and stated that there is no particular difference in the strategies of translating onomatopoeic and sound symbolic lexemes. The further research of the stated problem in order to develop some methods for translating iconic lexis is argued.

Key words: iconicity, phonosemantics, sound symbolism, verbs of motion.

Вопрос о специфике перевода звукоизобразительной (ЗИ) лексики и принципиальной возможности достижения адекватности перевода такого рода единиц при использовании фоносемантических моделей был впервые поднят в работах С. В. Воронина, по мнению которого для эффективного достижения поставленной цели переводчику необходимо в рамках теории звукоизобразительности сначала точно установить характер соотношения «онома-топ/денотат», а затем осуществить в переводящем языке поиск эквивалентов звукового типа одного ряда [Воронин, 1982; Воронин, Паго, 1995, с. 83–87].

Материалом для данного исследования послужили тексты 16 рассказов, английской писательницы Лоры Оуэн, которые были опубликованы в 4 сборниках (“Winnie on Patrol”, “Whizz-Bang Winnie”, «Winnie the Twit», «Winnie says Cheese»), и тексты их переводов на русский язык, выполненные Татьяной Славниковой: «Приключения ведьмочки Винни в школе», «Улыбнись, Винни», «Добавь еще магии, Винни», «Патруль ведьмочки Винни». Из этих рассказов методом сплошной выборки были отобраны глаголы движения, общим количеством 201 лексема (515 употреблений).

Из общего корпуса глаголов движения, полученных таким методом из оригинальных текстов упомянутых выше рассказов, в соответствии со Сводным списком ЗИ-слов английского языка, составленным И.В. Кузьмич на основании научных работ по звукоизобразительности [Кузьмич, 1993], выявлялся их возможный ЗИ-статус. Полученный корпус также дополнительно верифицировался по словарю английской звукоизобразительной лексики М.А. Флакман [Флакман, 2016].

В результате описанной выше процедуры 160 лексем (325 употреблений) представилось возможным отнести к глаголам ЗИ-происхождения. Таким образом, доля используемых писательницей фонетически мотивированных глаголов движения в анализируемых текстах составила 79.6%, при этом 86 из них, то есть чуть больше половины (54%), являются звукосимволическими (ЗС) единицами.

Под звукосимволизмом принято понимать закономерную непроизвольную, фонетически мотивированную связь между фонемами, формирующими звуковой облик слова и полагаемым в основу номинации этой лексемы незвуковым (неакустическим) признаком денотата. Звукосимволические слова подразделяются на интракиносемизмы, или акустико-артикуляторные копии и экстракиносемизмы, или артикуляторные копии [Воронин, 1998, с. 17].

Особый тип проявления звукового символизма представляет собой так называемый фонестемный звуковой символизм [Householder, 1946], фено-

мен, когда две или иногда три инициальные согласные фонемы, представленные в звуковом составе слова, «приобретают» устойчивую ассоциативную связь с каким-либо определенным значением или рядом значений, в результате чего данная фонестема становится «носителем» определенной смысловой нагрузки. Впервые понятие «фонестема» было введено Дж. Фёрсом. [Firth, 1935, с. 8–18].

Одним из наиболее ярких примеров проявления такого рода звуко-символизма, безусловно, являются группы слов на *gl-* (*gleam, glare, glisten, glow* и др.), имеющая общий набор сем «гладкое, блестящее, яркое» или *sl-* (*sleek, slip, slide, slimy* и др.), объединяющие понятия «гладкое, скользкое, слизкое».

Рассмотрим некоторые примеры ЗС-глаголов движения, которые автор исследуемых рассказов использует в своих текстах.

Упомянутое выше явление фонестемного символизма можно проиллюстрировать, например, глаголом *to brush* с инициальной фонестемой *br-*, объединяющей группу значений «резкое, внезапное, громкое, раздражающее, острое, колючее». В тексте рассказа это выглядит так: *"I can't stay very long," said Mrs Parmar, **brushing** some spiders off a chair and sitting down very carefully.* – «Я заглянула ненадолго», – призналась миссис Пармар, **стряхнула** со стула пауков и с величайшей осторожностью присела. В приведенном примере описывается резкое движение, и глагол *to brush* имеет значение *'to remove or try to remove something from a place or surface with a brush or with your hand'*.

Другим ярким примером являются глаголы с фонестемой *bl-*, которая, как считается, объединяет слова со значением «сильное, быстрое, громкое». Глагол *to bluster* /'blʌstə/ означает рёв бури, шум. В контексте рассказа глагол движения с данной фонестемой представлен в следующем предложении: *Wind **blustered** in through the hole, making wings **flutter** and witchy hair whirl.* – Завыл ветер, затрепетали крылышки и затрепыхались ведьмины волосы. В данном примере глагол обладает значением *'to blow violently'*, что полностью созвучно с общепринятым значением фонестемы. В этом же предложении присутствует и фонестема *fl-*, представленная глаголом *to flutter* в значении *'to move with quick wavering or flapping motions'* (Ср. *flitter, flip, flick, flap* и другие)

Интересной представляется и фонестема *cr-*, объединяющая слова со значением «жесткое, резкое, негибкое, шершавое». В анализируемом тексте фонестема представлена глаголом *to crouch* в следующем контексте: *So Wilbur spread his furry warmth over as many of the eggs as he could, while Winnie **crouched** and hugged around the rest.* – И Вильбур мохнатыми лапами укутал побольше яиц, а Винни на **четвереньках** обнимала остальные. В

данном случае глагол имеет значение *'to bend your knees and lower yourself so that you are close to the ground and leaning forward slightly'*. Это значение относится к одному из значений фонестемы *cr-*, а именно к значению «отсутствие гибкости». Можно привести и другой пример использования этой же фонестемы: *But those chairs all just **crossed** their arms.* – Но стулья из столового гарнитура только **скрестили** ножки. Глагол *to cross* в предложенном контексте несет значение *'to put one of your arms, fingers, or legs over the top of the other'*, то есть совершение прямого, негибкого действия.

Звукосимволизмы-экстракинесемизмы представляют собой сопровождаемые звуком артикуляторные копии неакустического денотата, для которых фонация является вторичной. Экстракинесемизмы, как правило, используются для обозначения формы и размера, наиболее глубоко изученными являются экстракинесемизмы со значениями «малого» [Jespersen, 1933, с. 283-303] и «округлого» [Слоницкая, 1987].

Приведем несколько примеров звукосимволизмов-экстракинесемизмом, присутствующих в текстах рассказов. Например, употребление глагола *to squeeze*, обозначающего *'to press something firmly, especially from all sides in order to reduce its size, or remove liquid from it'* можно проиллюстрировать следующим примером: *She had a toad on her pocket which could be **squeezed** for a croak.* – Из одного кармана квакает жаба, **стоит ее сжать**. Из контекста видно, что описываемый объект может быть уменьшен в размере посредством сжатия, поэтому представляется возможным предположить в данном экстракинесемизме присутствие семы «малое».

Под интракинесемизмами понимаются сопровождаемые звуком акустико-артикуляторные копии неакустического или отчасти акустического денотата. К интракинесемизмам относятся следующие обозначения:

- лизания, лакания – имитации движения языка;
- чавкания, жевания – имитации движения челюсти;
- всасывавания, втягивания, вдоха – имитации хватательных движений;
- дуновения, плевка – имитации выдоха;
- удушья, кашля – имитации движений мышц гортани;
- кусания, хватания, стука зубов – имитации резких хватательных движений при помощи челюсти с возможным смыканием зубов;
- улыбки, мимики презрения – имитации движений губ.

Интракинесемизм со значением жевания представлен в исследуемом материале следующим примером: *It bounded up the curtains and **chewed** them to bits.* – Она взобралась на занавески и **разорвала** их на мелкие кусочки.

ки. Глагол *to chew* означает *'to crush food into smaller, softer pieces with the teeth'*, что буквально означает «жевать, прожевывать».

Другим примером интракинесемизма может быть лексема со значением имитации выдоха: *It sniffed Winnie's bottom, then it jumped up at Winnie with muddy paws and scratchy claws. – А после вообще что-то невообразимое: неуправляемое животное обнюхало Винни и прыгнуло на неё.* Здесь *to sniff* означает *'to recognize or detect (something) by or as if by smelling'*, то есть принюхаться, обнюхать. В обоих примерах видно, как краткость слова подчеркивает точный смысл движения: короткие акты жевания или обнюхивания.

Хотелось бы также рассмотреть еще один интересный пример использования автором текста интракинесемизма – глагола *to nip*: *She nipped into the loo ... and came out looking like ... um ... this! – Со всем этим она промиснула в ванную комнату и через минуту вышла оттуда... хм... вот такая!* Основное значение данного глагола – *'to press something quickly and quite hard between two objects, especially sharp objects such as teeth or nails'*. Однако в приведенном примере значение *to nip* скорее обозначает действие по преодолению чего-то очень узкого, через что приходится буквально протискиваться. Хотя этот глагол относится к интракинесемизмам, с первого взгляда сложно понять, какой имитации он принадлежит. Учитывая вышеуказанное основное значение глагола, можно заключить, что определенное сдавливание или стискивание происходит, как правило, между зубами или ногтями. Таким образом, этот глагол было бы правомерно отнести к обозначению имитации неких резких хватательных движений.

Рассмотренные в работе примеры представляют собой лишь скромную выборку богатого корпуса ЗС-глаголов движения, представленных в текстах детских рассказов британской писательницы Лоры Оуэн, отличительной чертой которых является особая экспрессивность и динамичность повествования.

Для оценки адекватности перевода на русский язык исследуемых автором текста оригинала ЗС-глаголов движения применялась методика, разработанная М. Ворошиной и представляющая собой 4-бальную (0–3 балла) шкалу [Ворошина, 2020].

Анализ переводов позволил прийти к заключению, что Т. Славниковой чуть в более, чем в 75% случаев удалось передать ЗИ-характер исходного глагола, хотя в отдельных случаях только частично или посредством компенсации. В целом, надо признать, переводной текст сохранил и присущую оригиналу экспрессию, и динамичность, что представляется большим достижением переводчика, особенно если учесть особенности читательской

аудитории детей дошкольного возраста, на который и ориентированы рассказы Лоры Оуэн.

В заключении хотелось бы отметить, что перевод ЗИ-лексики, которая многими исследователями приравнивается к безэквивалентной, представляется далеко не легкой задачей в независимости от того, о каком фоносемантическом классе идет речь: о звукоподражаниях или звукосимволизмах. Очевидно, что в некоторых случаях, несмотря на указание С.В. Воронина о необходимости переводить ЗИ-слово тем же классом, представляется затруднительным или практически невозможным найти в переводящем языке полный аналог языка оригинала, совпадающий и по смыслу, и относящийся к тому же классу. Тем не менее, степень передачи звуковой ткани оригинала, первоначального образа, задуманного автором, неизменно остается одним из критериев оценки адекватности перевода. Именно это обстоятельство и обуславливает целесообразность дальнейшего более глубокого и всестороннего изучения способов эффективного перевода ЗИ-лексики.

Литература

Воронин С. В. Основы фоносемантики. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. – 219 с.

Воронин С.В., Паго А.Д. Эквивалентность в переводе и звукоизобразительная лексика // Английская философия в переводческом и сопоставительном аспектах. СПб., 1995. – С. 83–87.

Воронин С. В. Английские ономотопы. Фоносемантическая классификация. СПб.: Изд-во Института иностранных языков, 1998. – 196 с.

Ворошнина М.В. Иконические глаголы движения в оригинальной и переводной литературе: к постановке проблемы // Иностранные языки в современном мире: Сборник материалов I Казанского международного лингвистического форума. Казань: КФУ. 2020. – С. 165–171.

Кузьмич И. В. Звукоизобразительность и американский сленг: фоносемантический анализ: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1993. – 348 с.

Лингвистический ИКонизм. Междунар. науч. интернет-проект. URL: <http://iconism.ru/> (дата обращения: 01.07.2023).

Слоницькая (Беседина) Е. И. Звукосимволизм обозначений округлого (Опыт типологического исследования): дисс. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1987. – 317 с.

Флакман М.А. Словарь английской звукоизобразительной лексики в диахроническом освещении. – СПб.: НОУ ВПО Институт иностранных языков. 2016. – 203 с.

Firth J.R. The Use and Distribution of Certain English Sounds // *English Studies*. 1935. Vol. 17, N 1. P. 8–18.

Householder, Fred W. 1946. On the Problem of Sound and Meaning, an English Phonestheme // *Word* 2: C.83-84.

Jespersen O. Symbolic Value of the Vowel «i» // *Linguistica*. Selected Papers of O. Jespersen in English, French and German. Copenhagen: Levin and Munksgaard, 1933. Pp. 283–303.)

References

Voronin, S. B. *Osnovy fonosemantiki (Fundamentals of Phonosemantics – in Russian)*. L.: LGU, 1982. 219 p.

Voronin S.V., Pago A.D. Ekvivalentnost' v perevode i zvukoizobrazitel'naya leksika // *Angliyskaya filosofiya v perevodcheskom i sopostavitel'nom aspektakh*. (Equivalence in translation and iconic lexis – in Russian) // *English Philosophy in Translation and Comparative Aspects*. St. Petersburg, 1995. – S. 83–87

Voronin, S.V. *Angliyskiye onomatopy: Fonosemanticheskaya klassifikatsiya (English Onomatopes: A Phonosemantic Classification – in Russian)*, SPb., 1998.

Voroshnina M.V. *Ikonicheskiye glagoly dvizheniya v original'noy i perevodnoy knige: k postanovke problemy (Iconic verbs of motion in original and translated literature: formulation of the problem — in Russian)* // *Foreign Languages in The Modern World. // The Proceedings of The First Kazan International Linguistic Forum*. Kazan: KFU. 2020. – Pp. 165–171.

Kuzmich I. V. *Zvukoizobrazitel'nost' i amerikanskiy sleng: fonosemanticheskiy analiz (Sound representation and American slang: phonosemantic analysis – in Russian): thesis of a candidate of philological sciences dis. ... cand. philol. Sciences*. SPb., 1993. – 348 p.

Linguistic Iconism. International scientific internet project. URL: <http://liconism.ru/> (date of access: 07/01/2023).

Slonitskaya (Besedina), E. I. *Zvukosimvolizm oboznacheniy okruglogo (Opyt tipologicheskogo issledovaniya) (Sound symbolism in designations of roundness (Typological Study) – in Russian): thesis of a candidate of philological sciences*. Leningrad, Leningrad State University, 1987. – 317 p.

Firth J. R. The Use and Distribution of Certain English Sounds // *English Studies*. 1935. Vol. 17, N 1. Pp. 8–18.

Householder, Fred W. 1946. On the Problem of Sound and Meaning, an English Phonestheme // *Word* 2: C. 83–84.

Jespersen O. Symbolic Value of the Vowel «i» // *Linguistica. Selected Papers of O. Jespersen in English, French and German*. Copenhagen: Levin and Munksgaard, 1933. P. 283–303.

Магистр лингвистики Д.Ю. Репина (Санкт Петербург)

dasharepina-99@mail.ru

канд. филол. наук И.В. Кузьмич (Санкт-Петербург)

SPIN-код: 9595-5992

irinakuzmich@inbox.ru

ФОНОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АННОТАЦИИ К АНГЛОЯЗЫЧНЫМ БЕСТСЕЛЛЕРАМ

Аннотация. В статье анализируется использование фоностилистических средств в аннотациях к англоязычному бестселлеру. Аннотация к художественному произведению рассматривается как примарно-эстетический текст с экспрессивной и эмоциональной сатурацией.

Ключевые слова: аннотация, звукоизобразительность, фоностилистика, художественный текст, экспрессивность

MA Darya Repina (Saint-Petersburg)

PhD, associate professor Irina Kuzmich (Saint-Petersburg)

PHONOSTYLISTIC FEATURES OF ENGLISH BESTSELLERS

Abstract. The article deals phonostylistic features in English bestsellers abstracts with emphasis on their expressiveness and emotional characteristics

Key words: abstract, sound iconicity, phonostylistics, literary text, expressiveness

В последнее время в связи с постоянно растущим объемом информации и ускорением ее потока также растет необходимость в увеличении скорости ее обработки. Естественным образом на первое место выходят аннотации и резюме как источник первичной информации о тексте. Соответственно, возрастает их актуальность и важность в оценке самого текста. К настоящему времени уже существуют исследования аннотации как вторичного, но все же отдельного жанра того или иного предметного дискурса, в основном научного, где отмечаются её характерные лингвостилистические характеристики. В то же время отмечается недостаточная изученность стилистических особенностей аннотации и необходимость широких контрастивных исследований и применение новых методов, например, корпусного метода [Силкина, 2018].

Задача аннотации художественного произведения немного иная, она тесно связана с практической маркетинговой целью рекламы и, соответственно, продажи как можно большего количества экземпляров книги. В этом случае аннотация должна соответствовать типу самого текста, который в данном случае является примарно-эстетическим, а не когнитивным. Необходимость привлечь внимание читателя заставляет создателей аннотации использовать весь спектр выразительных средств языка. Анализ аннотаций к англоязычным бестселлерам показывает, что их экспрессивность и эмоциональность создаётся прежде всего за счет использования фоностилистических средств языка, которые, по мнению некоторых исследователей, обладают композиционной значимостью [Орлова, 2013, с. 98]. Фоностилистические/фоноритмические средства «...апеллируют к иррациональному, эмоционально-чувственному восприятию текста. Они представляют собой компоненты единой системы языковых и надязыковых идиосредств, настраивающих на эстетическое переживание, без которого невозможна творческая деятельность воспринимающего текст» [Лелис, 2013, с. 94]. Аннотация к художественным произведениям, которая традиционно относилась к вторичным речевым жанрам, в последнее время претерпевает значительные изменения как в отечественной, так и в зарубежной литературе, что некоторые исследователи связывают со сменой эстетических направлений (стирание границ между элитарной и массовой литературой), отмечая при этом растущую потребность в оценочных средствах выражения и перенасыщение текста аннотации экспрессией [Бугрова, 2012].

Преследуя цель создать выразительные аннотации, способные вызвать целый спектр ассоциаций, создающих глубинные связи между словами, образами, знаками и другими элементами действительности в сознании читателя, составители или, скорее, авторы аннотаций прибегают к широкому спектру фоностилистических приемов. Именно фонетические средства помогают им наиболее полно воплотить свой замысел и вызвать нужные эмоции у потенциального читателя.

Материал представленного исследования состоит из 93 аннотаций к англоязычным бестселлерам, предлагаемым читателям на сайте крупнейшей в мире интернет-платформы электронной коммерции Амазон (Amazon.com) за 2020–2023 годы. Теоретической базой при определении комплекса фоностилистических средств художественного текста стала классификация И. В. Арнольд [Арнольд, 2002]. Методом сплошной выборки в текстах аннотаций были выделены как собственно звукоизобразительные слова (далее – ЗИ), так и комплексы фоностилистических средств (ассонанс, рифма, аллитерация, редупликация, консонанс). Принадлежность слов к категории ЗИ опре-

делялась в соответствии со «Сводным списком английских звукоизобразительных слов» [Кузьмич, 1993].

Анализ полученной выборки (245 лексем, 910 употреблений) выявил высокую частотность использования авторами аннотаций ЗИ-лексики при оформлении звуковой палитры текста. Так, в аннотациях используется 10% от общего числа единиц, входящих в список И. В. Кузьмич. Такая доля ЗИ-лексики представляется достаточно высокой, поскольку 2468 единиц этого списка составляют лишь 0.25% от числа всех слов английского языка, которое по данным лингвистического интернет-портала «Глобал лэнгвидж монитор» (The Global Language Monitor) за 2017 год, составляет 1 004 910 слов [Беседина, 2017, с. 260].

Анализ материала также показал, что ЗИ-насыщенность текста, то есть количество употреблений ЗИ-лексем по отношению к общему числу слов исследованных текстов с учетом всех служебных слов, составляют 5,5%, без служебных слов 4,2%.

Все значения звуков и звукокомплексов приводятся в соответствии с материалами, изложенными в фундаментальном исследовании основателя отечественной фоносемантической школы профессора С.В. Воронина «Основы фоносемантики» [Воронин, 2009]. Наиболее представительными по численности являются следующие группы ЗИ-слов:

- 1) слова с анлаутом **gl-** (*glimpse, glow, glory, glitz, etc.*), обозначающие что-то гладкое, скользкое, светящееся – 6,5% от 245 лексем;
- 2) слова с анлаутом **bl-** (*blast, bloom, blow, bliss, blur, bubble, etc.*) со значением “раздувание, размывание”, а также “свет, оболочка” – 5,3% от 245 лексем;
- 3) слова с анлаутом **sp-** (*spark, splendor, split, spread, etc.*), обозначающие мерцание или брызги – 5% от 245 лексем;
- 4) слова с анлаутом **cr-** (*crack, crash, crumble, crawl, etc.*), обозначающие треск, хрип, скрип, крах – 5% от 245 лексем;
- 5) слова с анлаутом **sh-** (*push, shatter, harsh, dash, etc.*), указывающие на какое-то движение с шумом или неприятный звук – 4,5% от 245 лексем;

Также следует отметить, что в текстах аннотаций встречаются и сочетания, состоящие из двух, а иногда и трех ЗИ-слов, например, *glamorous and scandalous; sprinkle and scatter; kick a little butt*. Такие ЗИ-сатурированные комплексы встречаются в текстах аннотаций суммарно 20 раз.

В текстах аннотаций также присутствуют имена собственные частью которых являются нарицательные ЗИ-слова (всего 8 слов), например, ЗИ *craw* в фамилии *Crawford*, но в данном случае они просто заимствованы из

текста самого аннотируемого произведения и для исследования являются «вторичными».

Помимо ЗИ-слов, в аннотациях англоязычных бестселлеров часто используется такой фоностилистический прием как аллитерация (363 раз из 430 случаев использования фоностилистических средств): *murder mystery, God-given, (im)possibly powerful, powerful people, stay silent, minor masterpiece, three thrilling, local legend, haunted houses, deeply disturbing, political party, successful series.*

Есть в текстах и многокомпонентные аллитерационные ряды (также в виде цепочек перемежающихся и повторяющихся звучаний): *bearded, bad-boy barber; as soon as she stops; multi-layered literary styling; in a world where the good guys don't always win; fresh off a bad breakup; still, even separated by so many miles; souls are slowly but surely destroyed; perfect gift of mindfulness with this beautiful, uplifting, proudly promoted the principles; keep herself and her family afloat.*

Аллитерация довольно часто встречается в сочетании с ЗИ-лексикой (50 употреблений): *little light; sprinkle, scatter, or set off; start sparkling; friendship and flirtation begins to blur; straight to hell in the sequel to the smash; beloved beehives; a love letter of sorts to self; perfect for fans.* Сочетание аллитерация и ассонанс встречаются 20 раз: *soft spot; digs in and discovers; wise and wildly; deeply divisive trial; haunting the halls; mixed martial arts; loyalty, betrayal.* Иногда используется также пара «аллитерация+консонанс» (9 раз): *watching and waiting; emotional and mental health.*

В проведенном исследовании в общей сложности в каждой из 93 аннотаций используется в среднем 4 фоностилистических средства, что свидетельствует о значительной фонетической «насыщенности» текстов, экспрессия и эмоциональность которых соответствуют аннотируемым произведениям.

Литература

Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. – М.: Флинта: Наука, 2002. 384 с.

Беседина Е.И. Фонетические средства стилистики в текстах романов Дж. К. Роулинг // Материалы VI межвузовской научно-практической конференции «Актуальные проблемы современной лингвистики» / Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», 20.04.2017. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2017. С. 256–265.

Бугрова Е.Д. Эволюция жанра аннотаций к переводной массовой литературе // Известия Уральского федерального университета, серия 2 «Гуманитарные науки», 2013, Т. 15, № 2 (114). С. 82–88. DOI: 10.15826/izv2

Воронин С.В. Основы фоносемантики. – М.: Ленанд, 2009. 248 с.

Кузьмич И.В. Звукоизобразительная лексика американского слэнга: фоносемантический анализ. Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – СПб., 1993. 348 стр.

Лелис Е.И. Фоноритмическая организация художественного текста как поле формирования подтекста // Вестник Удмуртского университета, серия «История и филология». 2013. Вып. 2. С. 94–100.

Орлова О.Ю. Фонетические средства выразительности в языке и тексте: существующие подходы и перспективы исследования // Вестник Пермского университета, серия «Российская и зарубежная филология». 2013. Вып. 3 (23). С. 93–99.

Силкина О.М. Аннотация как жанр научного дискурса // Вестник Южно-Уральского государственного университета, серия «Лингвистика». – 2018. – Т. 15, № 3. С. 70–76. DOI:10.14529/ling180312

References

Arnold I. V. Stilistka. Sovremennyi angliiskiy yazyk: Uchebnik dlya vuzov. M.: Flinta: Nauka, 2002. – 384 s.

Besedina E. I. Foneticheskiye sredstva stilistiki v tekstah romanov J.K. Rowling // materialy VI mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii “Aktualnye problem sovremennoy lingvistiki”/ Saint-Petersburg State Electrotechnical University “LETI”, 20.04.217, SPb.: izd-vo SPbSETU “LETI”, 2017. S. 256-265.

Bugrova E. D. Evolutsia zhanra annotatsiy k perevodnoy massovoy literature // Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta, seria 2 “Gumanitarnye nauki”, 2013, T. 15, № 2 (114) – S. 82-88. digital copy <https://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia2/issue/view/50> (accessed: 01.07.2023). DOI: 10.15826/izv2

Voronin S.V. Osnovy fonosemantiki. – M.: Lenend, 2009. 248 s.

Kuzmich I.V. Zvukoizobrazitel'naya leksika amerikanskogo slenga: fonosemanticheskii analiz. Diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. SPb, 1993. 348 s.

Lelis E. I. Fonoritmicheskaya organizatsiya hudozhtvennogo teksta kak pole formirovaniya podteksta // Vestnik Udmurdskogo universiteta, seria “Istoria I filologia” 2013, vyp. 2. S. 94 – 100. Digital copy <https://cyberleninka.ru/article/n/fonoritmicheskaya-organizatsiya->

hudozhestvennogo-teksta-kak-pole-formirovaniya-podteksta (accessed 01.07.2023)

Orlova O. U. Foneticheskie sredstva vyrazitelnosti v yazyke I tekste: suschestvuyuschie podhody i perspektivy issledovaniya // Vestnik Permskogo universiteta, seria "Rossiiskaya i zarubezhnaya filologia". – 2013. vyp. 3(23) – S. 93–99. Digital copy <https://cyberleninka.ru/article/n/foneticheskie-sredstva-vyrazitelnosti-v-yazyke-i-tekste-suschestvuyuschie-podhody-i-perspektivy-issledovaniya> (accessed: 01.07.2023)

Silkina O. M. Annotatsiya kak zhanr nauchnogo diskursa // Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta, seria "Lingvistika". – 2018. – T. 15, № 3. С. 70–76. DOI:10.14529/ling180312

Бакалавр Ч. Бэ, канд. филол. наук Ю.Г. Седёлкина (Санкт-Петербург)
SPIN-код: 3075-2444 *yulsedspb@gmail.com*

ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ СИНЕСТЕМИИ В ЯЗЫКОВОЙ ПАРЕ «АНГЛИЙСКИЙ-КОРЕЙСКИЙ»

Аннотация. На материале романа Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» рассматриваются синестемические метафоры в художественном тексте оригинала и его перевода на корейский язык (У. Ким). Корпус материала исследуется с учетом иерархии каналов восприятия – от главного, через который происходит восприятие и обработка информации, к второстепенному (взаимодействующему) каналу восприятия признака ощущения. Анализ показал, что в 89% случаев синестемические конструкции были переведены с полным сохранением смысла и синестемической модальности.

Ключевые слова: синестемия, синестезия, художественный перевод, английский язык, корейский язык.

Bachelor Ch. Be (St. Petersburg)
Candidate of Philological Sciences Yu.G.Sedelkina (St. Petersburg)

THE PROBLEM OF INTERPRETING SYNESTHEMIA IN THE LANGUAGE PAIR "ENGLISH-KOREAN"

Abstract. Based on the material of the novel "The Great Gatsby" by F. S. Fitzgerald the phenomenon of synesthesia in the original text and its translation into Korean (W. Kim) is considered. The research material is studied taking into

account the hierarchy of perception channels – from the main one, through which the information is perceived and processed, to the secondary (interacting) through which the attribute of sensation is perceived. The analysis showed that 89% of the synesthetic constructions were translated with perfect preservation of meaning and synesthetic modality.

Key words: synesthesia, synesthesia, literary translation, the English language, the Korean language

Проблема изучения психологического феномена синестезии исследуется в рамках психофизиологии и психологии. Термин синестезия (synesthesia) определяется как сенсорный опыт, возникающий при автоматическом запуске одной сенсорной системой ответа в другой [Cytowic, 2002, с. 24]. Тем не менее, синестезия является не только психологическим, но и лингвистическим феноменом: синестезия и эмоции интегрированы во многие лингвистические структуры, получившие название синестемических. Различные точки зрения лингвистов на определение синестемии сходятся на том, что межсенсорный перенос ощущений отражается в эмоционально окрашенном метафорическом высказывании. При этом лексическая единица, семантически относящаяся к одному органу чувств, употребляется в значении, относящемся к другому [Арнольд, 2004, с. 384; Воронин, 1983, с. 121]. Прием синестемической метафоры, в которой присутствует ощущение сочетания несочетаемого (например, *яркий аккорд* – восприятие аудиального ощущения через зрительное), часто используется как в разговорном, так и в литературном языке.

Анализируя синестемические метафоры большинство исследователей опираются на классификацию Аристотеля пяти органов чувств: осязание, вкус, обоняние, зрение, слух [Аристотель, 1976]. По принципу доминирующего сенсорного канала можно выделить 6 основных типов синестемических метафор: тактильная, вкусовая, обонятельная, зрительная, слуховая и кинестетическая. Опираясь на исследования С. В. Воронина [1983, с. 120–131] к ним можно также добавить эмоционально-абстрактный канал восприятия, который чаще выступает в роли второстепенного.

Поскольку само явление синестезии представляет собой когнитивный процесс, функционально не отличающийся от любого другого мыслительного процесса [Прокофьева, 2010], можно предположить, что синестемические метафоры в разных языках не должны существенно различаться. В связи с этим в данном исследовании предпринята попытка сравнить эквивалентные синестемические метафоры в двух неродственных языках, английском и корейском. Полученные результаты внесут свой вклад в изучение стилистиче-

ских особенностей английского и корейского языков, а также выявят проблемы, возникающие при переводе синестемических метафор с одного языка на другой.

Большой вклад в исследование синестемических метафор в английском языке внесла теория С. Ульмана. Она заключается в выявлении наиболее частотных исходных и конечных пунктов сенсорного переноса. В английском языке чаще всего перенос значения происходит от низших сенсорных модальностей (осязание, запах, вкус, температура) к высшим (слух и зрение). Осязание является самой распространённой низшей сферой восприятия, на которой базируются метафоры, а слух – самой распространённой высшей сферой, на которую происходит перенос. Автор также отмечает, что встречаются и переносы из высших сфер в низшие, например, когда исходным пунктом образования метафоры является, например, зрительное ощущение (например, *hot twilight* ‘жаркие сумерки’) [Ульман, 1970, с. 250–299].

Интересно, что в английском языке даже в названиях дней недели заложены синестетические ассоциации, которые М. Н. Милеева назвала синестетическим атавизмом. Так, в названии воскресенья *Sunday* компонент *sun* ‘солнце’ передаёт ассоциацию с чем-то ярким, тёплым и приятным. Тогда как в названии понедельника *Monday* заложена ассоциация с луной (*Moon*), которая часто ассоциируется с печалью и тоской [Милеева, 2009, с. 296].

В корейском языке феномен синестезии малоизучен, но благодаря исследованиям современного корейского языка, представленного в Корейском национальном корпусе (KNC), была доказана универсальность «иерархической системы» С. Ульмана для английского и корейского языков. Как и в английском, в синестемических метафорах в корейском языке преобладающей исходной сенсорной модальностью является осязание, в то время как преобладающей конечной сенсорной модальностью является слух [Jo, 2018, с. 18].

Отличительной особенностью корейских синестемических метафор является значимость вкусового канала. Носители корейского языка чаще склонны иллюстрировать свое восприятие окружающей действительности через вкусовое или осязательное ощущение, что не характерно для представителей западных культур. Кроме того, при передаче синестезии в корейском языке в качестве исходного чаще всего выступает визуальный канал (что противоречит результатам С. Ульмана на материале английского языка), а обонятельный и слуховой – довольно редко [Там же. С. 44; Jo, Jhang, 2019, с. 9].

В данной статье представлен анализ синестемических метафор, использованных Ф. С. Фицджеральдом в его романе «Великий Гэтсби», и их перевода с английского на корейский язык У. Кимом (W. Kim). В этой истории о

человеке, живущем мечтой и не признающим действительность, автор использует 62 синестемических метафоры в 28 сенсорных сочетаниях.

На Рисунке 1 приведены результаты исследования синестемических метафор из текста оригинала по типу основных каналов восприятия: В — вкусовой канал, З — зрительный канал, К — кинестетический канал, О — обонятельный канал, С — слуховой канал, Т — тактильный канал, Э/А — эмоционально-абстрактный канал.

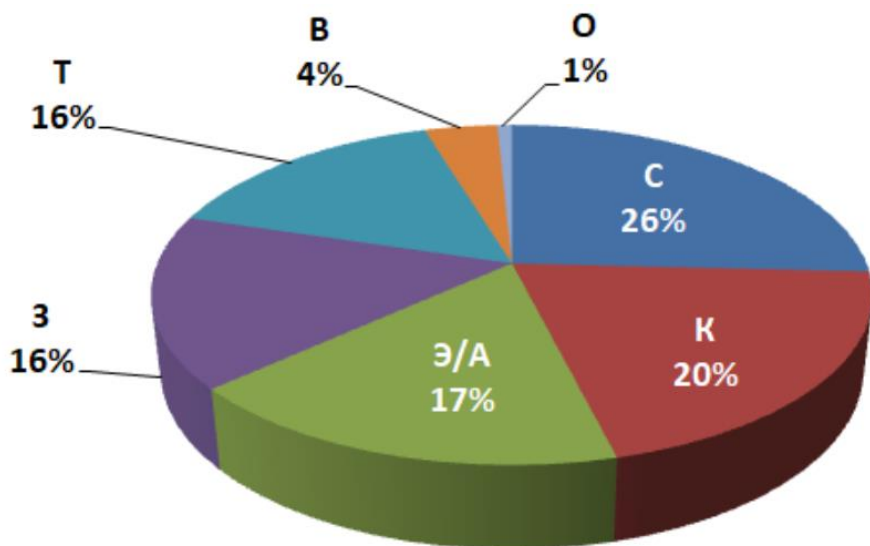

Рис. 1. Доля синестемических метафор в тексте оригинала

При переводе романа на корейский язык количество синестемических метафор сократилось до 61, а сочетания по каналам восприятия – до 26.

Тем не менее, подавляющее большинство (89%, 56 примера) синестемических метафор переведено на корейский язык дословно с сохранением смысла и ведущего канала восприятия.

Например,

The sun had gone down behind the tall apartments of the movie stars in the West Fifties and the clear voices ‘чистые голоса’ of girls, already gathered like crickets on the grass, rose through the hot twilight.

여자아이들의 맑은 목소리가 풀 위의 귀뚜라미처럼 무더운 황혼을 뚫고 솟아올랐다.

В данном примере при переводе на корейский язык сохраняется и значение, и тип опоры на главный канал восприятия – слуховой – через вспомогательный – зрительный. Как видно из рисунка 1, слуховой канал является наиболее частотным исходным каналом восприятия в тексте оригинала (26%, 33 примера). При переводе на корейский язык количество слуховых

синестемических метафор составило 32 примера, что как и в тексте оригинала, составляет 26% от общего количества.

Синестемические метафоры, которые были переведены с опорой на другие каналы восприятия составляют 6%.

Например,

Tom and I shook hands, the rest of us exchanged a cool nod ‘мы обменялись холодными (пренебрежительными, недружелюбными) кивками’ *and they trotted quickly down the drive, disappearing under the August foliage just as Gatsby with hat and light overcoat in hand came out the front door.*

툼과 나는 악수를 했고, 나머지 사람들은 냉랭하게 서로 고개를 끄덕여 인사를 했다. ‘мы холодно кивнули’.

В переводе на корейский наблюдается потеря зрительной модальности “обмениваться приветственными жестами”. В корейской синестемической метафоре используется главный кинестетический и второстепенный тактильный каналы в отличии от текста оригинала, где к кинестетическому и тактильному подключается еще и зрительный канал. Синестемические метафоры с главным кинестетическим каналом восприятия находятся на втором месте по частотности в тексте оригинала (20%).

В 3% случаев синестемическая метафора потеряла синестемическую модальность при переводе.

Например,

I walked back along the border of the lawn, traversed the gravel softly ‘мягко пересекла гравийную дорожку’ *and tiptoed up the veranda steps.*

나는 잔디밭 가장자리를 따라 돌아가 자갈길을 가로질러 베란다 층계를 살금살금 올라가 보았다. В данном контексте прилагательное ‘мягко’ переведено на корейский как ‘осторожно на цыпочках’. В корейском языке существует тенденция максимально сокращать предложения – чем лаконичнее предложение, тем точнее оно передает смысл и выше оценивается. В данном примере оригинальная (английская) синестемическая метафора опирается на кинестетический (главный) канал, задействуя тактильный в качестве вспомогательного. В корейском варианте наблюдается потеря тактильного канала, а с ним и кроссмодального переноса.

В одном случае переводчик использовал синестемическую метафору там, где ее нет в оригинальном тексте.

His voice faded off and Tom glanced impatiently around the garage.

월슨의 목소리가 흐려졌고, 톰은 조바심이 나는 듯 자동차 정비소 주위를 훑어보았다.

При переводе на корейский язык синестемическая метафора появляется за счет изменения глагола *glance* 'взглянуть' на 'ласкать взглядом', где зрительный канал восприятия является главным, а кинестетический – вспомогательным. В корейском языке эта синестемическая метафора часто используется для описания увлекательного чтения книги или восхищённого наблюдения. В данном контексте это выражение в корейском варианте романа использовалось для реалистичной передачи чувств Тома, который в нетерпении торопливо ищет глазами Мертл.

Подводя итог, можно заключить, что синестемическая трансформация при переводе с английского на корейский производилась следующими способами: (1) перевод синестемической метафоры устойчивым выражением с потерей синестемических свойств; (2) трансформация синестемической метафоры с заменой одного синестемического элемента другим; (3) удаление синестемического элемента для более лаконичного выражения мысли автора; (4) создание синестетической модальности там, где она отсутствует в тексте оригинала. На примере сравнения синестемических метафор в корейском и английском языках, можно сделать вывод, что происхождение и структура языка, а также культура, менталитет и образ жизни его носителей оказывают весьма незначительное влияние на передачу синестемических метафор при переводе с английского на корейский. Тем не менее, для корейского языка более характерна передача восприятия окружающей действительности через вкусовой сенсорный канал.

Литература

Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 1. Ред. В.Ф. Асмус. М.: Мысль, 1976. 550 с. (АН СССР, Ин-т философии. Флос.наследие). С. 371–448.

Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов. 5-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2002. 384 с.

Воронин С.В. Синестезия и звукосимволизм // Психолингвистические проблемы семантики. – М.: Наука, 1983. С. 120–131.

Милеева М.Н., Дудкова Т.Ю. Синестезия и особенности ее проявления // Вестник гуманитарного факультета ИГХТУ. 2009. Вып.4. С. 294–300.

Прокофьева Л.П. Синестезия в современной научной парадигме // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Филология. Журналистика. 2010. Т. 10. N 1. С. 3–10.

Ульман С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, Вып. 5. 1970. С. 250–299.

Cytowic R.E. Synesthesia: A Union of the Senses. 2nd ed. – Cambridge, Mass., 2002. С. 425.

Jo C. Synesthetic Metaphors in Korean Texts. Doctoral dissertation. – Hong Kong, China. 2018. 44 p.

Jo C., Jhang S. Synesthetic Metaphors in a Self-built Corpus of Modern Korean Poetry. – Southwest University and Korea Maritime and Ocean University, 2019. 9 p.

References

Aristotle. Works in four volumes. T. 1. Ed. V. F. Asmus. M., "Thought", 1976. 550 p. (AN USSR, Institute of Philosophy. Phlos.heritage). pp. 371–448.

Arnold I. V. Stylistics. Modern English: a textbook for universities. – 5th ed., Rev. – M.: Flinta: Nauka, 2002. 384 p.

Voronin S. V. Synesthesia and sound symbolism // Psycholinguistic problems of semantics. – M.: Nauka, 1983. P. 120–131.

Mileeva M. N. Synesthesia and features of its manifestation / M. N. Mileeva, T. Yu. Dudkova // Bulletin of the Faculty of Humanities of IGHTU. 2009. Issue 4. P. 294–300.

Prokofieva L.P. Synesthesia in the modern scientific paradigm / L. P. Prokofieva. - Text: direct // Bulletin of the Saratov University. New episode. Ser.: Philology. Journalism. 2010. V. 10. No 1. P. 3–10.

Ullman S. Semantic universals // Reading in linguistics. M.: Progress, Vol. 5. 1970. P. 250–299.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ ПОЭТА И ПИСАТЕЛЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ

Канд. филол. наук С.Б. Кураш (Мозырь)

SPIN-код: 4030-8993

text2005@mail.ru

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ И МЕТАЯЗЫКОВОЙ ФУНКЦИЙ ЯЗЫКА В МЕТАФОРИЧЕСКОМ КОНТИНУУМЕ РУССКИХ И БЕЛОРУССКИХ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Аннотация. В статье анализируются рефлексивные практики русских и белорусских поэтов в отношении метафорического образотворчества. Примеры, отражающие подобные практики, демонстрируют взаимодействие эстетической и метаязыковой функций языка. В метафорическом континууме русских и белорусских поэтических текстов XX века подобное явление получило распространение в идиостилиях целого ряда авторов. Отмечаются самые разнообразные, подчас противоположные авторские рефлексии по поводу тропеического образотворчества – от признания неизбежности обращения к метафоре до констатации её излишества, от придания ей свойств новизны и свежести до её оценки как чего-то банального и безвкусного.

Ключевые слова: поэтическая метафора, эстетическая функция, метаязыковая функция, рефлексия

Candidate of Philological Sciences S.B. Kurash (Mozyr),

ON THE INTERACTION OF AESTHETIC AND METALANGUAGE FUNCTIONS OF LANGUAGE IN THE METAPHORICAL CONTINUUM OF RUSSIAN AND BELARUSIAN POETIC TEXTS

Abstract. The article analyzes the reflexive practices of Russian and Belarusian poets in relation to metaphorical image-making. Examples reflecting such practices demonstrate the interaction of aesthetic and metalanguage functions of language. In the metaphorical continuum of Russian and Belarusian poetic texts of the twentieth century, this phenomenon has become widespread in the idiosyncrasies of a number of authors. The most diverse, sometimes opposite author's reflections on tropeic image-making are noted - from recognizing the

inevitability of turning to metaphor to stating its excess, from giving it the properties of novelty and freshness to its evaluation as something banal and tasteless.

Keywords: poetic metaphor, aesthetic function, metalanguage function, reflection

Рефлексию над языком некоторые исследователи называют типологической особенностью литературы XX в. «Филологичность авторов выразилась в появлении произведений, речевая ткань которых существенно отличалась от практической речи (включая и различные формы заумы)» [Заика, 2007, с. 44].

Весьма характерно и название одного из новейших исследований в области «филологичности» поэтического языка – монографии Н.А. Фатеевой «Поэзия как филологический дискурс» [Фатеева, 2017], в основу которой положена идея о том, что в поэтическая функция языка вступает в стихотворных текстах в тесную интеракцию с метаязыковой функцией. Автором данного исследования сделано важное наблюдение диахронического порядка: если поэты XIX в. сосредоточивались в основном на осмыслении творческого процесса порождением лирического текста и в силу этого вовлекали в образную орбиту понятия, связанные со стихотворчеством (*звук, стих, рифма* и пр.), то у поэтов XX–XXI вв. палитра филологической лексики существенно расширяется, причём не только за счет специальных стиховедческих терминов, но и за счёт понятий, связанных с уровневым устройством языка (строевыми элементами языка, лексико-грамматическими разрядами, категориями, формами, синтаксическими единицами и понятиями и пр.), а также их вовлечения в поэтическую детерминологизацию и основанную на ней языковую игру.

Функционирующий в художественном тексте троп также подлежит оценке по параметру наличия / отсутствия авторской рефлексии в его отношении, эксплицитности или имплицитности момента его введения в образную структуру текста [Кураш, 2020, с. 165–182]. В случае наличия такой рефлексии перед нами предстаёт не только троп-инструмент структурирования поэтических концептов, но и троп как своеобразный образ-персонаж текста. От автора не просто исходит намерение сравнить, уподобить, метафорически отождествить что-либо чему-либо или «превратить» нечто одно в нечто другое по принципу метаморфозы, но он ещё и эксплицирует этот момент: *И неволью в море хлеба / Рвется образ с языка: / Отелившееся небо / Лижет красного телка; Только я смежаю веки – / Возникает образ некий, / Нежный, как цветок лаванды, / И старинный, как в музее* (Ю. Мориц), – и даже его поэтически «объясняет»: *Я назваў сягоння вішню мілай / І яе лісток*

*пацалаваў, / **Бо** пад ёй з такой лірычнай сілай / Пасядзець прыцягвае трава; / **Бо** яна мяне, як спеў, насіла / Ё вышыню, аж кружыць галава, / Мяне песняй чулай напайла, / Што каханай голас распяваў; / **Бо** пад ёй у вусны сваёй мілай / Шчыра я за ўсё пацалаваў (Л. Гаўрылаў).*

В ряде случаев метафора становится центральным объектом художественного осмысления, например: *Суть зодчества метафорична. Это свойственно любому творчеству. В «Разговоре о Данте» сказано: «Объяснить метафору можно только метафорически. “Я сравниваю, значит, я живу”, — мог бы сказать Дант. Он был Декартом метафоры, ибо для нашего сознания (а где взять другое?) только через метафору раскрывается материя, ибо нет бытия вне сравнения, ибо само бытие есть сравнение» (А. Вознесенский).* Данный фрагмент – не что иное как образно-художественный аналог высказываний о метафоре, выдержанных в духе когнитивно-прагматической парадигмы.

Ещё один пример – размышление об онтологической сущности метафоры, об её «всебытии»: *И в банном зале, там, где кафель, / В трамвае, в поле на стерне / Смысл восхитительных метафор / Вдруг как-то стал являться мне... / Метафора – и та вон тёлка. / И дуг. И тополь. И дома. / И даже жизнь всего лишь только / Метафора. И смерть сама (Е. Винокуров).*

Во многом созвучна приведенным выше строкам поэтическая концепция метафоры, представленная в одноименном стихотворении белорусской поэтессы Е. Янишиц. Здесь две отмеченные выше ипостаси метафоры – «украшение» (с одной стороны) и «способ поэтического мышления» (с другой стороны) – осмысливаются поэтом не столько как антагонистические, сколько как взаимодополняющие друг друга.

Хорошо известны современной филологической науке и закреплены практически во всех филологических терминологических словарях и энциклопедиях такие понятия, как номинативная и экспрессивная, речевая и языковая, образная и «стёртая», индивидуальная и традиционная метафора. Уникальный образец художественного рефлексирования по поводу всех этих обликов метафоры находим у Ю. Олеси (о «лавке метафор»). Приводимые далее фрагменты иллюстрируют ряд иных особенностей поэтического образотворчества, основанного на метафорогенной деятельности.

Работа ассоциативного мышления по созданию метафоры (тропа) может мыслиться автором как осознанная, креативно-поисковая: *К полудню небо бледное / Нахмурило чело. / Воображеньё бедное / **Метафору** нашло, / Что домиков отпадных / Так непривычен стиль, / Как будто бы нежданно / Мы въехали в мультфильм (А. Дементьев); И выплывет из океана слова / **Метафоры** оживший материк (Б. Лившиц); Пакуль што **не да метафар.** / Ласкавае*

por favor / Падчас загучыць металам – / Праверыць пільнасць затвор (Р. Барадулін); **Святочна** рыфмаваў я «мама – рама» / і **параўноўваў** з матыльком сцяжок, ўто плыў над вулкай... (А. Каско); Нарач-возера – / Нарач-мора: / гулкі бераг, / нямое дно... / **Параўнанне** ў мяне адно: / Нарач-возера – / Нарач-мора (М. Федзюковіч); **Уяўленне**, / ты на **параўнанні багатае**, / спрадвеку ў цябе запалу / хапала, – / і карта маёй Беларусі / табе нагадвае / дубовы ліст / ці кляновы ліст пяціпалы (Р. Барадулін); либо как бес(под-) сознательная, когда тропеические образы «врываються» в ткань текста, как бы навязываясь автору помимо его воли: *Лишь понемногу / в сознание въезжает вагон, / идущий, как мальчик, / не в ногу / с пехотой столбов телеграфных, / агония храпа / артистов эстрады, / залегших на полках, случайная фраза: / «Я рада»... / И ряд безобразных / сравнений, / эпитетов / и заготовок стихов* (В. Луговской); **Як метафары няўлоўныя**, / Сніцеся, філалагіні (Р. Барадулін); **Заружовіцца неба**, / **Як** дзяўчына у сне... / **Вобраз** гэтакі мне / **Тут прыйшоў без патрэбы**... (К. Буйло).

В качестве весьма оригинального примера, иллюстрирующего поэтическую рефлексию на акт тропеического образотворчества, приведём следующий фрагмент: *Трамвай, як сараканожка, – / марудна імклівы і доўгі, / яшчэ да таго ж сляпы. / Асаджаны глуха і вусцішна / над стукатам нізкіх ног. / Трамвай, як сараканожка... / **Не, не падабаецца мне гэтае параўнанне. / Параўнаю трамвай лепш з вожыкам, / што цвёрда і шпарка / бяжыць на падлозе – тук! тук!*** (М. Стральцоў). В данном случае поэт не просто рефлексировал по поводу «готового» образа, – он по сути вовлекает читателя в свою «творческую лабораторию», эксплицируя момент выбора одной образной ассоциации из нескольких возможных.

Импульс к творчеству, к порождению текста может задаваться с изначальной констатацией автором его подвластности метафоре, неизбежности обращения к тропеической образности: *Земли гипербола лежит под ними, / как небо **метафор** плывет над нами!* (И. Бродский); *С чего начать? / Всё трещит и качается. / Воздух дрожит от сравнений. / Ни одно слово не лучше другого, / Земля гудит **метафорой**, / И легкие двуколки, / В броской упряжи густых от натуги птичьих / стай, / Разрываются на части, / Соперничая с храпящими любимцами ристалищ* (О. Мандельштам); *Пусть ржут **метафорические** кони, / Поэт стрела, летя издалека. / Я знаю сам, что жизнь – как на ладони / Та линия – ясна и коротка. / Не очень долго и не очень много / До отдыха последнего идти, / Но не грустна и не страшна дорога, / И есть о чем задуматься в пути...* (В. Шефнер); *Толпа метавишихся **метафор** / Вошла в музеи и в кафе* (П. Антокольский); *Мой ум в **метафорах** померк, в метаморфозах!* (Ю. Мориц); *Ускалыхніце мне душу. / Не толькі рыфмай ці радком, / Што*

неспадзеўкай душу лапчыць, / А чым заўгодна, / Хоць ваўком / З **метафарай** у чорнай папчы... / Ён зразумелы для мяне, / Як неба роднае і людзі, / Пакуль бяжыць, пакуль імкне, / Пакуль **метафары** не згубіць. (Л. Дранько-Майсюк).

По сути между метафорой и поэзией, актом творчества зачастую ставится знак равенства, ср.: *Уж лучше на погост, / Когда томит бесстишье! / Оно – великий пост, / Могильное затишье. / И, двери затворив, / Переживает автор / Моления без рифм, / Страданье без **метафор**. / Нет, он не глух – он нем, / Он безъязык, как время, / В нем брезжат тени тем / И тупо ломит темя. / Жестокая беда! / Забвение о счастье. / И это навсегда. / Читатели, прощайте!* (Д. Самойлов); **Метафоры** стареют и язык, / Но не бессонница во мраке ночи. / Старееет рифма. Ну а если крик / Придет на рифму, то рифмой попроце. / Поэтику пора бы отменить. / Она – пустейшее из всех занятий. / Но где тогда связующая нить, / Преемственность стремлений и понятий? (Д. Самойлов).

Обнаруживается в поэтическом дискурсе и отмеченная в предыдущем параграфе, характерная для иных дискурсивных практик, концептуальная оппозиция «метафора – реальность»: *Можно много построить и столько же можно разрушить / и снова построить. / Ничего нет страшней, чем развалины в сердце, / ничего нет страшнее развалин, / на которые падает дождь и мимо которых / проносятся новые автомобили, / по которым, как призраки, бродят / люди с разбитым сердцем и дети в беретах, / ничего нет страшнее развалин, / которые **перестают казаться метафорой** / и становятся тем, чем они были когда-то: / домами. (И. Бродский).*

Вместе с тем поэтическое мышление может стремиться не к порождению, а к преодолению метафоры, за которым, тем не менее, обычно кроется имплицитное признание её неминуемости: *Античный зал разжесывает тьму. / В окне торчит мускулатура Штробля. / И своды, как огромная оглобля, / елозят по затылку моему. / Все эти яйцевидные шары, / мне чуждые, как Сириус, Канопус, / в конце концов напоминают глобус / иль более далекие миры. / И я верчусь, как муха у виска, / над этими пустыми кратерами, / **отталкивая** русскими баграми / **метафору**, которая близка (о вазах и горшках. – С.К.) (И. Бродский); *Натуральная тьма / наступает опять, / как движение ума / **от метафоры вспять**, / и сиянье звезды / на латуни осей / глушит звуки езды / по дистанции всей (И. Бродский).**

Характерна оценка автором своего тропеического образа со стороны какого-либо его эстетического качества: *Пришла ты, неизбежная, как ночь. / Ты не сердись за **странности сравнений**. (В. Кулёмин); *Там я в **сравнениях избитых** / Искал избитых правоту, / Там самый день был средством пыток, / Что применяются в аду (...) И средь **магического хода** / **Сравнений, образов и слов** / Взыскующая нас природа / Кричала изо всех углов (В. Шаламов); *Круты***

наварот – / Гэта «цешчын язык», / Яго гэтак **трапна** / Празвалі шафёры (С. Басуматрава); Ты ўвёў мяне ў той свет, дзе дум высокіх кола / Гучыць мелодыяй у **вобразах дзівосных**... (К. Буйло).

Более сложные случаи рефлексии могут быть связаны с модальным обрамлением момента введения тропа (актуализацией «модуса "как бы"»), ср.: **Хотела б** я свои мечты, / Желанья тайные и грёзы / В живые обратит цветы, – / Но ... слишком ярки были б розы! (М. Лохвицкая); Мне тебя **сравнить бы надо** / С песней соловьиною... (А. Фатьянов); **Цябе параўнаў бы я** / З польнаю кветкай, / Ды першы сустрэчны / Сарве яе ўлетку... / Усе мае, пэўна, дарэмны / Шуканні, – / На свеце табе не знайсці / Параўнаньня (П. Макаль); **Цябе хацеў я з сонцам параўнаць**, / якое без прынку і шчодрасці свеціць / усім жывым і нежывым на свеце... (М. Федзюковіч).

Можно встретить и самые разные заявления поэтов относительно роли метафор в поэтическом творчестве.

Так, одни авторы декларируют намерение прибегать к метафорическим образам как к стилевой доминанте. Например, С. Кирсанов в стихотворении, посвящённом В. Маяковскому, заявляет о своем намерении следовать принципам его поэтики и, в частности, *бросаться с утёса метафор на дно / за жемчужом слов водолазом*. Показательно, что данный микроконцепт текста поэт структурировал при помощи развёрнутой метафорической конструкции.

На первый взгляд, о совершенно противоположном намерении заявляет Е. Винокуров в стихотворении «Моё мастерство»: *Моё мастерство, ты особого рода. / Нет, ты не метафора, ты не острота... / Подайте мне смысл! – для чего мне слова? / Моё мастерство избежать мастерства*. Однако эти строки надо понимать не как отказ поэта от метафор вообще, а как его намерение не прибегать к излишним украшениям стиля в ущерб смыслу произведений, ср.: *Вершы розныя могуць паэты складаць, / Браць эпітэты і параўнанні, / І метафары ў кожны радок устаўляць, / Яны ў вершах блукаюць, як здані* (А. Балугенка).

Таким образом, в приведённых контекстах актуализировано лишь одно из привычных значений слова *метафора* – 'словесное украшение', 'красивость', 'поэтическое ремесленничество'.

Белла Ахмадулина, напротив, подчеркивает изобразительную функцию тропа в своём поэтическом мире: *Обожествляла влюбчивость метафор / простых вещей невзрачные тела. (Б. Ахмадулина); Не упорствуй, не шарь в пустоте, / выпит мёд из таинственных амфор. / И по чину ль твоей красоте / примерять украшенья метафор?* (Б. Ахмадулина).

Метафора в поэзии потенциально незамкнута, интертекстуальна, полемична, что нередко рефлексировалось авторами, причем подобная рефлексия мо-

жет иметь место в отношении конкретных тропеических образов. Например, своё посвящение Б. Пастернаку А. Ахматова начинает с отклика на пастернаковское автосравнение *Как конский глаз, с подушек, жаркий, искоса / Гляжу, страшась бессонницы огромной. Ср.: Он, сам себя сравнивший с конским глазом, / Косится, смотрит, видит, узнаёт...* (А. Ахматова).

Таким образом, оценка статуса тропа в тексте, традиционно осуществляемая в функциональном диапазоне «локальный троп – текстообразующий троп», может выходить за эти пределы, будучи дополненной характеристикой его вхождения в мир образов-персонажей поэтического произведения, в концептосферу текста. В качестве особых проявлений метафоры в русских и белорусских художественных текстах нередко можно встретить ее введение в сопровождении авторской рефлексии, имеющей место в отношении неизбежности либо излишества тропа, его привычности либо новизны, подспорья либо помехи и т. п.

Литература

Заика В.И. Эстетическая реализация языка: функционально-прагматическое исследование: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / ГОУ ВПО НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2007. 50 с.

Кураш С.Б. Метафорика белорусской и русской поэзии: тексто-дискурсивный аспект. – Мозырь: УО МГПУ им. И.П. Шамякина, 2020. 322 с.

Фатеева Н.А. Поэзия как филологический дискурс. – М.: Изд. дом ЯСК, 2017. 360 с.

References

Zaika V.I. Esteticheskaya realizaciya yazyka: funkcional'no-pragmaticheskoe issledovanie: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk : 10.02.01; GOU VPO NovGU im. YAroslava Mudrogo. – Velikij Novgorod, 2007. 50 s.

Kurash S.B. Metaforika belorusskoj i russkoj poezii: teksto-diskursivnyj aspekt. – Mozyr': UO MGPU im. I.P. SHamyakina, 2020. 322 s.

Fateeva N.A. Poeziya kak filologicheskij diskurs. – M.: Izd. dom YASK, 2017. 360 s.

Канд. филол. наук М.Г. Луннова (Пенза)

SPIN-код: 5901-7530

lunnovamg@mail.ru

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КОНТРАСТНОСТИ В ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. А. БЛОКА

Аннотация. Анализируются средства выражения контраста в поэтических произведениях А. А. Блока на грамматическом уровне. Благодаря такого рода противопоставлениям контраст реализуется на уровне сюжета и композиции, отражает хронотоп художественного текста, отношения лирических героев, раскрывает их внутреннее пространство, соотнося его с авторским мироощущением.

Ключевые слова: контраст, грамматический уровень, грамматические противопоставления, А.А. Блок, идиостиль, стихотворения.

Candidate of Philological Sciences M.G.Lunnova (Penza)

GRAMMATICAL MEANS OF EXPRESSING CONTRAST IN THE POETIC WORKS OF A. A. BLOK

Abstract. The author analyzes the means of expressing contrast in the poetic works of A.A. Blok at the grammatical level. Thanks to this kind of juxtapositions, contrast is realized at the level of plot and composition, reflects the chronotope of the artistic text, the relationship of the lyrical characters, reveals their inner space, correlating it with the author's worldview.

Keywords: contrast, grammatical level, grammatical oppositions, A.A. Blok, idiostyle, poems.

Познание окружающего мира осуществляется человеком через соотношение противоположностей. Это основная закономерность человеческого мышления, и контраст – отражение этой закономерности. В художественной литературе он является важным компонентом авторского стиля, «который создается многообразием художественных средств, воплощающих контрастное восприятие писателем действительности» [Лукьянова, 2016, с. 3].

Контраст выражается на разных уровнях языковой системы художественного текста (фонемном, лексическом, грамматическом), является одним из средств его упорядочивания и организации.

Контрастность на грамматическом уровне выражается морфологическими и синтаксическими средствами, причём синтаксические приёмы выступают в роли вспомогательных средств и служат способом усиления контраста морфологического уровня, поэтому целесообразно рассматривать данные средства выразительности без отрыва друг от друга.

Морфологические средства поэзии А. Блока являются основой для построения системы противопоставлений лирических героев, их действий и событий, описываемых в художественных текстах. Данное обстоятельство делает морфологические средства основным способом построения композиции поэтических произведений Блока. Среди таких средств можно выделить противопоставления местоимённых слов (31 грамматическая оппозиция) и различных глагольных форм (25 грамматических оппозиций).

В поэзии А. Блока можно выделить следующие местоимённые противопоставления:

1) противопоставления личного местоимения первого лица другим личным местоимениям я – ты, я – мы, я – он (15 грамматических оппозиций):

*Я пред тобой о счастья воздыхал,
И ты презрительно молчала.
И я горел душой, а ты была темна.*
(«Поклонник эллинов – я лиру забывал...», 12 октября 1900)

В примере морфологические средства контрастности усиливаются синтаксически путём использования полисиндетона – повтора союза и. Кроме того, во втором случае противопоставление я – ты усиливается противительным союзом а (в стилистике – антитеза).

Отличительной чертой контрастного описания реальности на уровне морфологии является включение поэтом субъекта в объект (выделения «я» из «мы») [Лотман, 1972, с. 79]. Например,

*Я знаю: мы в храме вдвоем,
Ты думаешь: здесь ты одна...*
(«На темном пороге тайком...», Март 1902)

Причём здесь же можно наблюдать противопоставление личного местоимения второго лица ты выделительному числительному, в терминологии Н. П. Колесникова, одна [Колесников, 1997, с. 42].

Также у Блока распространено противопоставление местоимения первого лица я третьему лицу он. Например,

*Я шёл вперед; а позади – Он Сам,
Всёпроникающий и близкий к цели.*
(«Мы странствовали с Ним по городам...», Февраль 1902)

Контраст художественного текста в примере усиливается векторными языковыми антонимами вперёд – назад, а также синтаксическими средствами

ми выразительности – эллипс, то есть пропуск слова в предложении (*Я шёл вперед; а позади [шёл] Он Сам...*), и противопоставлением с союзом а.

Отметим, что через противопоставления подобного рода передаётся автобиографичность произведений А. Блока, что помогает читателю понять и прочувствовать весь спектр эмоций и мыслей поэта.

2) противопоставления личных местоимений второго и третьего лица местоименным словам (относительным, неопределенным, отрицательным местоимениям) мы – другие, мы – кто-то, ты – никто, она – никто (6 грамматических оппозиций). Например:

*И часто кажется – вдали,
У темных стен, у поворота,
Где мы пропели и прошли,
Еще поет и ходит Кто-то.*
(«Мы всюду. Мы нигде. Идем...», 5 декабря 1902)

Здесь личному мы противопоставляется неопределенное Кто-то. Особо выделяется, что поэт пишет неопределённое местоимение как имя собственное с прописной буквы, окутывая художественные тексты присущим Блоку мистицизмом. Поэт дает читателю понять, что это не просто бытовая неопределённость, а что-то большее, неведомое нам – людям. Очевидно, что мы в данном контексте – это человечество, а Кто-то – это философская категория бытия.

Подобные оппозиции также помогают выделить лирического героя, а чаще героиню, из общей массы людей:

*Поклоненьем горда,
Ты казалась всегда
Одинокой и властной мечтой.
И никто не слышал,
Как твой голос звучал, –
Ты в молчаньи владела толпой.*
(«Ты была у окна...», 12 октября 1900)

В примере контраст между личным ты и отрицательным никто усиливается контекстуальными антонимами по семантике близким к конверсивам голос – молчанье, слышать – звучать, а синтаксическая инверсия добавляет выразительности контрастному тексту.

3) противопоставления местоимённых слов здесь – там, каждый – другой (10 грамматических оппозиций)

*Там жили поэты, – и каждый встречал
Другого надменной улыбкой.
(«Поэты», 24 июля 1908)*

Обычно контрастность в подобных конструкциях размыта, поэтому практически всегда в таких текстах присутствуют и другие средства выражения контраста. Например, как в примере, противопоставления я – ты:

*Я знаю – Ты здесь, Ты близко.
Тебя здесь нет. Ты – там.
(«Мне страшно с Тобой встречаться...», 5 ноября 1902)*

Идиостиль А. Блока во многом определяется выражением контрастности с помощью противопоставления глагольных форм, что особенно проявляется в использовании различных форм одного глагола (16 грамматических оппозиций) и антонимировании глаголов (9 грамматических оппозиций).

В поэтических текстах Блока встречаются противопоставления различных форм одного глагола по времени (5 грамматических оппозиции). Например:

*Но нет! Остановились руки,
Живу – с печалью на лице...
Весной по кладбищу бродила
И холмик маленький нашла.
Пусть неизвестная могила
Узнает всё, чем я жила!
(«Женщина», Август 1914)*

В примере настоящая форма глагола *живу* противопоставляется прошедшему времени *жила*. Такой временной контраст говорит о желании поэта показать действия в динамике, придать событиям глубину.

В поэтике Блока встречается также и противопоставление прошлого времени будущему, что указывает на возобновление событий, повторение описанной ситуации:

*Они прошли – светло и беспокойно,
И вновь придут – они землей даны.
(«Не жаль мне дней ни радостных, ни знойных...»,
27 июля 1901)*

Однако чаще всего поэт противопоставляет не временные формы глагола, а сами глагольные формы, усиливая их частицей не (11 грамматических оппозиций).

При такой грамматической антитезе противопоставляются:

1) вид глаголов, например:

*Здесь и там
Ветер звал и гнал погоню,
Черных масок не догнал...*
(«Здесь и там», 13 января 1907)

В данном примере поэт олицетворяет ветер, а противопоставление видов глагола гнать и добавление частицы не добавляет экспрессии описываемым событиям, указывая на несостоявшееся действие.

2) формы глагола, например:

*Ты в каких степях гуляла,
Дожидалась до звезды,
Не дождавшись, обнимала
Путь ивы у воды?*
(«В этот серый летний вечер...», 25 июня 1907)

Данный пример указывает на недостижение результата лирической героиней произведения, выразительность контраста усиливается риторическим вопросом, который придаёт произведению диалогичность, косвенно вводя «я» поэта в художественный текст.

3) возвратность глагола, например:

*Мне страшно с Тобой встречаться.
Страшнее Тебя не встречать.*
(«Мне страшно с Тобой встречаться...», 5 ноября 1902)

В данном примере контрастность усиливается и другими средствами выразительности на уровне морфологии: противопоставление личных местоимений и вводом сравнительной степени, что, как и в случае с временными формами, добавляет разнообразия и динамики действиям.

Антонимирование глаголов часто (но не всегда) сопровождается противительным союзом а:

*Сегодня – трезво торжествую,
А завтра – плачу и пою.*
(«Я коротаю жизнь мою...», 17 сентября 1910)

Контекстуально антонимированные пары глаголов в поэзии Блока практически всегда существуют в одном времени, либо употребительна неизменяемая форма глагола:

*Опять – любить Ее на небе
И изменить ей на земле.*
(«Кольцо существования тесно...», Июнь 1909)

Отметим, что в примере противопоставляются, как и в случае с частицей *не*, виды глаголов-антонимов, что добавляет выразительности тексту.

Таким образом, контрастность текста в поэзии А. Блока на грамматическом уровне выражается морфологически через противопоставления местоимённых слов (31 грамматическая оппозиция) и различных глагольных форм (25 грамматических оппозиций), которые усиливаются синтаксическими средствами выразительности, в числе которых полисиндетон, инверсия, риторический вопрос, эллипс. В собранном языковом материале можно выделить такие местоимённые противопоставления как противопоставления личного местоимения первого лица другим личным местоимениям *я – ты*, *я – мы*, *я – он* (21 грамматическая оппозиция), противопоставления личных местоимений второго и третьего лица различным местоимённым словоформам *мы – другие*, *мы – кто-то*, *ты – никто*, *она – никто* (6 грамматических оппозиций), противопоставления различных местоимённых слов *здесь – там*, *каждый – другой* (4 грамматических оппозиций). Идиостиль А. Блока во многом определяется выражением контрастности с помощью противопоставления глагольных форм, что особенно проявляется в использовании различных форм одного глагола (16 грамматических оппозиций) и антонимировании глаголов (9 грамматических оппозиций). Анализируя грамматические средства выражения контрастности в поэтических произведениях А. А. Блока, можно сделать вывод о том, что ведущим способом реализации контраста на данном уровне является противопоставление личного местоимения *я* другим местоимённым формам, что характеризуется как отличительная черта творчества Блока.

Литература

Колесников Н.П. Имена числительные в речевой культуре // Русская речь. 1997. № 6. С. 41–43.

Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. – Л.: Просвещение, 1972. 274 с.

Лукьянова Е.В. Лингвистические средства выражения контраста в пьесе Шекспира «Гамлет»: Магистерская диссертация. СПб., 2016. 85 с.

References

Kolesnikov N.P. Imena chislitel'nye v rechevoj kul'ture // Russkaya rech'. 1997. № 6. С. 41–43.

Lotman YU. M. Analiz poeticheskogo teksta. – L.: Prosveshchenie, 1972. 274 s.

Luk'yanova E.V. Lingvisticheskie sredstva vyrazheniya kontrasta v p'ese SHekspira «Gamlet»: Magisterskaya dissertaciya, Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet, 2016. 85 s.

Канд. филол. наук О.Г. Мукина (Ульяновск)

SPIN-код: 4784-7031

mukina_o@mail.ru

СИНЕСТЕЗИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ИДИОСТИЛЯ (НА ПРИМЕРЕ ЛИРИКИ В.А. ЖУКОВСКОГО)

Аннотация. В статье синестезия рассматривается как один из ключевых элементов в формировании языковой картины мира поэта; исследуется специфика функционирования синестезия в поэзии В.А. Жуковского. Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в изучении различных аспектов речевого проявления феномена синестезии в поэтической речи В. Жуковского и в возможности использования результатов исследования при изучении идиостиля поэта, при разработке спецкурсов по лингвистическому анализу его стихотворений.

Ключевые слова: индивидуальный авторский стиль, поэт, поэзия, синестезия, синестетическая конструкция

Candidate of Philological Sciences O.G. Mukina (Ulyanovsk)

SYNESTHESIA AS AN ELEMENT OF IDIOSTYLE (ON THE EXAMPLE OF THE LYRICS OF V.A. ZHUKOVSKY)

Abstract. This article discusses synesthesia as one of the key elements in the formation of the poet's linguistic picture of the world; the specifics of the functioning of synesthesia in the poetry of V.A. Zhukovsky. The theoretical and practical significance of the study lies in the study of various aspects of the speech manifestation of the phenomenon of synesthesia in the poetic speech of V. Zhukovsky and the possibility of using the results of the study in studying the poet's idiosyle, in developing special courses on the linguistic analysis of his poems.

Keywords: individual author's style, poet, poetry, synesthesia, synesthetic construction

Настоящая статья является продолжением цикла статей, посвященного исследованию специфики функционирования синестезии в идиостилях поэтов XIX–XX столетий. В данной работе рассматривается синестезия как черта индивидуального авторского стиля В.А. Жуковского.

Личность В.А. Жуковского нами выбрана не случайно, так как 9 февраля 2023 года исполнилось 240 лет со дня рождения «отца русского романтизма», поэта, переводчика, автора множества баллад, романсов, песен, эпических произведений, выдающегося человека своего времени, творчество которого оказывало огромное влияние на молодые умы того времени и актуально по сей день.

И, говоря о его поэзии, отметим, что талант В. Жуковского ярко проявляется в умелом подборе самых подходящих форм стихотворства: «Это – работа фантазии, не созидающей свои образы из ничего, а воспроизводящей их из глубины памяти: памяти о личном <...> посредством литературных формул, мотивов, образов, единиц он выражает себя, выстраивает себя, вживаясь в те или иные образы, находя в них точки соприкосновения с собственными исканиями» [Веселовский, 2016, с. 78].

И одной из таких единиц индивидуального авторского стиля В. Жуковского, при помощи которых он выражает напряженность человеческих чувств, активное восприятие мира, отношение к окружающему миру, является синестезия.

Под *синестезией* понимается процесс возникновения под влиянием раздражения одного анализатора, ощущения, характерного для другого анализатора, то есть происходит переход из одной модальности в другую (например: «малиновый звон», «ледяной взгляд» и др.) [Словарь по эстетике, 1989, с. 99].

В синестетических конструкциях является возможным объединение следующих модальностей: осязание, вкус, обоняние, слух и зрение. Следует пояснить, что «под *синестетической конструкцией* понимается объединение минимум двух знаменательных слов, оформленное по определенной грамматической модели и обозначающее сочетание обозначений минимум двух модальностей восприятия, как то: сладкий голос, ледяной взгляд и др.» [Мукина, 2019, с. 125].

Также полагаем, что целесообразно пояснить применяемый в настоящей работе термин «*идиостиль*».

Основой любого языкового явления является языковая личность. И вполне естественно, что проблема изучения текста тесно сопряжена с говорящим субъектом. Рассматривая синестезию, нельзя не отметить факт тесной зависимости синестезии и её особенностей от конкретной языковой личности. В связи с этим считаем необходимым рассмотреть понятие языковой личности.

В русской лингвистике В.В. Виноградов был одним из первых исследователей, кто ввёл в обиход научной речи термин «языковая личность». Он отмечал неразрывную связь авторства и индивидуально-авторского видения в применении различных языковых единиц.

По его мнению, «исследование следующих аспектов – индивидуальный стиль автора, его место и функции в системе литературы определенного времени, соотношение с другими стилями – дает возможность представить автора как языковую личность – личность, выраженную в языке и через язык, которую можно воссоздать на основе используемых ею языковых средств» [Виноградов, 1979, с. 178].

Понятие «языковая личность» неразрывно связано с понятием идиостиля (индивидуального стиля).

Под *идиостилем (индивидуальный стиль)* понимается «система содержательных и формальных лингвистических характеристик, присущих произведениям определенного автора, которая делает уникальным воплощенный в этих произведениях авторский способ языкового выражения» [Литературная энциклопедия терминов и понятий, 2003, с. 453].

Что касается проявления феномена синестезии в индивидуальном авторском стиле В. Жуковского, то отметим, что с помощью неё поэт фокусирует восприятие читателя и создает широкий спектр интермодальных впечатлений. И как раз синестезия «как полифункциональное явление выполняет функцию словесного рисунка и активно применяется для раскрытия особенностей внутреннего мира человека, его чувств, эмоций или окружающей действительности» [Мукина, 2016, с. 94].

С помощью синестетических конструкций создается особый авторский почерк поэта: «Снова лес и дол покрыл / Блеск туманный твой: / Он мне душу растворил / *Сладкой тишиной*» [Жуковский, 1959, т. 1, с. 289].

Добавим, что поэт, используя феномен синестезии, создаёт в своих произведениях новый мир, отличный от реальности; совершенно неповторимые образы, которые наполняют его творения разными чувствами, а также вызывают эмоциональный отклик у читателей. Синестезия, благодаря синтезу разных видов модальностей, помогает создавать целостную картину и ярко передаёт все эмоциональные переживания поэта. Так, В. Жуковский передаёт и своё отношение, открывает читателю собственное мировосприятие, ощущение: «Любовница в тоске, любовник в заточенье, – / Быть, может, некогда, нашли блаженство в нем! / Как *сладко*, разлучась, *беседовать* с пером!» [Жуковский, 1959, т. 1, с. 44].

Думается, что созданное автором сочетание «*сладко беседовать*» (вкус+слух) позволяет ярче описать явления или события, помогают раскрывать внутренний мир персонажа через то или иное состояние.

Отметим, что взаимодействие слуховой и вкусовой модальностей («*речами сладкими*», «*сладко пел*», «*сладкий глас*») широко распространено в поэтике В. Жуковского. Объясняем этот факт тем, что сочетание данных модальностей помогают создавать образы, передавать психологическое состояние, особенности мышления, взаимоотношений людей, человека и природы и др.

Синестезия поэтом используется и при отображении печальных, тягостных чувств и состояний: «Отымает наши радости / Без замены *хладный свет*; / Вдохновенье пылкой молодости / Гаснет с чувством жертвой лет» [Жуковский, 1959, т. 1, с. 357].

Широкую репрезентативность в стихотворных строках В. Жуковского имеет синестетическая конструкция типа «*осязание+слух*» как результат слияния осязательных и слуховых ощущений. Возникновение такого переноса связано, полагаем, с особенностями восприятия человеком окружающего мира; известно, что слуховое восприятие является активной «сферой-источником» в познании человеком окружающей действительности: «Бежит волна, шумит волна! / Задумчив, над рекой / Сидит рыбак; душа полна / *Прохладной тишиной*» [Жуковский, 1959, т. 2, с. 73].

В данном примере *прохлада* (осязательное ощущение) связана с *тишиной* (слуховое ощущение) – сочетание, возникшее как результат индивидуальных ассоциаций на основе синтеза ощущений и, как следствие, являющееся характеристикой индивидуального стиля поэта.

В. Жуковский в своих стихотворных строках всегда включал природу в систему своих философских взглядов с целью постичь, понять её. И он мастерски, очень тонко, «очеловечивал» её, превратив в часть своего внутреннего мира: «Как тихое светило, / Оно в твоих глазах / Меж тучами играет, / И дух не уповает / При *сладостных лучах*» [Жуковский, 1959, т.1, с. 135].

Характер соединения модальностей, обозначающих полимодальные чувства, может быть у В. Жуковского различным. В ходе наблюдений нами замечена интересная особенность идиостиля автора – обилие сложных слов (*сладкопенье, сладкогласный, прохладно-голубой* и др.). Приведём пример: «Не с ними ль свод неба слит / *Прохладно-голубой?* / Не в лоно ль их тебя манит / И лик твой молодой?» [Жуковский, 1959, т. 2, с. 99].

Согласимся с мнением исследователя Ю.А. Ахмедовой в том, что подобные синестетические конструкции, «состоящие из наречий и имен прилагательных (наречий, причастий) при дефисном написании слова отражают авторскую оценку образа, авторские впечатления, видение, ощущение мира, обладают экспрессией и эмотивностью» [Ахмедова, 2008, с. 7].

Добавим, что сложные слова обычно указывают не на обычную, традиционную и постоянную характеристику признака предмета или деятельности, а на сиюминутную, преходящую характеристику, видимую в данное время, и подобное значение художник слова употребляет для обозначения необычного и нового и чаще всего демонстрируют идиостилевые характеристики.

Данный факт применения В. Жуковским подобных сложных слов отображает процесс в развитии поэзии, определяемый исследователями как «индивидуализация лирики», когда на первый план выходит изображение конкретных, единичных и неповторимо-индивидуальных восприятий.

Считаем, что анализ синестетических конструкций в поэзии В. Жуковского был бы неполон, если не обратить внимание на функции синестезии. При их описании мы опирались на известные функции языка [Слюсарева, 2019, с. 311].

Эмотивная функция синестезии заключается в выражении индивидуальных сознательных и неосознанных реакций, мнений, чувств, эмоциональных состояний. И разного типа межчувственные переносы (осязательные, вкусовые, зрительные, обонятельные) как основа синестетических конструкций этому служат подтверждением. Приведём пример со слуховым типом синестезии, который помогает ярче раскрыть внутренние свойства персонажа, проявление различных ощущений, чувств: «Как сладко спит с прохладой растений *фимиам!* / Как *сладко* в тишине у берега струй *плесканье!*» [Жуковский, 1959, т.1, с. 47].

В воздействующей функции синестезии выделяются:

– *волюнтативная функция*, целью которой является влияние на адресата, убеждение, волеизъявление говорящего. По нашим наблюдениям, в синестетических конструкциях синестезия может служить неким усилителем волеизъявления как одно из языковых средств: «И вишням дай румяный цвет, / И позабудь *горячий свет*» [Жуковский, 1959, т. 1, с. 303].

– *экспрессивная функция* синестезии помогает раскрыть внутренний мир человека, его чувства, эмоции, то есть создаётся портрет персонажа: «Он в тени деревьев лежал, / Тихо с жизнью прощался / И при смерти *сладко пел*» [Жуковский, 1959, т. 1, с. 373].

Отметим *эстетическую функцию* синестетических конструкций. Данная функция служит для создания образной картины, понимания смысла стихотворения и «является источником дополнительных семантических эффектов в поэтическом тексте и средством создания сложных совмещённых образов» [Фортунатов, 1999, с. 125].

Резюмируя вышесказанное, заметим, что применяемая В. Жуковским синестезия, фундаментом которой служит соединение двух и более разнородных ощущений, выступает как возможность выражения субъективно-эмоционального отношения поэта к явлению, характеристикам человека и др., что доказывает антропоцентричный характер конструкций с синестезией.

Явление синестезии как результат проявления системных связей предметного мира выступает одним из важнейших и особых поэтических средств художественной системы художника слова. Поэт, формируя в своих произведениях особый мир поэтической реальности, привлекает читателя к активному процессу восприятия мира через наделённые природой пять органов чувств. Синестезия в поэзии В. Жуковского является активным посредником для яркой и выразительной передачи душевных переживаний самого поэта и широкое применение данного феномена продиктовано не столько стремлением обогатить стих, а сколько особенностями мышления и восприятия окружающего мира автором.

Наш весьма краткий анализ синестезии в творчестве В. Жуковского убедительно доказал, что синестезия является активно применяемым многофункциональным феноменом и как средство экспрессивно-изобразительного представления художественного мира поэта является одним из характерных свойств новаторства авторских ассоциаций.

Литература

Ахмедова Ю.А. Идиостиль сонетов И. Северянина из цикла «Медальоны»: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2008. 26 с.

Веселовский А.Н. В.А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 512 с.

Виноградов В.В. О языке художественной литературы. – М.: Гос. изд. худ. лит., 1979. 654 с.

Жуковский В.А. Собрание сочинений в 4 т. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1959.

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина; Ин-т науч. информации по общественным наукам РАН. – М.: Интелвак, 2003. 1600 с.

Мукина О.Г. Антропоцентрический подход к изучению синестезии в русской поэзии // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: материалы XIX международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения В.И. Кодухова / Отв. ред. А.В. Пузырёв, 2019. С. 125–127.

Мукина О.Г. Феномен синестезии в русской поэзии XIX-XX веков // Поволжский педагогический поиск. 2016. № 4 (18). С. 93-95.

Словарь по эстетике / Под ред. И.С. Кон. 4-е изд. – М.: Просвещение. 1989. 198 с.

Слюсарева Н.А. Функции языка // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Русский язык, 2019. 667 с.

Фортуатов Н.М. Эффект Болдинской осени. А.С. Пушкин: сентябрь-ноябрь 1830 года. Наблюдения и раздумья. – Н. Новгород: Деком, 1999. 304 с.

References

Akhmedova Yu.A. Idiostyle of sonnets by I. Severyanin from the cycle "Medallions": author. diss... cand. philol. Sciences. Chelyabinsk, 2008. 26 p.

Veselovsky A.N. V.A. Zhukovsky. Poetry of feeling and "cordial imagination". – М.; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2016. 512 p.

Vinogradov V.V. About the language of fiction. – М.: State. ed. thin lit., 1979. 654 p.

Zhukovsky V.A. Collected works in 4 volumes / V. A. Zhukovsky. – М.: State. Publishing House of Artists. lit., 1959.

Literary encyclopedia of terms and concepts / ed. A.N. Nikol'yukin; Inst. information on the social sciences of the Russian Academy of Sciences. – M.: Inteltvak 2003. 1600 p.

Mukina O.G. An anthropocentric approach to the study of synesthesia in Russian poetry // Language and thinking: psychological and linguistic aspects: materials of the 19th international scientific conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of V.I. Kodukhov. Managing editor A.V. Puzyrev, 2019. S. 125-127.

Mukina O.G. The phenomenon of synesthesia in Russian poetry of the 19th-20th centuries // Volga Pedagogical Search. 2016. No. 4 (18). pp. 93-95.

Dictionary of aesthetics / Ed. I.S. Con. 4th ed. – M.: Enlightenment. 1989. 198 p.

Slyusareva N.A. Language functions // Linguistic Encyclopedic Dictionary. – M.: Russian language, 2019. 667 p.

Fortunatov N.M. The effect of the Boldin autumn. A.S. Pushkin: September-November 1830. Observations and reflections. – N. Novgorod: Dekom, 1999. 304 p.

*Доктор филол. наук, канд. психол. наук А.В.Пузырев (Покров)
puzyrev-a-v@yandex.ru*

SPIN-код: 9939-4064

КТО СТАЛ РЕЖИССЁРОМ СМЕРТИ А.С.ПУШКИНА?

Аннотация. В статье обсуждается вопрос о том, кто на самом деле стал режиссёром смерти А.С. Пушкина. Последовательно рассматриваются кандидатуры на позицию режиссёра: Жорж Дантес, Жак-Тьерри-Бернгард-Анна барон фан-Геккерн, Император всея Руси Николай I, высший свет России. Автор, используя метод составленной им семиуровневой пирамиды установок, обосновывает вывод о том, что режиссёром смерти А.С.Пушкина стал сам поэт.

Ключевые слова: А.С.Пушкин, Дантес, барон Геккерн, император России Николай I, высший свет России, семиуровневая пирамида установок.

Candidate of Psychology, Doctor of Philology A. V. Puzyrev (Pokrov)

WHO BECAME THE DIRECTOR OF THE DEATH OF A.S. PUSHKIN?

Abstract. The article discusses the question of who actually became the director of the death of A.S. Pushkin. Candidates for the position of director are con-

sistently considered: Georges Dantes, Jacques-Thierry-Bernhard-Anna Baron fan-Gekkern, Emperor of All Russia Nicholas I, the highest society of Russia. The author, using the method of a seven-level pyramid of installations compiled by him, justifies the conclusion that the poet himself became the director of the death of A.S. Pushkin.

Keywords: A.S.Pushkin, Dantes, Baron Haeckern, Emperor of Russia Nicholas I, the highest society of Russia, a seven-level pyramid of installations.

Кто убил Поэта – не секрет... Это известно – его убил Дантес.

Сразу же оговорюсь, что мною активно используется замечательная книга Ю.М.Лотмана «Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя» [Ю.М. Лотман, 1983]. Изложу общую канву событий.

Дантесу нужна была связь с женщиной высшего света, тем более что было известно о его противоестественных отношениях с Геккереном, приемным сыном которого он был. Это сейчас такие отношения в СМИ часто обозначаются как естественные. Тогда люди думали иначе. Жена Пушкина на эту роль – женщины высшего света, связь с которой сделала бы известным, – Дантесу очень подходила, и он стал шумно разыгрывать любовь к жене поэта.

Пушкин вызвал Дантеса на дуэль. Тот перепугался и заявил, что ухаживал не за женой Пушкина, а за её сестрой Екатериной – страстно влюбившейся в красивого француза.

В результате вызов был отозван, а Дантес с нелюбимой и некрасивой – теперь уже женой – Екатериной на руках оказался в чрезвычайно смешном положении: семейные контакты с новоявленным родственником пушкинская семья не поддерживала.

Дантес понял, что заигрался, что в результате остался в дураках, а потому повысил ставки. Решив доказать, что его брак был не трусостью, а самопожертвованием якобы ради чести любимой женщины, он с новой силой стал преследовать Наталью Николаевну, дабы сохранить легенду о «великой страсти».

Все это ставило семью Пушкина в неудобно-оскорбительное положение. Другьям Пушкина часто казалось, что он ведет себя неразумно и излишне агрессивно. Но могла ли выдержать гордая душа поэта? – «Я могу быть поданным, даже рабом, но холопом и шутком не буду и у царя небесного...»

Дуэль состоялась. Пушкина привезли домой смертельно раненного. 29 января 1837 года в 2 часа 45 минут он скончался.

Как вспоминал И.И. Бартенев, «знать стала навещать умиравшего поэта, только прослышав об участливом внимании царя», а для посетителей уми-

рающего Пушкина в его квартире Пушкина пришлось выломать стену – так их было много...

И потому хоронили поэта тайно – дабы не вызвать беспорядков.

Кто убил Поэта – не секрет...

Но кто стал режиссёром его гибели?

– Кто стал режиссёром смерти А.С.Пушкина? Дантес?

В спектакле жизни и смерти великого поэта Дантес оказался исполнителем роли убийцы. Был ли он одновременно режиссером этой трагической драмы?

*Пустое сердце бьётся ровно,
В руке не дрогнул пистолет.*

Режиссер – это человек, в чьих интересах ситуация разворачивается и оборачивается.

Выиграл ли Дантес от того, что сыграл роль убийцы?

На первый взгляд – да. После высылки из России он сделает карьеру, будет избран мэром одного из французских городков, будет гордиться тем, что построил для жителей водопровод, провел канализацию и вообще сотворил много хороших дел. На склоне лет вообще станет сенатором Франции. Проживёт 84 года...

Всё прекрасно!.. Кроме одного.

Его старшая, любимая им дочь, любившая русский язык и, в особенности, поэзию Пушкина, однажды – из случайно попавшей в ее руки русской газеты – узнала, что ее отец является убийцей ее кумира...

Юная душа не вынесла испытания. Во время одной из ссор она крикнула отцу, что он убийца. Ненавидевший все русское, Дантес насильно отправил любимую дочь в психлечебницу, где она провела всю оставшуюся жизнь, более 20 лет, там же и умерла.

И хотя на склоне лет Дантес говорил, что он ни о чем не жалеет, все-таки трудно думать, что он совсем уж был безразличен к судьбе своей наиболее одаренной дочери, что его не посещала мысль о своеобразном возврате из иного мира того, что он содеял в России.

И еще один момент.

В материале Екатерины Сажневой, опубликованном в газете «Московский комсомолец» (№ 25860 от 4 февраля 2012), рассказывается об одном из потомков Жоржа Дантеса, бароне Лотере де Геккерне. Тот пишет стихи и одну из своих книжек даже назвал «Погибнуть вместе с Пушкиным».

Праправнук доказывает, что прапрадедушка был хороший, что у него не было выбора, что он горячо любил Наталью Николаевну, жену Пушкина. И

что, вообще, было бы хорошо, чтобы она тайком отдалась Дантесу, избегая всякой огласки.

А с праправнуком обошлись некрасиво, когда – в его приезд в Москву к потомкам Пушкина – перед носом захлопнули дверь со словами «Пушкины Дантесов не принимают!»

Несправедливо как-то обошлись с потомком Жоржа Дантеса!

Режиссёр такого развития событий не мог допустить, а потому Режиссёром-исполнителем в одном лице Дантес не был точно.

Остаётся тот же самый вопрос... Кто?..

Мог ли оказаться режиссером трагичной смерти Пушкина Жак-Тьерри-Бернгард-Анна барон фан-Геккерн?

Это ему адресовал строки своего письма А.С. Пушкин:

«Я вынужден признать, барон, что ваша собственная роль была не совсем прилична. Вы, представитель коронованной особы, вы отечески сводничали вашему сыну. По-видимому, всем его поведением (впрочем, в достаточной степени неловким) руководили вы. Это вы, вероятно, диктовали ему пошлости, которые он отпускал, и нелепости, которые он осмеливался писать. Подобно бесстыжей старухе, вы подстерегали мою жену по всем углам, чтобы говорить ей о любви вашего незаконнорожденного или так называемого сына; а когда, заболев сифилисом, он должен был сидеть дома, вы говорили, что он умирает от любви к ней; вы бормотали ей: верните мне моего сына» [А.С. Пушкин, 1949, т. X, с. 878].

В начале 30-х годов 19 века Геккерн был голландским дипломатом в России. Его заметности способствовал брак голландского наследника престола – принца Оранского – с Анной Павловной, родной сестрой Николая I.

Но в результате трагичной для Пушкина дуэли с Дантесом Геккерн только потерял: он был изгнан из Петербурга без традиционно принятой прощальной аудиенции.

Геккерну выдали «прощальную» золотую табакерку «с портретом его императорского величества в 12 000 рублей», хотя посланник не был отозван своим правительством и официально уезжал только в отпуск.

После дуэли и смерти Пушкина Николай отправил письмо Вильгельму Оранскому, где трактовал поведение Геккерна «гнусным».

Это письмо произвело сильное впечатление в Голландии, и опытный дипломат в течение нескольких лет пребывал в отставке – в глазах обоих дворов он был «обесчещен». Решительно против него было и общественное мнение.

Геккерн был гнусным, но не глупым человеком. Он не мог не понимать страшных для него последствий дуэли Пушкина с Дантесом, его приемным сыном, с которым сам состоял в педерастических отношениях!

«Страсть» Дантеса к жене Пушкина служила для отвода глаз у светского общества от его педерастии.

Поведение Геккерна – одна из причин смерти Пушкина.

Но на роль режиссёра этой смерти Жак-Тьерри-Бернгард-Анна барон фан-Геккерн не мог претендовать по определению.

Так кто же был режиссером?

Мог ли оказаться режиссером трагичной смерти Пушкина Император всея Руси Николай I?

Именно такую точку зрения мне в бытность мою учеником проповедовали в школе – типа, это Николай I относился к Пушкину как вольнодумцу и еретику, как к человеку, причастному к декабристам, а потому организовал его смерть.

Здесь и далее, при обсуждении обстоятельств трагической смерти великого поэта, используются главным образом материалы книги «А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2-х томах. Т. 2» (1974).

Версия о режиссуре смерти поэта Николаем I высказывалась еще современниками: «Подозревают другую причину. Жена Пушкина была фрейлиной <(!)> при дворе, так думают, что не было ли у ней связей с царем. Из этого понятно будет, почему Пушкин искал смерти и бросался на всякого встречного и поперечного. Для души поэта не оставалось ничего, кроме смерти» [А.С. Пушкин в воспоминаниях современников, 1974, с. 482].

Но факты неоспоримо свидетельствуют о другом.

Во-первых, многие современники отмечали подчёркнуто доброжелательное отношение Николая I к Пушкину [А.С. Пушкин в воспоминаниях современников, 1974, с. 38–39; 58 и др.].

Во-вторых, наиболее очевидным образом расположение императора проявилось после смерти А.С.Пушкина [А.С. Пушкин в воспоминаниях современников, 1974, с. 507]:

30 января Николай I передал Жуковскому следующую записку о «милостях» семье Пушкина: «1. Заплатить долги. 2. Заложенное имение отца очистить от долга. 3. Вдове пенсия и дочери <то есть дочерям> по замужеству. 4. Сыновей в пажи и по 1500 р. на воспитание каждого по вступлении на службу. 5. Сочинения издать на казенный счет в пользу вдовы и детей. 6. Единовременно 10 т. <тысяч>» (Щеголев, с. 222) [А.С. Пушкин в воспоминаниях современников, 1974, с. 507].

В-третьих, милости императора семье Пушкина были настолько велики, что:

1. Вызвали размежевание высшего света на две части: одна из них, патриотическая и прогосударственная, всецело поддерживала позицию А.С.Пушкина, другая, пролиберальная и прозападная, – Геккерн и Дантеса.

2. У второй (меньшей по количеству, но весьма значимой по «качеству») части высшего света вызвали чуть ли не возмущение. В статье *А.В. Гадаева* «А.С. Пушкин и его отношение к деньгам» *приводится мнение* гофмейстера и знакомого с Пушкиным Павла Дурново, считавшего, что такая трата со стороны монарха – «это уж слишком».

3. Не всем известно, что в материалах Военно-судного дела 1837 года «Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккереном» (нетрудно найти в Интернете) великий поэт 11 марта 1837 года (№ 16) именуется «камер-юнкером», а под № 307 того же числа – камергером. Получается так, что уже в ходе следствия по чьему-то повелению социальный статус А.С. Пушкина был доведен до генеральского уровня.

Вполне возможно, что это – посмертное – повышение императором социального статуса А.С. Пушкина послужило официальным основанием для беспрецедентных мер поддержки пушкинской семьи.

Думаю, уже только эти простые факты делают неадекватным и не соответствующим реальности представление об организации смерти А.С. Пушкина российским императором. К своим врагам любая власть так не относится. Так кто же был режиссером пушкинской смерти?

«Режиссером гибели Пушкина стал высший свет!»; «Пушкина погубил высший свет!» – суждения такого или подобного рода в пушкиноведении фигурируют достаточно часто.

В каком-то смысле с подобными суждениями коррелирует поэтическое обращение лермонтовского послания «Смерть поэта»:

*А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправили обломки
Игрою счастья обиженных родов!..*

Такое мнение в какой-то степени верно, но все-таки не полностью. «Высший свет» являл собой вовсе не однородное образование. И по отношению к Пушкину это суждение достоверно абсолютно.

С одной стороны, Пушкин считал себя по праву принадлежащим светскому миру, где, в частности, встречал самое тёплое к себе отношение – в салонах Е.М. Хитрово, Фикельмон, в литературном салоне кн. В.Ф. Одоевского...

Вот, например, воспоминание Л.Н. Обера о проказе Пушкина в салоне Зинаиды Волконской: «На этих вечерах любимую забавою молодежи была игра в шарады. Однажды Пушкин придумал слово; для второй части его нужно было представить переход евреев через Аравийскую пустыню. Пушкин взял себе красную шаль княгини и сказал нам, что он будет изображать «скалу в пустыне». Мы все были в недоумении от такого выбора: живой, остроумный Пушкин захотел вдруг изображать неподвижный, неодушевленный предмет. Пушкин взобрался на стол и покрылся шалью. Все зрители уселись, действие началось. Я играл Моисея. Когда я, по уговору, прикоснулся жезлом (роль жезла играл веер княгини) к скале, Пушкин вдруг высунул из-под шали горлышко бутылки, и струя воды с шумом полилась на пол. Раздался дружный хохот и зрителей, и действующих лиц. Пушкин соскочил быстро со стола, очутился в минуту возле княгини, а она, улыбаясь, взяла Пушкина за ухо и сказала: «Mauvais sujet que vous êtes, Alexandre, d'avoir représenté de la sorte le rocher» («Этакий вы плутишка, Александр, – как вы изобразили скалу»)» [А.С.Пушкин в воспоминаниях современников, 1974, с. 387].

С другой стороны, против Пушкина существовал настоящий светский заговор, составленный прямыми врагами поэта. Этому способствовали во многом консервативные взгляды Пушкина, с отвращением относившегося к педерастии.

Еще со школьной парты мне запомнилась пушкинская эпиграмма:

*В Академии наук
Заседает князь Дундук.
Говорят, не подобает
Дундуку такая честь;
Почему ж он заседает?
Потому что ж*на есть.
(Вариант – Потому что есть чем сесть.)*

По малолетству я когда-то думал, что поэт высмеивает М.А. Дондукова-Корсакова за широкие размеры ж*пы.

Всё оказалось сложнее и интереснее.

Пушкин однажды записал у себя в дневнике:

«Уваров большой подлец. Он кричит о моей книге как о возмутительном сочинении. Его клевет Дундуков (дурак и бардаш) преследует меня своим ценсурным комитетом. Он не соглашается, чтоб я печатал свои сочинения с одного согласия государя. Царь любит, да псарь не любит».

Здесь интересно существительное «бардаш». По звучанию оно близко и родственно слову «бардак» в значении ‘бордель, публичный дом’. Очевидно, что Пушкин уподобил здесь князя «Дундукова» с женщинами, обслуживающими мужчин в публичных домах, ср.: «потому что ж*па есть». Это пушкинское восприятие князя устойчиво. В письме к Бенкендорфу он называет князя «урожденный Корсаков». Если учесть, что прилагательное «урождённая» применялось по отношению только к девушкам, то никаких сомнений в педерастичности князя у Пушкина не было.

Что в сухом остатке имеется?

Против Пушкина ополчились: педераст князь М.А. Дондуков-Корсаков, его со-полюбовник граф С.С.Уваров, педерасты Геккерн и Дантес (о двух последних уже говорилось), группировавшиеся вокруг графини Нессельроде.

Следует прибавить к этому перечню и влиятельнейшего чиновника, князя А.Н. Голицина, обер-прокурора Священного синода. Как известно, все педерасты стремятся к «просвещению народа» (ситуация в этом смысле ничуть не изменилась), и по законам жанра А.Н.Голицын отвечал за духовность и народное просвещение.

Этому последнему была посвящена известная пушкинская эпиграмма:

*Вот Хвостовой покровитель,
Вот холопская душа,
Просвещения губитель,
Покровитель Бантыша!
Напирайте, бога ради
На него со всех сторон!
Не попробовать ли сзади?
Там всего слабее он*

А.С. Пушкин – с его идеей прочного семейного Дома («...да щей горшок, да сам большой») – был этим педерастам ненавистен.

Из этой ненависти, по моему убеждению, и растут ноги у того пасквиля – «Диплома рогоносцев», который был получен Пушкиным по почте.

Текст «Диплома рогоносцев» гласил: «Полные кавалеры, Командоры и кавалеры Светлейшего Ордена Всех Рогоносцев, собравшихся в Великом Капитуле под председательством достопочтенного Великого Магистра Ор-

дена Его Превосходительства Д.Л.Нарышкина, единодушно избрали г-на Александра Пушкина коадьютором Великого магистра Ордена Всех Рогоносцев и историографом Ордена. Непременный секретарь граф И. Борх».

Когда Пушкин показал этот диплом своей жене – Наталье Николаевне, та просто посмеялась и не придала никакого значения. Посмеялась потому, что никакого отношения к реальности этот диплом не имел.

В чём состояла оскорбительность «Диплома рогоносцев»?

В том, что Поэт обозначался в качестве «заместителя» Д.Л. Нарышкина, жена которого была многолетней любовницей императора Александра I и матерью их общих детей, которые получили фамилию Нарышкиных.

Тем самым автор пасквилья клеветнически намекал на то, что Пушкин, играет такую же роль при дворе Николая I, как и Д.Л.Нарышкин при дворе Александра I. Для клеветы оснований не было, но она больно ранила Пушкина. Еще в 1828 г. в набросках «Гости съезжались на дачу» он писал: «Злословие даже без доказательств оставляет почти вечные следы. В светском уложении правдоподобие равняется правде, а быть предметом клеветы — унижает нас в собственном мнении».

«Диплом рогоносцев» оскорблял и достоинство императора Николая I, поскольку намекал на его якобы безнравственность.

Следует согласиться с мнением Ю.М. Лотмана, озвученным в статье В.С. Баевского: «"Пушкин пал жертвой заговора педерастов", – сказал мне Ю. Лотман в одном разговоре» [В.С. Баевский, 2002].

Заговор педерастов против Пушкина реально существовал, и это уже пушкинское послание к потомкам – как следует относиться к идее гомосексуализма.

Заговор педерастов против Пушкина был, но были ли они режиссёрами пушкинской смерти? Судя по тому, что ожидания многих из них не исполнились – ответ на этот вопрос скорее отрицательный, нежели положительный.

Так кто же был режиссёром?

Для того чтобы адекватно ответить на вопрос, кто же именно был режиссёром пушкинской смерти, следует привлечь такой метод познания, как семиуровневая пирамида установок, см. рис. 1 (более подробно см. [А.В. Пузырёв, 2009; А.В. Пузырёв, 2011; А.В. Пузырёв, 2014; А.В. Пузырёв, 2015; А.В. Пузырёв, 2016], а также на сайте www.puzurev-a-v.ru).

Рис. 1. Уровни установок и потребностей

Кто более всех выиграл от пушкинской смерти – если воспользоваться методом семиуровневой пирамиды установок? Именно он и окажется режиссёром смерти гения.

Выберем путь не снизу вверх, а сверху вниз: от интегративного – через принципиальный, социальный, этнический, межличностный, личностный уровни установок – к физическому плану их выражения.

Кто более всех выиграл **на высшем**, космическом, интегративном **уровне установок?**

Здесь двух мнений быть не может – сам Пушкин. После его гибели всем стало ясно, что «Пушкин – солнце русской поэзии», что «Пушкин – наше всё».

И Пушкин это – своё посмертное бессмертие – осознавал безусловно:

*Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
 Мой прах переживет и тленья убежит –
 И славен буду я, доколь в подлунном мире
 Жив будет хоть один пиит.*

Кто более всех выиграл **на принципиальном уровне установок?** – Конечно, Пушкин!

Своей смертью он показал современникам, что слово «честь» для него не пустой звук – это вам не правнук убийцы, который искренне считает, что

было бы лучше, если бы Наталья Николаевна тайком отдалась Дантесу, избегая всякой огласки.

Он показал наглядно, что является воплощением своих жизненных принципов.

Наталья Николаевна Гончарова-Пушкина – в этом, принципиальном плане – не уступала своему мужу. Выслушав однажды на балу в Дворянском собрании домогательства Геккерн, желавшего устроить романчик для своего «сына» Дантеса, с которым находился в педерастических отношениях, она ему ответила:

«Допустим, что мой муж виноват передо мною. Допустим даже, что мое увлечение вашим сыном так сильно, что, отуманенная им, я могла бы изменить священному долгу, но вы упустили из виду одно: я мать! У меня четверо маленьких детей. Покинув их в угоду преступной страсти, я стала бы в собственных глазах самая презренная из женщин. Между нами все сказано, и я требую, чтобы вы меня оставили в покое» [А.П. Арапова, 2014].

Как свидетельствует ее дочь, Жак-Тьерри-Бернгард-Анна барон фан-Геккерн был единственный человек, к которому Наталья Николаевна питала презрение и вражду до последних дней своей жизни. Формула «Пушкины Дантесов не принимают» во многом родилась из жизненных принципов Натальи Николаевны.

На социальном уровне установок наиболее выигравшим тоже стал сам поэт.

Во-первых, он – своей дуэлью – отстаивал интересы первичной ячейки общества. И отстоял успешно. После дуэли Дантес и Геккерн были высланы из России. И это отношение поэта: «Пушкины Дантесов не принимают», – сохранилось и после его смерти, спустя не одно столетие.

Во-вторых, он – своей дуэлью – решил нависавшие тяжелой тучей финансовые проблемы семьи: царь повелел закрыть все долги Пушкина (а их было ни много ни мало намного более отнюдь не сегодняшних ста тысяч рублей – корова тогда стоила 6–12 руб. серебром). Семья Пушкина получила беспрецедентные по тем временам финансовые преференции.

В-третьих, своей дуэлью он – косвенным образом – выступил в защиту честного имени императора, поскольку «Диплом рогоносцев» намекал на безнравственность Николая I. С этим отчасти связана посмертная финансовая поддержка пушкинской семьи. Иными словами, Пушкин показал себя государственным, и государство – в лице императора – не могло не отреагировать соответствующим образом.

На уровне этнических установок в наибольшей степени выиграл тоже Пушкин. Его смерть подняла волну государственного патриотизма. Об этом,

в частности, писал А.И.Тургенев своему брату Николаю 31 января 1837 года: «Публика ожесточена против Геккерна, и опасаются, что выбьют у него окна» [А.С. Пушкин в воспоминаниях современников, 1974, с. 400].

По свидетельству одного из современников, «стену в квартире Пушкина выломали для посетителей» [А.С. Пушкин в воспоминаниях современников, 1974, с. 317].

Цитирую Ю.М. Лотмана:

«У гроба Пушкина побывало неслыханное число людей. Жуковский осторожно назвал перепуганному Бенкендорфу цифру 10 000 человек, но другие источники называют 20 000 (С.Н. Карамзина) или 50 000 (прусский посол Либерман)» [Ю.М. Лотман, 1983, с. 249].

Именно этот момент – повышение этнического сознания – зафиксировал В.А.Жуковский в своём письме к А.Х. Бенкендорфу от 25 февраля – 8 марта 1837 г.:

«Если бы Пушкин умер после долговременной болезни или после быстрого удара, о нем бы пожалели, общее чувство национальной потери выразилось бы в разговорах, каких-нибудь статьях, стихами или прозою; в обществе поговорили бы о нем и скоро бы замолчали, придав его памяти современников, умевших ценить его высокое дарование, и потомству, которое, конечно, сохранит к нему чистое уважение. Но Пушкин умирает, убитый на дуэли, и убийца его француз, принятый в нашу службу с отличием; этот француз преследовал жену Пушкина и за тот стыд, который нанес его чести, еще убил его на дуэли. Вот обстоятельства, поразившие вдруг все общество и сделавшиеся известными во всех классах народа, от Гостиного двора до петербургских салонов. <...> Весьма естественно, что, после того как распространилась в городе весть о гибели Пушкина, поднялось много разных толков; весьма естественно, что во многих энтузиазм к нему как к любимому русскому поэту оживился безвременно трагической смертью (в этом чувстве нет ничего враждебного; оно, напротив, благородное и делает честь нации, ибо изъявляет, что она дорожит своею славою); весьма естественно, что этот энтузиазм, смотря по разным характерам, выражался различно, в одних с благоразумием умеренности, в других с излишнею пылкостью; в других, и, вероятно, во многих, было соединено с негодованием против убийцы Пушкина, может быть, и с выражением мщения. Все это в порядке вещей, и тут еще нет ничего возмутительного [А.С. Пушкин в воспоминаниях современников, 1974, с. 364, 365].

В плане **установок межличностного уровня** Пушкин только выиграл. Умирая, Пушкин завещал Наталье Николаевне носить траур по нему два года. А уж потом она была вольна распоряжаться своею женской судьбой.

Вдова поэта носила траур 7 лет... А в письме сестре Александре Николаевне – много-много лет спустя – она по-прежнему называла Геккерна «виновником ее несчастья», «своим злейшим врагом».

Если обратиться к **личностному уровню установок**, то придётся признать, что смерть Пушкина стала величайшим творческим актом гениального поэта. Опять сошлюсь на Ю.М.Лотмана:

«Даже друзья, хорошо знавшие Пушкина с детства и еще вчера видевшие, в первую очередь, его человеческие слабости, поучавшие, бранившие, "отвращавшие лицо", вдруг почувствовали, что Пушкин в какое-то мгновение, преображённый смертью, превратился в бронзовый памятник славы России» [Ю.М. Лотман, 1983, с. 249].

И потому физические страдания (**физический уровень установок**) Пушкин переносил стоически. Что есть физическая смерть, если тебя ожидает бессмертие?

На вопрос: кто же именно стал режиссёром смерти А.С. Пушкина? – мы должны ответить однозначно: им стал сам поэт.

И возникает другой вопрос: почему он решил стать режиссёром такого рода? Но это уже вопрос, требующий специального обсуждения.

Почему он им стал?

До сих пор ничего не говорилось о предсказании Шарлотты Кирхгоф, известной тогда в Петербурге гадалки.

С.А. Соболевский пишет:

– Предсказание было о том, во-первых, что он скоро получит деньги; во-вторых, что ему будет сделано неожиданное предложение; в-третьих, что он прославится и будет кумиром соотечественников; в-четвертых, что он дважды подвергнется ссылке; наконец, что он проживет долго, если на 37-м году возраста не случится с ним какой беды от белой лошади, или белой головы, или белого человека (weisser Ross, weisser Kopf, weisser Mensch), которых и должен он опасаться [А.С. Пушкин в воспоминаниях современников, 1974, с. 5–6].

Первое предсказание – о письме с деньгами – сбылось в тот же вечер. При возвращении домой Пушкин нашёл совершенно неожиданное письмо от лицейского товарища – о высылке карточного долга, про который сам Пушкин давно успел забыть.

Затем стали исполняться и другие предсказания.

Слова гадалки Пушкин запомнил. Современники вспоминают, что Пушкин нередко повторял ее слова. Перед предполагавшейся его дуэлью с Толстым-американцем он так и говорил: «Этот меня не убьет, а убьет белокурый».

Поскольку первые четыре предсказания к 1836-му году исполнились (причем первое предсказание о письме с деньгами сбылось в тот же вечер), Пушкин не мог не ожидать исполнения пятого по счету предсказания – о том, что «он проживет долго, если на 37-м году возраста не случится с ним какой беды от белой лошади, или белой головы, или белого человека».

Не мог не ожидать потому, что сам неоднократно рассказывал о предсказании гадалщицы – причем при тех лицах, которые присутствовали при самом гадании.

И вот пришёл 1836–1837 год, для Пушкина полный драматических переживаний. Обстоятельства этих лет я уже описывал.

Дантес и оказался «белым человеком с белой головой и белой лошады».

И Пушкин пришёл к точке бифуркации – к точке выбора между жизнью и смертью. Прожить долго, делая вид, что ничего страшного и необычного не происходит (и умереть естественной, почти незаметной смертью). Или поставить точку в своей жизни – и, разом решив все жизненные трудности (напомню, что его долги давно перевалили за сотню тысяч рублей), уйти в бессмертие, оставшись в памяти потомков человеком чести, отстаивавшим достоинство русского человека перед совсем охамевшими в России иностранцами.

И поэт принял решение. Он сам стал режиссёром своей смерти. Пушкин предпочел бессмертие...

Литература

Арапова А.П. Гончарова и Дантес. Семейные тайны / Сост. Т.И. Маршковой. – М.: Алгоритм, 2014. 240 с.

А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2-х т. / Под общ. ред. В.В. Григоренко и др. Т. 2; вступит. статья В.Э. Вацура; подготовка текста, сост. и прим. В.Э. Вацура и др. – М.: Худож. лит., 1974. 560 с. (Серия литературных мемуаров).

Баевский В. Новые документы о жизни и смерти Пушкина // Вопросы литературы. 2002. № 2. С.135–156.

Лотман Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя: Пособие для учащихся. – Л.: Просвещение, 1983. 255 с., ил. (Серия: Биография писателя).

Пузырёв А.В. Пирамида установок и способ определения созидательного или разрушительного характера текста массовой песни // Психология XXI столетия: Теория. Эксперимент. Социальная практика: Материалы Между-

народного конгресса (Кострома, 10–13 сентября 2009 года). Т. II. М.; Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2009. С. 346–352.

Пузырёв А.В. Пирамида установок и экспертная оценка художественного текста // Седьмая волна психологии. Вып. 8: Сборник по материалам 10 международной научно-практической конференции «Интегративная психология: теория и метод» / Ред. В.В. Козлов. Ярославль: ЯрГУ, 2011. С. 278–284.

Пузырёв А.В. Законы судьбы в аспекте пирамиды установок (на материале сериала «Игра престолов») // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: Материалы XIV-й Международной научной конференции (Ульяновск, 13–16 мая 2014 г.) / Отв. ред. проф. А.В. Пузырёв. М.: Ин-т психологии РАН, Ин-т языкознания РАН, Институт русского языка РАН; Ульяновск: Ульяновский гос. ун-т, 2014. С. 101-113. (В соавт.: И.С. Гуренко, Е.В. Чанаева).

Пузырёв А.В. Установка *болеть* как социально-психологическое явление: Автореф. ... канд. психол. наук: 19.00.05. – М.: МГОУ, 2015. 25 с.

Пузырёв А.В. Онтогенез пирамиды установок // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: Материалы XVI-й Международной научной конференции (Орехово-Зуево, 11-13 мая 2016 г.) / Отв. ред. проф. А.В. Пузырёв. – М.: Ин-т языкознания РАН; Орехово-Зуево: ГОУ ВО МО «Государственный гуманитарно-технологический университет», 2016. – С. 30–42.

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.

Сажнева Ек. Лотер, праправнук Дантеса, так и не смог объясниться с потомками Пушкина // Московский комсомолец. № 25860, от 04.02. 2012 г.

References

Arapova A.P. Goncharova i Dantes. Semejnye tajny / Sostavlenie T. I. Marshkovej. – М.: Algoritm, 2014. 240 s.

A. S. Pushkin v vospominaniyah sovremennikov: V 2-h tomah / Pod obshch. red. V. V. Grigorenko i dr. T. 2. Vst. stat'ya V. E. Vacuro. Podgotovka teksta, sost. i prim. V. E. Vacuro i dr. – М.: Hudozh. lit., 1974. 560 s. (Seriya lite-raturnyh memuarov)

Baevskij V. Novye dokumenty o zhizni i smerti Pushkina // Voprosy literatury. М., 2002. № 2. S.135–156.

Lotman YU. M. Aleksandr Sergeevich Pushkin. Biografiya pisatelya: Posobie dlya uchashchihsya. – L.: Prosveshchenie, 1983. 255 s., il. (Seriya: Biografiya pisatelya).

Puzyryov A.V. Piramida ustanovok i sposob opredeleniya sozidatel'no-go ili razrushitel'nogo haraktera teksta massovoj pesni // Psihologiya XXI stoletiya: Teoriya. Eksperiment. Social'naya praktika. Materialy Mezhdunarodnogo kongressa (Kostroma, 10–13 sentyabrya 2009 goda). T. II. M.; Kostroma: KGU im. N.A.Nekrasova, 2009. S. 346–352.

Puzyryov A.V. Piramida ustanovok i ekspertnaya ocenka hudozhestvenno-go teksta // Sed'maya volna psihologii. Vyp. 8 : Sbornik po materialam 10 mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Integrativnaya psiho-logiya: teoriya i metod» / Red. Kozlov V.V. YAroslavl' : YArsGU, 2011. S. 278-284.

Puzyryov A.V. Zakony sud'by v aspekte piramidy ustanovok (na materiale seriala «Igra prestolov») // YAzyk i myshlenie: Psihologicheskie i lingvisticheskie aspekty: Materialy XIV-j Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Ul'yanovsk, 13-16 maya 2014 g.) / Otv. red. prof. A.V. Puzyryov. M.: In-t psihologii RAN, In-t yazykoznaniya RAN, Institut russkogo yazyka RAN; Ul'yanovsk: Ul'yanovskij gos. un-t, 2014. S. 101-113. (V soavtorstve: I.S.Gurenko, E.V.CHanaeva).

Puzyryov A.V. Ustanovka bolet' kak social'no-psihologicheskoe yavle-nie : Avtoreferat ... kand. psihol. nauk / spec. 19.00.05 – social'naya psihologiya (psihologicheskie nauki). – M.: MGOU, 2015. 25 s.

Puzyryov A.V. Ontogenez piramidy ustanovok // YAzyk i myshlenie: Psihologicheskie i lingvisticheskie aspekty: Materialy XVI-j Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Orehovo-Zuevo, 11-13 maya 2016 g.) / Otv. red. prof. A.V. Puzyryov. – M.: In-t yazykoznaniya RAN; Orekhovo-Zuevo: GOU VO MO «Gosudarstvennyj gumanitarno-tekhnologicheskij universitet», 2016. – S. 30–42.

Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenij: V 10-ti tomah. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1949.

Sazhneva Ek. Loter, prapравnuk Dantesа, tak i ne smog ob"yasnit'sya s potomkami Pushkina // Moskovskij komsomolec. № 25860, ot 04.02. 2012 g. – <https://www.liveinternet.ru/users/5130314/post384181521>.

Доктор филол. наук Г.Г. Хисамова (Уфа)
galiya.khisamova@yandex.ru

SPIN-код: 9133-6564

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ЛИРИКЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

Аннотация. Вопросительные предложения, будучи действенным средством художественной выразительности, имеют большое значение в русской классической поэзии, особенно в поэзии романтиков. Статья посвящена вы-

явлению особенностей функционирования вопросов в лирике М.Ю. Лермонтова. Определяется функционально-семантическая природа вопроса с учетом эмоционально стилистической характеристики поэтического контекста.

Ключевые слова: поэтический текст, собственно вопросы, риторические вопросы, медитативные вопросы, М.Ю. Лермонтов.

Doctor of Philology Khisamova Galiya Gilmullovna (Ufa)

THE FUNCTIONING OF INTERROGATIVE SENTENCES IN THE LYRICS OF M.Y. LERMONTOV

Abstract. Interrogative sentences, being an effective means of artistic expression, are of great importance in Russian classical poetry, especially in the poetry of romantics. The article is devoted to identifying the features of the functioning of questions in the lyrics of M.Yu. Lermontov. The functional-semantic nature of the question is determined taking into account the emotional-stylistic characteristics of the poetic context.

Keywords: poetic text, actual questions, rhetorical questions, meditative questions, M. Yu. Lermontov.

Вопросительные предложения изучаются в языкознании в разных аспектах, так как синтаксическая и коммуникативная природа вопроса сложна и по-разному трактуется в лингвистической литературе (В.В. Бабайцева, Л.Ф. Бердник, И.М. Кобозева, И.П. Распопов, П. Рестан и др.).

Однако еще недостаточно освещен факт зависимости семантики вопросов от сферы их применения, в частности в поэтическом тексте, ибо специфика стихотворного языка во многом определяется его синтаксической организацией [Акимова, 1997, с. 96].

Вопросительные предложения, будучи действенным средством художественной выразительности, имеют большое значение в русской классической поэзии, особенно в поэзии романтиков. Высокой частотностью употребления они обладают в поэзии М.Ю. Лермонтова [Максимов, 1959, с.132].

Цель статьи – определить функции вопросительных предложений в поэтической речи М.Ю. Лермонтова.

Вопросительные предложения используются как средство общения между людьми, поэтому главная функция вопросов – логическая (смысловая). Генетически вопрос выражает стремление говорящего выснить что-либо для него неизвестное. Такие вопросительные предложения получили название собственно вопросительных. Собственно

вопросительные предложения заключают в себе вопрос, предполагающий обязательный ответ. Наряду с вопросами, нуждающимися в ответе, существуют вопросы, ответа не требующие. В этом случае вопрос либо своей семантикой выражает ответ (риторический вопрос), либо выступает как специфическая форма лирического размышления (медитативный вопрос) [Ахманова, 1966, с. 113; Бабайцева, 2015, с. 179; Калинина, 2010, с. 161].

Собственно вопросительные предложения употребляются в говорном стихе, в диалогах персонажей:

*Галуб прервал мое мечтанье,
Ударив по плечу, он был
Кунак мой; я его спросил,
как месту этому названье?*

*Он отвечал мне: Валерик,
А перевесть на ваш язык,
Так будет речка смерти, верно,
Дано старейшими людьми.*

*– А сколько их дралось примерно
Сегодня? – Тысяч до семи.
– А много горцы потеряли?
– Как знать? – зачем вы не считали?
(«Валерик»)*

Будучи особой формой мысли, медитативные вопросы используются как специфическая лирического размышления. В отличие от собственно вопросительных предложений ответ на них не дается, а в отличие от риторических и не подразумевается:

*Зачем я не птица, не ворон степной,
Пролетевший сейчас надо мной?
Зачем не могу в небесах я парить
И одну лишь свободу любить?
(«Желание»)*

Медитативные вопросы встречаются в напевных и говорных стихах поэта. Характерно употребление медитативных предложений в элегиях, думах,

выражающих грустные лирические размышления по поводу различных сторон человеческой жизни:

*На то ль он жил и меч носил,
Чтоб в час вечерной мглы
Слетались на курган его
Пустынные орлы?*
(«Могила бойца»)

Мелодическая упорядоченность данной строфы создается при помощи вопросительной интонации. Медитативные вопросы могут определять тему рассуждений лирического героя:

*Никто, никто, никто не усладил
В изгнаныи сем тоски мятежной!
Любить? – три раза я любил.
Любил три раза безнадежно.*

Медитативные вопросы употребляются не только в поэзии, но и в прозе. Они привносят в текст художественной прозы лирическое начало: *Сердце мое болезненно сжалось, как после первого расставания. О, как я обрадовался этому чувству! Уж не молодость ли со своими благотворными бурями хочет вернуться ко мне опять, или это только ее подарок – на память?.. А смешно подумать...* («Герой нашего времени»). Однако в прозе эти вопросы не столь частотны, как в поэзии [Юханов, 2011, с. 78].

Лиризм Лермонтова и все направление его поэзии определяется общим характером утверждения или отрицания [Фохт, 1975, с. 23].

Чередование и сплетение утверждений и отрицаний выражается не только тематической и лирической тональностью стихов поэта, но также и семантикой предложений риторического вопроса.

Среди предложений риторического вопроса различаются две структурно-семантические группы:

а) предложения со значением категорического утверждения:

*Кто не знавал таких ночей
В ущельях гор или степей?*
(«Люблю я цепи синих гор»)

б) предложения со значением категорического отрицания:

*Убит!... к чему теперь рыдания,
Пустых похвал ненужный хор
И жалкий лепет оправданья?
(«Смерть поэта»)*

Вопросительные предложения, помимо логической функции, могут выполнять и аффективную функцию, связанную с выражением эмоционально окрашенных оттенков значений.

Медитативные вопросы могут выражать эмоционально насыщенное раздумье; риторический вопрос, выражающий суждение, уже своей формой вводит в структуру стиха эмоциональный момент; в собственно вопросительных предложениях вопрос может сопровождаться добавочными оттенками эмоционального и модального характера: восторга, радости, удивления, негодования, недоверия и т.д.

Выражая сложный мир человеческих отношений, вопросительные предложения привносят в текст тончайшие оттенки поэтического смысла, делают речь стиха более взволнованной:

*Какое право им дано
Шутить святынею моею?
Когда коснуться я не смею,
Ужели им позволено?
Как я, ужель они искали
Свой рай в тебе одной? – едва ли!
(«Стансы»)*

Слова и группы слов в предложении располагаются в соответствии с его актуальным членением, в вопросительном предложении обычно присутствует «субъективный» (по В. Матезиусу) порядок слов: рема предшествует теме, и общая интонация фразы приобретает эмфатический характер. В некоторых стихах в структуру вводится неожиданная пауза, которая графически изображается многоточием. Речь лирического героя становится прерывистой и наполняется новым эмоциональным содержанием:

*Но... для чего старались они
Так отравить ребяческие дни?
(«1830 год июля 15-го»)*

Следовательно, стилистические и интонационные средства создают образно-художественную выразительность вопросов. Стремление к эмоционально-лирическому воздействию стиха объясняется индивидуальностью творческой манеры Лермонтова, поэта-романтика.

Вопросительные предложения в лирических стихах выполняют структурно-организующую функцию. Они участвуют в композиции произведения. Одно предложение или целые каскады вопросов оформляют строфы, периоды, из которых состоят лирические стихи:

*Может ли любви страданье,
Нина! Некогда пройти?
Бури света волнованье
Чувств горячих унести?
Иль умрет небесный жар,
Как земли ничтожный дар?
(«К Нине»)*

Причем вопросительные предложения в ряде стихов Лермонтова («К Нэере», «Ребенку», «Жалобы турка», «Ветка Палестины» и др.) занимают значительный объем произведений. В стихотворении «Ветка Палестины» 7 строф из 9 оформляет вопросительная интонация.

Употребляются вопросительные предложения и в прямой речи, в авторской медитации, то есть вопросы участвуют в построении монологов и диалогов лирических героев:

*«Что за гость в ночи морозной?»
Мужу говорит жена,
Сидя рядом, в вечер поздний
Возле тусклого окна...
(«Гость»)
И наконец я видел море,
Но кто поэта обманул?..
Я в роковом его просторе
Великих дум не прочеркнул.
(«Примите дивное посланье»)*

Логическая, аффективная, структурно-организующая функции вопросов выступают не изолированно, а в тесном взаимодействии друг с другом, бла-

годаря этому вопросительные предложения помогают глубоко и проникновенно передавать мысли и чувства лирического героя, способствуют усилению художественной выразительности и гибкости поэтического языка М.Ю. Лермонтова.

Литература

Акимова Г.Н. О некоторых особенностях поэтического синтаксиса // Вопросы языкознания. 1977. № 1. С. 96–98.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.

Бабайцева В.В. Синтаксис русского языка: монография. – М.: Флинта: Наука, 2015. 576 с.

Калинина А.А. Утверждение/отрицание как многоаспектная категория языка и речи: монография. – Йошкар-Ола, 2010. 272 с.

Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в четырех томах. Том первый. Стихотворения 1828-1841. – М. –Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 755 с.

Максимов Д.Е. Поэзия Лермонтова. – Л.: Советский писатель, 1959. 324 с.

Фохт У.Р. Лермонтов. Логика творчества – М.: Наука, 1975. 190 с.

Юханов И.С. Проблема общения и поэтика диалога в прозе М.Ю. Лермонтова – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2011. 219 с.

References

Akimova G.N. O nekotoryh osobennostyah poeticheskogo sintaxisa // Voprosy jazykoznanija. 2007. № 1. S. 96–98

Ahmanova O.S. Slovar lingvisticheskikh terminov. – M.: Sovetskaja enciklopedija, 1966. 608 s.

Babajceva V.V. Sintaxis russkogo jazyka: monographija. – M.: Flinta: Nauka, 2015. 576 s.

Kalinina A.A. Utverzdenije/otricanije kak mnogoaspektnaja kategorija jazyka i rechi: monographija. – Joshkar-Ola, 2010. 272 s.

Lermontov M.JU. Sobranije sochinenij v chetyreh tomah. Tom pervyj. – M. – L.: Izd-vo AN SSSR, 1961. 755 s.

Maximov D.E. Poezija Lermontova. – L.: Sovetskij pisatel, 1959. 324 s.

Foht U.R. Lermontov. Logika tvorchestva – M.: Nauka, 1975. 190 s.

Juhanov I.S. Problema obshenija i poetika dialoga v proze M.Ju. Lermontova.
– Niznyij Novgorod: Izd-vo NNGU im.N.I.Lobachevskogo, 2011. 219 s.

Канд. филол. наук В. Шетеля (Москва)

AuthorID: 779663

zetela@mail.ru

СИМВОЛИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ ГИЙОМА АПОЛЛИНЕРА НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДОВ СТИХОТВОРЕНИЯ «СОБОР В КЁЛЬНЕ»

Аннотация. Статья посвящена переводу на польский и русский языки поэтических строк известного французского поэта Гийома Аполлинер с символическим употреблением *пеликан*, а также некоторых архитектурных элементов собора в Кёльн. В данной статье останавливаемся только на более доступном для понимания произведении «Собор в Кёльне» (франц. „Le Dom de Cologne”, польск. „Katedra w Kolonii”), текст которого с употребленным в нем полной символики наименования птицы и архитектуры собора дает возможность сопоставления подлинника с его польским и русскими переводами. Основная цель работы: ответить на вопрос о том, в какой мере переводы отражают замысел самого автора.

Ключевые слова: единица поэтического выражения; замысел автора; перевод; подстрочник; польский, русский и французский языки; переключение с языка на язык

PhD in Philology Victor Szetela (Moscow)

szetela@mail.ru

SYMBOLISM IN THE WORKS OF GUILLAUME APPOLLINAIRE ON THE EXAMPLE OF TRANSLATIONS OF THE POEM “THE CATHEDRAL IN COLOGNE”

Abstract. The article is devoted to translation into Polish and Russian poetic lines of the famous French poet Guillaume Apollinaire with the symbolic use of *pelicans*, as well as some architectural elements of the cathedral in Cologne. In this article, we dwell only on the more understandable work “The Cathedral in Cologne” (French „Le Dom de Cologne”, Polish „Katedra w Kolonii”), the text of which, with the full symbolism of the name of the bird and the architecture of the cathedral used in it, makes it possible compare the original in this respect with its Polish and Russian translations. The main purpose of the work: to answer the

question of the extent to which translations reflect the intention of the author himself.

Key words: *unit of poetic expression; the intention of the author; translation; interlinear; Polish, Russian and French; switching from language to language*

Гийом Аполлинер (1880–1918) – колоритная личность парижской богемы, поэтическое творчество которого привлекло всеобщее внимание переводчиков славянских языков и прежде всего польских, для которых польско-звучащая фамилия поэта Guillaume Apollinaire, а по-польски Wilhelm Albert Wilhelm Włodzimierz Apollinaris de Wąż-Kostrowicki добавляла таинственности к личности поэта и в его творчестве. Поэт не прочь был сам создавать легенды о самом себе.

Наше внимание привлекло стихотворение «Собор в Кёльне» не только самой тематикой храма, столетиями создаваемого, а теми образами, которые помогли автору в поэтической форме поделиться с нами своими впечатлениями.

«Собор в Кёльне» опубликован без участия самого автора и чаще всего был читаем в сборнике стихотворений “Le Gueuteur Mélancolique” («Ожидающий меланхолии») 1952 г.

Гийом Аполлинер в свое время посетил Кёльн, посетил в дни карнавала, красочные персонажи которого были им также выведены в стихотворении.

Как известно, началом строительства собора являлся 1248 год. Огромный своими размерами готический храм строился до XVI в., затем строительство его было приостановлено, чтобы вернуться к нему по старым подлинным планам строительства в XIX веке. Последним зодчим, который довел строительство собора до конца, был Richard Voigtel, который умер в 1902 г., как раз в год посещения города Аполлинером. История собора и легенды, которые сложились вокруг строительства храма, самой личности первого и последнего зодчего, и некоторые совпадения по датам, увлекло поэта. Автор находит много общего в легендах, сложившихся при строительстве Иерусалимского храма.

Таким образом, некоторые факты, отмеченные в поэтической строке у Аполлинера, выросли до символических размеров.

Скажем, название птицы **пеликан** (греч. πελεκάν), которое в схожей фонетико-морфологической форме имеется во французском, польском и русском языках, а образ птицы является одним из символов Христа по причине того, что, по принятым представлениям, птица эта кормит свое потомство своей плотью и кровью.

Этот образ упомянут при описании храма.

*Tu dresses tes deux tours gothiques au milieu
D'une place modern aux dorures d'enseignes
Pourtant par tes vitraux chaque couchant tu saignes
Jusqu'au Rhin ivre d'or et sous le vent frequent
Le sang du Christ-soleil et du bon **pélican***

[Apollinaire, 1975, s. 433]

Перевод на польский язык, который, кстати, является и нашим родным языком, был осуществлен Ежи Квятковским (Jerzy Kwiatkowski).

Интерес здесь может вызвать вопрос о «переключения» с языка на язык при стремлении к точному смысловому переводу подлинника поэтического текста на указанные языки.

Возможно, что через посредство ключевых слов, а такими могут быть «общие», часто интернациональные для разных языков, термины, а таким является здесь слово **пеликан**, **готический**, гидроним **Рейн**, антропоним **Христос**, может быть обнаружено данное «переключение».

*Кстати, примером такого «переключения», который случился в речи Екатерины Великой, владеющей несколькими языками, и о котором вспоминает ее статс-секретарь А.В. Храповицкий, является спонтанный перевод императрицы с французского на русский выражения *Cela remet le coeur au ventre* на **положить душу в брюхо**, который должен был выразить 'ужасный страх, который одолел провинившихся' [Памятные записки, 1990, с. 91].*

«Ложные друзья» переводчика могут сфальшивить такой перевод.

См., наш опыт польского подстрочника французского подлинника с оглядкой, на имеющийся уже перевод Квятковского:

*Wznosisz swoje dwie gotyckie wieże pośrodku
Od nowoczesnego kwadratu po złożone reklamy
Jednak przez witraże każdego zachodu słońca krwawisz
Do Renu pijanego złotem i pod częstym wiatrem
Krew Chrystusa-Słońca i dobrego **pelikana***

Ср., начало строки польского текста в переводе Ежи Квятковского (Jerzy Kwiatkowski) с обращения к собору: **Podnosisz** – 'Подымаешь' и стилистически более высокого **Wznosisz** в примерно том же значении. Глагол **podnosić** более приемлем при употреблении в знач. 'подносить что-либо

куда-то’, а **wznosić**, на наш взгляд, предполагает ‘возвышение, стремление к небесам’.

*Podnosisz dwie gotyckie wieże
Sponad nowoczesnego placu szyldów w złocie
Jednak przez twe witraże o każdym zachodzie
Toczy się aż po Renu nurt złotem pijany
Krew Chrystusa co słońcem jest i pelikanem*
[Apollinaire, 1975, s. 436]

Здесь коробит употребление переводчиком довольно низкого *szyldy*, а еще прилагательное в ж.р. **позолоченная**, которое в русском подстрочнике имеется в сочетании со словом **вывеска**. Возможна ли замена *szyldy* на **reklamy**?

*Вы возводите две свои готические башни посередине
От современного квадрата до позолоченных вывесок
Но сквозь витраж каждый закат ты истекаешь кровью.
К Рейну пьяному от золота и под частым ветром
Кровь Христа-Солнца и добрый пеликан*

Интересны три последние строки в каждом из представленных здесь вариантов:

*Krew Chrystusa-Słońca i dobrego pelikana
Krew Chrystusa co słońcem jest i pelikanem
Кровь Христа-Солнца и добрый пеликан*

Первое: отметим дефисный антропоним Chrystus-Słońce + dobry pelikan

Второе: кровь Христа является и солнцем и пеликаном, а также, вероятно, солнечная подсветка собора способствовала позолоте, а витражи при закате, действительно, кровоточат

Третье: по сути идентичен первому варианту

Каждое из них в какой-то мере соответствует – *Le sang du Christ-soleil et du bon pelican*

Нам трудно предугадать более глубокие замыслы, вложенные автором в эти строки. Строки нельзя дробить – они представляют собой нечто целое неделимое.

Нашим читателям переданы образы и впечатления от храма, но скажем, образ **пеликана** русскому читателю может также дополнительно ассоциироваться с той птицей, с которой он знаком по русским текстам.

По историко-этимологическому словарю П.Я. Черных слово **пеликан** отмечено в русских текстах уже в 1731 г. [Черных, 2009, т. 2, с. 17].

Пеликан – ‘птица-баба, из сем. веслоногих, с большим кожным мешком под клювом’ [Гавкин, 1912, с. 483].

Газета «Санкт – Петербургские ведомости» в № 61 за 1811 г. сообщала:

*В селении Россгауптене в Фуссенском округе на одном из прудов застрелен нарочитой величины **Пеликан**, который обыкновенно называется **Бабюю птицею*** [с. 912].

Эти наименования экзотической птицы были выделены в газетной строке курсивом. В том же 1811 г. в той газете, но в № 97 указало наименование корабля:

*Купеческий корабль **Пеликан*** [с. 1410].

Встретим это слово в сравнении:

*эскадра Черноморского флота, подобно огромному стаду гордых **пеликанов**, окружает и стесняет у берега турецкую Варнскую флотилию, как устрашенную рыбу...* [Вельтман, 1977, с. 135].

Словари прошлого столетия отмечают слово **пеликан** и в значении медицинского инструмента – ‘инструмент для выдергивания зубов’ [Гавкин, 1912, с. 483].

*Усердный врач подобен **пеликану*** [Прутков, 1976, с. 112].

Таким образом, заметим, что слово **пеликан** не является чужим даже при чтении замысловатого стиха.

Возможно, что совершенно иные смыслы вкладывал Аполлинер при употреблении этого и других слов в стихотворении «Собор в Кёльне».

Следующие строки Г. Аполлинер в стихотворении «Собор в Кёльне» способны вызвать дополнительные ассоциации при чтении русского текста.

*Mais sois moderne et que tes prêtres déïfiques
Tendent entre tes tours des fils **télégraphiques**
Et tu deviendras luth alors et l'**ouragan***

Fera gémir auxfils un hymne extravagant

[Apollinaire, 1975, s. 433]

Трудно делить этот целостный текст, с выделенными в нем интернациональными словами.

В польском переводе Квятковского эти строки звучат следующим образом:

Lecz nowoczesną bądź Niech twoi boscy kapłani

Telegraficzne druty rozepną między wieżami

*Wtedy lutnia się staniesz **Huragan** porywisty*

Grać będzie na twych drutach hymn dziwaczego lutnisty

[Apollinaire, 1975, s. 436]

Чем это не Эолова Арфа?

Все же будь современным и позволь своим божественным священникам

*Протяните между своими башнями **телеграфные** провода*

*И станешь ты тогда лютней и **Ураганом***

Заставит лютнистов стонать экстравагантный гимн.

Для русского читателя этот фрагмент произведения с описанием архитектурных элементов собора может ассоциироваться с известными образами Эоловой Арфы в художественных текстах родного языка.

Над домом вверху, в полукруглой куполе была Эолова арфа, с которой, впрочем, давно были сорваны струны... [Лесков, 1945, с. 132].

Эолова Арфа (итал. *agra eolica*, *agra d'Eolo*) – ‘арфа Эола, по мифологическому преданию, издававшая нежные звуки при восходе солнца и легчайшем ветерке; || отсюда: чувствительная душа’ [Гавкин, 1912, с.735].

(У Аполлинера: при заходе солнца и урагане).

Архитектурными элементами пейзажа являлись Эоловые Арфы – беседки на склонах Машука в Пятигорске и в Павловске под Санкт-Петербургом. Об них вспоминает М.Ю. Лермонтов, А.О. Смирнова-Россет, А.А. Бестужев-Марлинский.

На крутой скале, где построен павильон, называемый Эоловой Арфой, торчали любители видов и наводили телескоп на Эльборус [Лермонтов, 1986, с. 256];

В ней (в Павловске. – В.Ш.) есть Эоловые арфы, и при ветре они издают жалобные звуки [Смирнова, 1989, с. 501];

шум женского платья кажется нам очаровательною музыкою Эоловой арфы или даже, если вы имеете романтическое ухо, гармоникой сфер [Бестужев-Марлинский, 1986, с. 220].

Таким образом, на примере переводов стихотворения Гийома Аполлинера «Собор в Кёльне» и отдельных его элементов (**пеликан**) на польский и русский языки было произведено сопоставление этих текстов, которое показало полную передачу на названные языки символических образов и реализацию замысла автора. Возможно, что замысел автора и являлось показать современную «жизнь» средневековой стройки поэтапно до того момента, в котором увидел ее автор. Возможно, что некоторые слова, как скажем, слово **szylidy** не в полной мере уместны, на наш взгляд, в поэтической строке. Более подходит здесь слово **reklama**, а в русском **вывеска**. Предполагается, что отдельные моменты в русском переводе могут ассоциироваться с образами, созданными в русской литературе (**телеграфные провода** и **Эолова Арфа**).

Литература

Бестужев-Марлинский А.А. Лейтенант Белозор // Бестужев-Марлинский А.А. Повести. – М.: Правда, 1986. С. 143–221.

Вельтман А.Ф. Странник. – М.: Наука, 1977. 344 с.

Гавкин И.И. Краткий словарь иностранных слов. – СПб., К., Харьков, 1912. 745 с.

Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М.Ю. Собр. соч. в четырех томах. – М.: Правда, 1986. Т. 4. С. 197–337.

Лесков Н.С. Железная воля // Лесков Н.С. Избранные сочинения. – М.: ОГИЗ, Гос. изд-во худож. лит., 1945. С. 131–168.

«Памятные записки» А.В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй. – М.: В/О Союзтеатр, 1990. 294 с.

Прутков Козьма. Сочинения. – М.: Худ. лит., 1976. 384 с.

Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания. – М.: Наука, 1989. 789 с.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – М.: Рус. яз. – Медиа; Дрофа, 2009. Т.2. 560 с.

Guillaume Apollinaire, *Wybór poezji* / opracował Jerzy Kwiatkowski. – Biblioteka Narodowa № 176, seria II. – Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich-Wydawnictwo, 1975. 498 s.

References

Bestuzhev-Marlinsky A.A. Lieutenant Belozor // Bestuzhev-Marlinsky A.A. Tales. – М.: Pravda, 1986. S. 143-221.

Veltman A.F. Wanderer. – М.: Nauka, 1977. 344 p.

Gavkin I.I. Brief dictionary of foreign words. – SPb., K., Kharkov, 1912. 745 p.

Lermontov M.Y. Hero of our time // Lermontov M.Y. *Sobr. op.* in four volumes. – М.: Pravda, 1986. Т. 4. S. 197–337.

Leskov N.S. Iron Will // Leskov N.S. Selected writings. – М.: OGIZ, State Publishing House of Artists. lit., 1945. P. 131–168.

"Memorial Notes" by A.V. Khrapovitsky, Secretary of State of Empress Catherine II. – М.: V / O Soyuzteatr, 1990. 294 p.

Prutkov Kozma, Works. – М.: Hood. lit., 1976. 384 p.

Smirnova-Rosset A.O. Diary. Memories. – М.: Nauka, 1989. 789 p.

Chernykh P.Y. Historical and etymological dictionary of the modern Russian language: in 2 vols. – М.: Rus. lang. – Media; Bustard, 2009. V.2. 560 p.

Guillaume Apollinaire, *A Selection of Poetry* / edited by Jerzy Kwiatkowski. – National Library No. 176, Series II. – Wrocław – Warsaw – Kraków – Gdańsk: Ossoliński National Institute-Publishing House, 1975. 498 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Башкова Лилия Рафиковна (). Кандидат филологических наук, доцент кафедры «Романо-германская филология» историко-филологического факультета Педагогического института ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Пенза). E-mail: *liliarafikovna837@gmail.com*

Белас Алексей Александрович. Лектор АНО ЦСР «Действуй» (Новозыбков, Брянская обл.). E-mail: *leska1984rusnik@mail.ru*

Беседина Елена Ивановна (SPIN-код: 4636-0332). Кандидат филологических наук, доцент, доцент Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета (С.-Петербург). E-mail: *elivbesedina@mail.ru*

Бойченко Людмила Васильевна (SPIN-код: 5402-0111). Кандидат филологических наук, доцент. Директор Покровского филиала Московского педагогического государственного университета (Покров). E-mail: *f_pokrov@mpgu.su*

Бэ Чжунсун. Бакалавр лингвистики, Санкт-Петербургский государственный университет (С.-Петербург).

Ворошнина Марина Владиславовна (SPIN-код: 2838-2947). Аспирантка, Санкт-Петербургский электротехнический университет «ЛЭТИ». E-mail: *mvoroshnina@gmail.com*

Гагаев Павел Александрович (SPIN-код: 8018-7213). Доктор педагогических наук, профессор. Профессор Пензенского государственного университета (Пенза). E-mail: *gagaevp@mail.ru*

Дёмин Илья Вячеславович. Студент кафедры «Мировая политика и международный бизнес» при Институте экономики и управления экономического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Пенза). E-mail: *Ilya-deomin@yandex.ru*

Дмитрюк Наталья Васильевна (SPIN-код: 2930-7749). Доктор филологических наук, профессор. Профессор кафедры русского языка Южно-Казахстанского государственного педагогического университета (Шымкент, Казахстан). E-mail: *nvdmitr@yandex.ru*

Зацепина Елена Александровна (SPIN-код: 1688-6593). Кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского и иностранных языков Государственного университета по землеустройству (Москва). E-mail: *myshila@mail.ru*

Ипполитова Любовь Викторовна (SPIN-код: 4094-5429). Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка № 5 Института русского языка РУДН им. П. Лумумбы (Москва). E-mail: *ippolitova.lv@yandex.ru*

Кузьмич Ирина Васильевна (SPIN-код: 9595-5992). Кандидат филологических наук, доцент. Доцент Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета (С.-Петербург). E-mail: *irinakuzmich@inbox.ru*

Кураш Сергей Борисович (SPIN-код: 4030-8993). Кандидат филологических наук, доцент. Доцент кафедры белорусской и русской филологии Мозырского государственного педагогического университета имени И.П. Шамякина (Мозырь, Беларусь). E-mail: *text2005@mail.ru*

Луннова Марина Геннадьевна (SPIN-код: 5901-7530). Кандидат филологических наук, доцент. Доцент кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского пединститута Пензенского государственного университета (Пенза). E-mail: *lunnovamg@mail.ru*

Мищенко Татьяна Александровна (SPIN-код: 1693-9705). Кандидат исторических наук, доцент. Доцент филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский педагогический государственный университет» в г. Черняховске Калининградской области. E-mail: *mtapost@yandex.ru*

Мукина Ольга Геннадьевна (SPIN-код: 4784-7031). Кандидат филологических наук. Доцент кафедры дошкольного, начального образования и методик преподавания общеобразовательных дисциплин ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова». E-mail: *mukina_o@mail.ru*

Мухаммад Людмила Петровна (SPIN-код: 8717-2663). Доктор педагогических наук, профессор. Профессор Московского государственного лингви-

стического университета, Института русского языка РУДН им. П. Лумумбы (Москва). E-mail: *ludmilamuh@mail.ru*

Никитина Елена Сергеевна (SPIN-код: 9565-1834). Кандидат филологических наук, доцент. Доцент кафедры журналистики, рекламы и PR Московской финансово-юридической академии (Москва). E-mail: *m1253076@yandex.ru*

Переслегина Елена Робертовна (SPIN-код: 2127-8108). Кандидат педагогических наук, доцент кафедры преподавания русского языка в других языковых средах Института филологии и журналистики в ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского». E-mail: *peresl@mail.ru*

Платонова Алеся Сергеевна. Студентка Института филологии и журналистики в ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского».

Потёмкина Виктория Равильевна. Ассистент кафедры русского языка № 5 Института русского языка РУДН (Москва). E-mail: *potemkinav1@mail.ru*

Пузырев Александр Владимирович (SPIN-код: 9939-4064). Доктор филологических наук, профессор, кандидат психологических наук. Профессор кафедры гуманитарных и психолого-педагогических дисциплин Покровского филиала Московского педагогического государственного университета (Покров). E-mail: *puzyrev-a-v@yandex.ru*

Репина Дарья Юрьевна. Магистр Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» (С.-Петербург).

Седёлкина Юлия Георгиевна (SPIN-код: 3075-2444). Кандидат педагогических наук, доцент. Доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» (С.-Петербург). E-mail: *y.sedelkina@spbu.ru*

Сельвян Карина (Абхазия, Сухум). Магистрантка Института международных образовательных программ МГЛУ. E-mail: *kselvyan00@mail.ru*

Суси Магдалена (eLIBRARY ID: 30364543). Кандидат филологических наук, доцент. Доцент кафедры русского языка университета Паджаджарана (Бандунг, Индонезия). E-mail: *machdalena@unpad.ac.id*

Хисамова Галия Гильмулловна (SPIN-код: 9133-6564). Доктор филологических наук, доцент. Профессор кафедры русской и сопоставительной филологии Башкирского государственного университета (Уфа). E-mail: *galia.khisamova@yandex.ru*

Шетэля Виктор (AuthorID: 779663). Кандидат филологических наук, доцент. Доцент Дирекции образовательных программ Московского городского педагогического университета (Москва). E-mail: *szetela@mail.ru*

Шингарева Марина Юрьевна (SPIN-код: 2981-2973). Канд.филол. наук, доцент. Доцент кафедры английского языка Южно-Казахстанского государственного педагогического университета (Шымкент, Казахстан). E-mail: *logrus1976@mail.ru*

Шмелькова Вера Викторовна (SPIN-код: 6212-6658). Доктор филологических наук, доцент. Профессор Пензенского государственного университета. E-mail: *vshmelkova@rambler.ru*

Научное издание

**Язык и мышление:
психологические и лингвистические аспекты**

Материалы XXIII-й Международной научной конференции,
посвящённой 200-летию со дня рождения основоположника научной
педагогике в нашей стране Константина Дмитриевича Ушинского
и празднованию Года педагога и наставника в Российской Федерации

г. Покров, 20–21 сентября 2023 г.

Под общей редакцией А. В. Пузырева

Электронное издание сетевого распространения

Ответственный редактор *А. В. Пузырёв*

e-mail: puzurev-a-v@yandex.ru

Электронный набор *А. В. Владимиров*

Компьютерная вёрстка *А. В. Владимиров*

Статьи печатаются в авторской редакции

Авторы несут ответственность за оригинальность и достоверность приведенных фактических материалов, корректность цитирования и правильность указания источников

Московский педагогический государственный университет (МПГУ).

119435, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1.

Подписано к публикации: 10.09.2023.

Усл. п. л. 21,48. Заказ 1460.

ISBN 978-5-4263-1280-7

9 785426 312807